

ПОЛЬСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА ВОСТОКЕ ПОСЛЕ 1989 ГОДА

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

**Польская
дипломатия
на востоке после
1989 года**

Прошлое, настоящее, будущее

Nagrania zrealizowano w ramach zadania publicznego „Dyplomacja publiczna 2021” finansowanego przez Ministerstwo Spraw Zagranicznych RP.

Записи интервью реализованы в рамках общественной задачи «Публичная дипломатия 2021», профинансированной Министерством иностранных дел Республики Польша

Rzeczpospolita Polska
Ministerstwo
Spraw Zagranicznych

Opublikowane wywiady są wyłącznie opiniami uczestników podcastu i nie mogą być utożsamiane z oficjalnym stanowiskiem Ministerstwa Spraw Zagranicznych RP oraz Studium Europy Wschodniej Uniwersytetu Warszawskiego.

Опубликованные интервью выражают исключительно точку зрения участников подкастов и не могут быть приравнены к официальной позиции Министерства иностранных дел Республики Польша и Центра исследований Восточной Европы Варшавского университета.

Координатор проекта
Денис Куценко
(Центр исследований Восточной Европы
Варшавского Университета)

Авторы идеи
Денис Куценко, Александр Скидан, Каетан Шимашчик

Редакция русского языка, корректура
Алена Аземша

Именной и географический указатель, список сокращений
Александра Звягина, Денис Куценко

Расшифровка интервью
Александра Звягина, Денис Куценко,
Юрий Ткачук, Оксана Усатенко

Обложка, графическая обработка проекта
Хуберт Карасевич

Верстка
„Tyrsa” Sp z.o.o.

© by Studium Europy Wschodniej UW
Варшава 2021
ВАРШАВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ISBN 978-83-67208-08-6

Koordynator projektu

Denys Kutsenko

Autorzy koncepcji

Denys Kutsenko, Aleksandr Skydan, Kajetan Szymaszczyk

Redakcja językowa, korekta

Alena Azemsha

Indeksy, wykaz skrótów

Alexandra Zvyagina, Denys Kutsenko

Transkrypcje wywiadów

Denys Kutsenko, Iurii Tkachuk, Oksana Usatenko, Alexandra Zvyagina

Prace graficzne projektu

Hubert Karasiewicz

Skład i łamanie

„Tyrsa” Sp z.o.o.

© by Studium Europy Wschodniej UW

Warszawa 2021

UNIwersytet Warszawski

ISBN 978-83-67208-08-6

Содержание

Вступление / 6

Марек Радзивон: «Польский культурный центр – это место, где нужно жить не столько жизнью своей страны, сколько жизнью страны, в которой ты находишься» / 8

Виктор Росс: «У нас была установка, что ко всем республикам подход должен быть одинаковым» / 26

Агнешка Легуцка: «Россия – это не только Путин, это отважные люди, которые борются за права человека» / 46

Бартош Хмелевски: «Мы думали, что в польском интернете нет такого места, где можно было прочесть о странах Балтии» / 69

Яцек Ключковски: «Украина в моей дипломатической работе была самым важным этапом» / 89

Людвика Влодек: «Запад не заинтересован странами Центральной Азии. Ему точно не хватает решимости бороться за какие-либо демократические перемены» / 114

Ежи Марек Новаковски: «Структура протестов против Лукашенко и против Путина похожи друг на друга на 90%» / 131

Именной указатель / 153

Вступление

В июне – декабре 2021 года Центр исследований Восточной Европы Варшавского университета реализовал проект «Польская дипломатия на востоке после 1989 года. Прошлое, настоящее, будущее» (в рамках задания «Публичная дипломатия – 2021», подзадание «Восточное измерение польской внешней политики»), который финансировало Министерство иностранных дел Республики Польша.

Цель проекта – познакомить как можно большее количество людей с польским видением так называемого постсоветского пространства, а также с историей и достижениями польской дипломатии в государствах, появившихся на карте после 1989 года за восточной границей Польши.

После записи и публикации серии интервью на их основе была создана эта электронная книга.

Эта публикация и предшествующие ей подкасты рассматривают политику и новейшую историю Восточной и Центральной Европы, СССР, а также государств, которые восстановили свою независимость после его распада. В то же время опубликованные беседы являются источником многих важных и ценных деталей, любопытных для аналитиков, политологов, историков и студентов, которые узнают, с какими трудностями столкнулись польские дипломаты, как они видели будущее своего государства и региона 20–30 лет назад и как сейчас оценивают успехи и неудачи политических преобразований за восточной границей Польши.

Из семи участников подкастов опыт в дипломатии имеют четверо: Марек Радзивон, Виктор Росс, Яцек Ключковски и Ежи Марек Новаковски. Еще трое являются одними из ведущих экспертов в своей отрасли. Это Агнешка Легуцка, Людвика Влодек и Бартош Хмелевски.

Каждое интервью посвящено определенному региону. Так, тему России в той или иной мере затронули Марек Радзивон, Виктор Росс и Агнешка Легуцка. Отношениям Польши с Украиной был полностью посвящен подкаст с Яцеком Ключковским. Польского видения будущего Беларуси коснулась беседа с Ежи Марекком

Новаковским. Отношениям с государствами Центральной Азии и Балтии посвящен разговор с Людвикой Влодек и Бартошем Хмелевским. Об истории и современности Кавказа и Молдовы ведущая говорила в беседах с Виктором Россом, Агнешкой Легуцкой и Ежи Марекком Новаковским.

Этот проект не смог бы состояться без поддержки и участия многих людей. Благодарим работников Центра исследований Восточной Европы Александра Скидана и Каетана Шимашчика за помощь при подготовке предложения в МИД, Оксану Усатенко и Юрия Ткачука – за расшифровку интервью, Тересу Шумску, Эльжбету Ксенжек, Кристину Бралу и Малгожату Смолярску – за работу с бухгалтерской отчетностью, Александру Звягину – за расшифровку интервью и создание географического показателя, специалиста Департамента публичной и культурной дипломатии Кшиштофа Плаского – за ценные замечания и советы при реализации проекта, Алену Аземшу – за языковые и редакторские правки.

Кроме того, следует выразить признательность за общее руководство всеми проектами, реализуемыми в нашей институции, директору Центра исследований Восточной Европы Яну Малицкому, без которого это издание не увидело бы свет.

Публикация, как и подкасты, будут полезны студентам, преподавателям, исследователям, которые занимаются восточной политикой Польши и сопутствующими темами, а также всем, кто интересуется новейшей историей региона.

Координатор проекта Денис Куценко

*Ведущая подкастов,
журналистка Русской службы Польского Радио
Дарья Юрьева*

Марек Радзивон: «Польский культурный центр – это место, где нужно жить не столько жизнью своей страны, сколько жизнью страны, в которой ты находишься»

Гостем первого эпизода подкаста Центра исследований Восточной Европы Варшавского университета стал Марек Радзивон. Журналист, доктор исторических наук, бывший директор Польского культурного центра в Москве, а также автор книг «Ивашкевич. Писатель после катастрофы»¹, «Мы жили как свободные люди: разговор с Сергеем Ковалевым»², составитель польской антологии текстов советских диссидентов «Стыдно было молчать»³. Марек Радзивон является также членом правления польского ПЭН-центра, российско-польской группы по сложным вопросам, преподавателем Центра исследований Восточной Европы Варшавского университета.

¹ Marek Radziwon, *Iwaszkiewicz: pisarz po katastrofie*, Wydawnictwo W.A.B. Warszawa, 2010.

² Marek Radziwon, *Żyliśmy jak ludzie wolni: rozmowa z Siergiejem Kowalowem*, Wydawnictwo Czarne, Wołowiec 2017.

³ *Wstyd było milczeć: świadectwa radzieckich dysydentów*, wybór i wstęp Marek Radziwon [tł. z jęz. ros. Hałyna Dubyk i Ewangelina Skalińska], Instytut Książki – Nowaja Polska: Biblioteka Narodowa, Kraków–Warszawa 2013.

Готовясь к этому подкасту, мы пытались взять ваши книги в библиотеке, и выяснилось, что все они на руках. Как оказалось, летом 2021 года люди читают в Польше о советских диссидентах. Как вы считаете, почему это интересно полякам?

Не знаю, действительно ли это так, но допустим, если вы все же не преувеличиваете, то дело в том, что история диссидентского движения не закрыта. Человек, который сопротивляется, к примеру, государству, правительству, даже необязательно в политическом смысле, а вообще большинству, человек, который не боится оставаться в меньшинстве, – это всегда интересно, несмотря на политические условия и эпоху.

Если же мы говорим в целом о русской культуре, о культуре постсоветских стран, то почему это вызывает такой большой интерес у поляков? И здесь мы говорим о представителях разных поколений.

При условии что это действительно вызывает интерес, я иногда в этом сомневаюсь. У меня, к сожалению, наоборот, возникает ощущение, что наше знакомство с русской культурой заканчивается на каком-то поверхностном перечислении нескольких советских фильмов и, может быть, более современных русских, хотя в основном советских. Наш интерес к политическим событиям в Восточной Европе, в моем случае в первую очередь к России, заканчивается тоже на каких-то общеизвестных фамилиях. Хотя политическая и общественная жизнь в России очень бурная, интересная и хаотичная, это я считаю комплиментом. В своей хаотичности она очень богата – там очень много разных некоммерческих, общественных организаций (НКО), а мы все равно понимаем: тут Путин, тут Кремль, – и на этом наш интерес к России заканчивается. Он основан на каких-то поверхностных знаниях, состоит из элементарных телевизионных передач. Так мне иногда кажется. Это горько, но это так.

Вы автор книги «Мы жили как свободные люди: разговор с Сергеем Ковалёвым». Сергей Ковалёв – известный советский диссидент, российский общественный и политический деятель. Расскажите, сложно ли вам было установить с ним контакт? Как сложно было вести разговор? Здесь я, конечно, говорю не об уровне владения

русским языком, а о том, как это – вести разговор с таким человеком.

На этот вопрос у меня есть два противоположных ответа, и в обоих, мне кажется, есть зерно правды. С одной стороны, было легко, потому что он легко вышел навстречу. Он понимал, чего я хочу, не устанавливал никаких границ, хотя разница между нами неизмеримая, вы сами это понимаете. В первую очередь это разрыв в два поколения. Это человек, которому в данный момент уже больше 90 лет. Я намного младше, и это разный жизненный опыт. Во-вторых, у него совсем другая политическая и общественная жизнь. В-третьих, я иностранец, поэтому боялся, что некоторые мои вопросы могут быть наивными. Русский журналист, исследователь, не знаю, любой человек, который к нему обратился бы, понимает разные вещи и хватает их на лету. Я же могу не знать этих нюансов. Даже если я что-то знаю, это то, что где-то прочитал, через кого-то где-то непосредственно услышал. Я же там не жил, это не моя жизнь. Все это нужно было мне изучить, чтобы как-то понимать, а отчасти догадываться.

Каких-то границ Сергей Адамович не устанавливал. В этом смысле он был человеком моего возраста, то есть очень открыто меня принял. Я ездил к нему домой, записи, которые вошли в книгу, – это лишь часть наших бесед. Многие беседы не вошли в книгу, на самом деле их намного больше, часть даже сокращена и отредактирована. Я ездил к нему домой, все происходило в домашней обстановке. Мы иногда сидели помногу часов, я очень часто спрашивал, уточнял, можем ли мы еще поговорить, потому что мы сидели с микрофоном, записывали часов шесть-семь, а он уже человек в возрасте, может уставать. Мне, конечно же, с ним было интересно. Мы вместе ужинали, потом еще записывали, так что все было очень легко. Сложностей я не ощущал. Хотя, я считаю, что это должно быть сложно уже хотя бы потому, что Сергей Адамович очень высоко ставит себе планку и очень много требует от себя. От окружения на самом деле тоже, то есть если он к чему-то готовится – к какому-то выступлению, встрече, разговору, интервью, – он действительно серьезно готовится. Я тоже понимал, что мне нужно подготовиться. Я не мог к нему прийти и сказать: «Слушайте, расскажите, пожалуйста, как это было», – потому что это дурацкий вопрос. На самом деле это такое элементарное журналистское ремесло. Я сразу заметил, что очень важно поставить конкретный вопрос. Если спросить о чем-то общем, ни о чем на самом деле: «Расскажите, как это было в диссидентском движении

в 60-е годы». Ответ будет примерно таким: «Да, вот так и было, ну иногда сложно, иногда не очень» – и все. А вот если задать вопрос очень конкретный, например: «Скажите, пожалуйста, почему из квартиры Сахарова⁴ 9 мая, а не 12 октября вы вышли после 12 ночи, хотя хотели прийти домой раньше...» Я старался где-то прочесть интересную информацию, например в воспоминаниях Сахарова, и задать очень конкретный вопрос. Казалось бы, какая-то мелочь, но с этого начинался весьма плодотворный разговор, в котором было много деталей, много фамилий, много всего интересного. Именно в этом была некоторая сложность. Я понимал, что иду к человеку, который всегда все делает на сто процентов.

В 2014 году, уезжая из Москвы, вы дали интервью «Радио Свобода». Вы уже не были директором Польского культурного центра в Москве и сказали: «Интеллектуал – это человек, который всегда в меньшинстве, у которого всегда есть претензии к самому себе, поэтому он не может быть империалистом, он не может выиграть. Интеллектуал всегда готов к тому, что он всегда проигрывает, что он всегда в меньшинстве, которое обычно обязано разговаривать на какие-то больные темы». И вы, кстати, сейчас сказали о советских диссидентах, что они тоже в меньшинстве. Могут ли сегодня польские и российские интеллектуалы наладить диалог, поспособствовать улучшению отношений, и вообще в целом в 2021 году польские и российские интеллектуалы ведут диалог?

Смотря что вы имеете в виду. Наладить отношения в каком-то глобальном официальном государственном плане? Наверное, нет. Я употребил слово «интеллектуал», имея в виду более широкое значение, не только какую-то профессию, а интеллигенцию вообще. Это понятие в Западной Европе, может, не такое важное, как в Центральной и Восточной Европе, в России – тут оно живое и означает какую-то конкретную среду.

Контакты, безусловно, есть. Я верю, что существует некий дух, даже если мы его не замечаем, существует атмосфера, которая, как иногда нам кажется, проигрывает, или какое-то либеральное направление, но на самом деле оно существует как подземная

⁴ Андрей Дмитриевич Сахаров (1921–1989) – советский физик-теоретик, академик АН СССР, один из создателей первой советской водородной бомбы. Общественный деятель, диссидент и правозащитник; народный депутат СССР, автор проекта Конституции Союза Советских Республик Европы и Азии. Лауреат Нобелевской премии мира за 1975 год.

Запись подкаста с Марекком Радзивоном.
Студия Радио Кампус, 7 июля 2021 года

река. В этом смысле контакты, диалог, если хотите, польской интеллигенции – художественной и академической – и российской существует. Таких контактов много, только мы не знаем о них из официальных СМИ. Есть очень много польских специалистов, которые занимаются литературой не в узко историческом смысле, как историки литературы, которые читают пыльные книги в библиотеках. Хотя это тоже очень хорошо, и я не хочу сказать, что это неважно или неинтересно, но людей, которые понимают современную жизнь в России, их, безусловно, очень много. На самом деле это и мой круг общения в России и в Москве. Существует очень много российских интеллигентов, которые интересуются тем, что происходит в Польше с давних времен, и которые прекрасно понимают, что происходит сейчас и в политической жизни, и в художественной, и в культурной, и вообще в целом. Безусловно, существуют люди, которые занимаются культурой не только в ее художественном понимании, таком как музыка и театр, а культурой как проявлением ежедневной жизни.

Нам иногда кажется, что оттепель далеко, но может быть, она и не так далеко. Я расскажу реальную историю, которая звучит как анекдот и которую я услышал от Сергея Адамовича Ковалёва. Он мне рассказал о разговоре с одним из своих друзей, историком Древнего Рима в конце 1970-х годов, когда сидел в лагере Пермь-36⁵ с довольно большим сроком. В то время Ковалёв сказал: «Вот Советский Союз, он же никогда не развалится». На что историк Древнего Рима ему ответил: «Ну как же не развалится, любая империя разваливается, например Римская». – «Да, вот только Римская империя разваливалась 300–400 лет», – отметил Ковалёв. На что историк ответил: «Это период времени, который меня вполне устраивает». Это настоящая реальная история, хотя и забавная. На самом деле, я ее очень люблю и часто вспоминаю, потому что то, что нам кажется каким-то заморозком, какой-то холодной волной, – это только период, нам не нужно торопиться. Я сторонник мышления в довольно длительной перспективе.

⁵ Пермь-36 – колония, созданная в 1946 году. В 1972 году приняла первых политзаключенных. Сюда были переведены наиболее опасные, по мнению властей, политические заключенные. Среди узников пермских политлагерей были авторы и распространители антикоммунистической литературы, участники правозащитных групп, религиозных, национальных и других организаций – Владимир Буковский, Сергей Ковалёв, Анатолий Марченко, Юрий Орлов, Василий Стус, Натан Щаранский, Глеб Якунин и другие. Лагерь был закрыт в 1988 году.

Давайте перейдем к другому блоку вопросов, которые касаются вашего восприятия региона Центральной и Восточной Европы. Вы, конечно, мало прожили во времена Польской Народной Республики – к счастью, всего 19 лет. Расскажите, как в годы юности вы воспринимали Советский Союз.

Я занимаюсь культурной и общественной жизнью России профессионально, хотелось бы быть специалистом. Но пришел к этому не сразу. На самом деле мои воспоминания, связанные с временами ПНР и 1989 годом в Польше, не особо оригинальны. Тогда мне вообще в голову не приходило, что я мог бы интересоваться чем-нибудь восточным. Так что мне кажется, что первые 19–20 лет до перемен в Польше в 1989 году Советский Союз для меня ассоциировался с некоторыми явлениями русской культуры. С другой стороны, было ощущение, не основанное ни на чем, ни на каком знании, ведь в середине 1980-х годов я был еще ребенком – мне было где-то 14–15 лет, но все равно я как-то ощущал, не благодаря телевизору – там об этом не говорили, не по каким-то независимым изданиям (хотя у нас дома самиздат появился в 1980-х годах благодаря родителям), что Советский Союз, а именно Москва и Кремль, а не республики Украина, Беларусь, Литва – это что-то очень большое, но при этом некрепкое и что-то смешное даже в этом есть, в том как уходили из жизни очередные генсеки в первой половине 1980-х годов. Это вызывало смех, хотя я тогда не очень понимал, кто такой Черненко⁶, кто такой Андропов⁷ и чем они занимались в 1960–1970-е годы. Во второй половине 1980-х годов это ассоциировалась с чем-то устаревшим и неопасным.

Понятно, что 1989 год был очень важным для Польши. Вы следили за тем, что происходило в России и советских республиках в 1991 году? Было ли это для вас важным, ключевым моментом?

Тогда не очень, честно говоря. В начале 1990-х я не совсем понимал, что там происходило на самом деле. Естественно, я понимал, что такое распад Советского Союза. Я понимал, что это, и внимательно

⁶ Константин Устинович Черненко (1911–1985) – советский партийный и государственный деятель. Генеральный секретарь ЦК КПСС с 13 февраля 1984 по 10 марта 1985 года.

⁷ Юрий Владимирович Андропов (1914–1984) – советский государственный и политический деятель, Генеральный секретарь ЦК КПСС (1982–1984). С 1954 по 1957 год Андропов – посол в Венгрии, участвовал в подавлении Венгерского восстания 1956 года. 10 мая 1967 года назначен председателем КГБ СССР.

интересовался, но тогда только из польской прессы, хотя уже довольно свободной, интересной и богатой. Я понимал, что такое телебашня в Вильнюсе⁸. Я понимал, что такое ГКЧП⁹, но это были знания не очень глубокие, и тогда у меня не было русских друзей, знакомых. На самом деле, я немного завидую моим польским друзьям и знакомым, которые, как и я, занимаются Россией. Они прекрасные специалисты, которые еще в школе понимали, в какой институт пойдут, на какой факультет. Они учили русский язык, понимали, что им это интересно. В это время я был еще не совсем взрослым, но уже и не был ребенком. Во время учебы в институте я много чего упустил и после пришлось многое наверстывать.

Как вы считаете, события в Польше 1989 года стали толчком для развала Советского Союза или это уже было предопределено?

Мне кажется, что и да, и нет. С ответом нужно быть осторожным, тут лучше бы было спросить каких-то моих русских знакомых или друзей. Потому что ответ «Да, перемены в Польше в 1989 году имели значение» может показаться немного высокомерным: у нас вот тут круглый стол, такая серьезная история, весь мир на нас смотрел... Отчасти, возможно, и смотрел, но не стоит тоже преувеличивать значение того, что происходило в Польше, чтобы это не показалось высокомерным.

События 1989 года и круглый стол в Польше я очень хорошо помню. Хорошо помню первое телевизионное выступление Валенсы. Я даже не столько помню само выступление, сейчас бы уже не смог пересказать его речь в подробностях, но помню эту атмосферу. Помню комнату, в которой мы с папой и мамой это смотрели. Помню, где стоял телевизор в той комнате и в той квартире, где мы тогда жили. Это, может быть, даже важнее, чем конкретные фразы, которые произносил Валенса. Мне кажется, было важно, что в довольно большой стране, такой как 36-миллионная Польша, происходили не просто перемены, а перемены очень серьезные,

⁸ Телебашня в Вильнюсе – здесь находился литовский теле- и радиовещательный центр. 13 января 1991 года советскими войсками был предпринят штурм телебашни, при котором погибло 15 человек и как минимум 140 были ранены.

⁹ Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП) – самопровозглашённый орган власти в СССР, существовавший с 18 по 21 августа 1991 года. Члены ГКЧП выступили против политики перестройки, а также против подписания нового союзного договора и преобразования СССР в конфедеративный Союз Суверенных Государств, куда планировали войти только 9 из 15 союзных республик. После поражения члены ГКЧП были осуждены, их действия квалифицировали как государственный переворот.

Запись подкаста с Марекком Радзивоном.
Студия Радио Кампус, 7 июля 2021 года

очень глубокие и мирные. То есть люди, одни из которых сажали в тюрьму, а вторые, я имею в виду тогдашнюю оппозицию – «Солидарность», которые после введения военного положения оказались в тюрьме, и те и другие смогли сесть вместе и договориться. И все это получилось без жертв. Это чудо, но не в смысле того, что что-то падает на нас сверху и мы на это не влияем, а в смысле того, что это тяжелая работа, которую все сделали. Только поэтому не исключаю, что способ, которым это все было сделано, мог повлиять на ситуацию необязательно в России, а вообще на ситуацию в регионе. Потом была Бархатная революция в Чехословакии, позже распад Чехословакии на Чехию и Словакию, который тоже прошел мирно. Я думаю, все это имело влияние на весь регион и на Россию.

Оценивая эти 30 лет с момента распада Советского Союза, сосредоточимся на Польше и России. Как вы считаете, каким образом могли развиваться отношения и что было упущено обеими сторонами в тот момент?

Сразу после распада Советского Союза, в 1990-е годы, вы имеете в виду? Как могли развиваться отношения? Историки, наверное, с улыбкой ответят, что они как могли, так и развивались. Если бы они могли развиваться иначе, они бы и пошли по другому пути, а если они были такими, какими были, значит, другими быть не могли. Я бы все-таки избегал вопроса «что было бы, если бы», потому что это получается *science fiction* (в пер. с англ. научная фантастика, где *science* – наука, *fiction* – вымысел. – *Примеч. ред.*), даже без *science*, полное *fiction*. А если говорить кратко, то это касается не только наших отношений с Россией, а вообще ситуации в Польше в 1990-е годы. Можно сказать, что я полностью уверен и готов отстаивать с различными аргументами эту точку зрения, а именно что 1990-е и 2000-е годы, как и вообще последние 30 лет, за некоторыми исключениями, это самый лучший период в истории Польши за последние несколько сотен лет. Это касается и наших отношений с Россией.

Было ли что-либо упущено? Наверное, да, но тут бы мы уже входили в какие-то, возможно, не очень интересные подробности всяких договоров. На самом деле вещи, над которыми мы сегодня даже не задумываемся, тогда если не стояли под вопросом, но все равно были на повестке дня. Например, вопрос подтверждения западной границы Польши. Вещь на сегодня очевидная, казалось бы, о чём тут говорить – Польша сейчас в Евросоюзе и в Шенгенской

зоне. С другой стороны, это вопрос, который надо было обсуждать, когда начинались перемены конца 1980-х годов, как и вообще все реформы. Дело в том, что строилось совсем новое государство. Так что в отношениях с Россией, наверное, многое было упущено, но что именно, легко говорить сегодня. Тогда это выглядело совсем по-другому, и говорить о том, что было сделано не так, это, наверное, какой-то грех максимализма.

Сейчас перейдем к вашей работе в Москве и начнем с наивного вопроса: зачем вообще в Москве нужен Польский культурный центр?

Казалось бы, самый простой вопрос: а зачем вообще Польский культурный институт в Москве, а зачем вообще культурные центры, не только польские, по всему миру, в разных странах? На самом деле это довольно сложный вопрос и, наверное, на него есть несколько ответов. Скажу, как я себе это представляю или тогда представлял, когда уезжал в Москву. Предполагалось, что это будут четыре года, но все продлилось пять лет.

Все культурные центры существуют для того, чтобы помогать, показать польскую культуру не только в художественном плане, но и культуру жизни в Польше в ее самых интересных современных проявлениях. Так, культурный центр с одной стороны – это одна из официальных площадок МИДа, посольства, генконсульства. Человек, который возглавляет культурный центр, он дипломат, чиновник. С другой стороны – это самое интересное место, в отличие от посольств и генконсульств. Чиновнику из культурного центра не только можно ходить без галстука, но даже стоит и нужно!

Культурный центр – это место, где ты обязан выходить за посольские границы, где нужно жить не столько жизнью своего МИДа и своей страны, сколько жизнью страны и места, в котором ты находишься. В этом смысле у многих моих коллег, которые тогда работали в посольстве, появились новые знакомые среди дипломатов из других стран. Конечно же, у меня тоже, но несравнимо меньше с количеством русских приятелей и друзей, с которыми я там познакомился. Так, главная задача культурного центра – выходить в город, к людям, которые там живут. Я не очень люблю слово промоция (пиар, реклама. – *Примеч. ред.*). Культурный центр существует в первую очередь не для того, чтобы показывать польскую культуру в России или других странах, показывать не то, что нам кажется интересным, а откликаться на то, что кажется

интересным жителям страны, в которой мы находимся. Культурный центр – это место, которое должно служить своему, в моем случае русскому, зрителю. Иногда я могу что-то подсказать, потому что в чем-то могу разбираться лучше, чем мои российские знакомые и российская публика, но на самом деле нужно откликаться на то, что им интересно, а не заставлять посмотреть то, что я считаю интересным: «Вот это – польская культура. Восхищайтесь!»

Что вы считаете своим достижением во время работы в Москве?

Их несколько, как мне кажется. Не потому, что я был хорошим директором, а потому что есть люди, которые делают и делали эту работу. При этом нужно сказать, что я не единственный автор этих успешных проектов. Это работа не одного человека, это всегда работа в команде. Я имею в виду не только команду в Польском культурном центре в Москве, но и в более широком смысле. Например, одно из самых известных и самых громких явлений польской культуры в России и в Москве, с которыми я имел честь работать, это польская программа на фестивале «Золотая маска». Это были постановки театральных и кинорежиссеров Кшиштофа Варликовского (Krzysztof Warlikowski), Кристиана Люпы (Krystian Lupa) и многих других, которые проходили в московских театрах в рамках главного российского театрального фестиваля. Тут стоит отметить огромную роль Института Адама Мицкевича¹⁰, как и значительную роль польских и российских кураторов, которые ездили в Польшу, смотрели спектакли. Это огромная работа, они просмотрели десятки польских спектаклей, чтобы отобрать самое интересное. Показ во время фестиваля – это одно, а потом еще отзывы, рецензии, пресса и даже книги появлялись после этих спектаклей. Вышли работы о польских режиссерах, то есть событие не завершилось с окончанием фестиваля. Я бы сказал, что оно жило очень долго и, кажется, до сих пор еще живет.

Вторым успешным проектом можно считать, наверное, польскую программу на Большом анимационном фестивале мультфильмов в Москве. Польская анимация очень сильная. На этот фестиваль также привозили польских режиссеров. Все это тоже заранее

¹⁰ Институт Адама Мицкевича создан Министерством иностранных дел Польши по инициативе Министерства культуры и национального наследия. Занимается популяризацией польского языка и культуры за пределами страны.

готовилось совместно с директором Большого фестиваля мультфильмов. Это он отбирал программу, наша роль была служебная. Мне кажется, что первое элементарное условие возможного успеха состоит в том, что роль культурного центра и моя были служебными. Главное – художественный директор фестиваля, редактор российского издательства должны знать, чего хотят, что интересно, и только тогда я могу что-то предложить.

Еще можно перечислить несколько польских номеров журнала «Иностранная литература», много книг, которые вышли в польской серии крупного московского издательства «НЛО»¹¹. Иначе говоря, успех приносят связи, которые образуются между людьми: трудно сказать – профессиональные или личные, – это очень сильно смешивается. В работе посла, генконсула они не смешиваются, а в работе директора культурного центра это должно обязательно происходить. Я не могу отделить друзей от людей, которые заведуют издательствами, или книжными ярмарками, или кинофестивалями, потому что это тоже мои друзья. В этом главный успех.

Расскажите про нашумевший проект «Холокост – клей для обоев?». Кто выступил с инициативой, кто его финансировал и как все происходило?

Это документальный фильм, который я считаю одним из успехов нашего культурного центра. Я был знаком с режиссером этого фильма Мумином Шакировым. Прекрасный режиссер, документалист. Он был журналистом «Радио Свобода», а я с «Радио Свобода» дружил и иногда у них бывал. Мумин рассказал мне про эту идею, про сестру героини и сказал, что хотел бы снять документальный фильм и поехать с ним в Освенцим, в Аушвиц. Он искал продюсера и какой-то минимальный бюджет для фильма. Мне казалось, что в этом заключалась роль польского культурного центра: некоторая финансовая помощь, на самом деле небольшая по сравнению с тем, с каким откликом этот фильм был встречен и какой была его дальнейшая очень громкая судьба. Помощь состояла также в том, чтобы подыскать других продюсеров, которые могли бы этот фильм финансировать. Мы отправили режиссера, его группу и сестру героини в Освенцим и договорились в музее Аушвица, чтобы их там приняли и все показали. Все, что мы видим в фильме, было заранее подготовлено Польским культурным центром.

¹¹ НЛО («Новое литературное обозрение») – московское издательство, которое существует с 1992 года.

Это пример работы, которая возникла из дружеских связей с журналистами «Радио Свобода» и Мумином Шакировым. Постепенно проект вырос в очень громкую историю, которая прозвучала на разных языках на нескольких международных фестивалях документального кино. Я бы хотел еще одну вещь отметить относительно фильма Шакирова. Здесь видна работа Польского культурного центра и даже моя фамилия появляется в конце фильма в титрах, но это не так важно на самом деле. Могу представить себе российского зрителя, на его месте мне было бы совсем неважно, кто помог в реализации данного проекта, кто финансировал этот фильм, кто привез этих музыкантов. Мне неважно, чтобы российская публика знала, что это героически сделал Польский культурный центр. Польский культурный центр как продюсер должен быть в стороне. Самое главное, чтобы им понравилось то, что происходит, чтобы они видели польскую культуру. Мне кажется, что культурный центр должен быть прозрачным, его не должно быть видно, но зато должен быть виден эффект от его работы.

Вы говорите, что в качестве директора Польского культурного центра вы ощущали себя таким неформальным дипломатом, культурным послом Польши в России. Что вы можете порекомендовать студентам, которые в будущем, возможно, будут дипломатами? Дайте им совет, как себя правильно вести в постсоветских странах. В вашем случае можно сконцентрироваться именно на России.

Несколько мыслей у меня есть. Я думаю, это могут быть советы, даже не советы, а мысли, связанные с работой в любой стране, в любой другой среде, отличной от той, в которой мы выросли.

Не надо привыкать к серьезным званиям и каким-то почетным титулам. Не надо подчеркивать, что ты кандидат или доктор наук. Не надо подчеркивать, что ты первый советник посольства. Если ты работаешь в культурном центре, не надо акцентировать внимание на том, что ты очень важный и известный чиновник и от тебя многое зависит, хотя иногда это естественно и обязательно. Твоя работа – помогать налаживать связи в культурной жизни, а творческим людям неважна официальная сторона, они не любят галстуков.

Еще одна очень важная вещь, которая касается в большей степени России и Восточной Европы и в меньшей степени западного

мира: не надо забывать, что кроме официальных газет, кроме официальной информации есть еще другой очень бурный, очень богатый поток общественной культурной жизни, которого в официальных газетах и телевизоре не увидишь и даже не будешь подозревать о его существовании. Надо понимать, что русская культурная жизнь происходит во многом в каком-то неофициальном пространстве. Это клубы, маленькие издательства, музыканты, которых мы никогда не услышим на радио, это интеллектуалы, ученые, которые преподают в своих институтах и которых не увидишь на телеканалах.

Так что главный совет звучал бы так: меньше официальных СМИ, газет, телевизора, меньше официальной жизни и больше личных контактов. Чем чаще выходишь в город – и в прямом и в переносном смысле, – тем лучше. Чем чаще выходишь в город пешком, а не на посольской машине, тем лучше. Это, кажется, главный совет.

В интервью, на которое я уже ссылалась раньше, вы говорили, что еще в 2014 году закрывалось все больше независимых СМИ, у которых есть свой голос: «Когда мы всей семьей – с моей женой и маленькими детьми – вышли в Шереметьево, это был сентябрь 2009 года. И сейчас действительно нужно сказать, что мы уезжаем из другой страны. Это я в моей работе ощущаю. Тогда было много разных СМИ, с которыми я мог работать, сейчас многих из тех, с кем я работаю и дружу просто нет, они закрыты по разным причинам». За эти пять лет в России многое изменилось и, к сожалению, не в лучшую сторону. Как вы сейчас оцениваете Россию?

Да, вы затронули очень важный момент. Мы переехали в Москву в сентябре 2009 года, уезжали ровно через пять лет, в сентябре 2014 года. То есть моя работа и жизнь моей семьи в Москве как раз совпала с очень интересным и разнообразным периодом общественно-политической жизни в России. Сейчас я говорю не только о культурной жизни, а вообще о политической и общественной обстановке. Мы приезжали в страну, в которой еще существовали свободные СМИ и некоторые либеральные иллюзии, связанные, например, со вторым сроком президента Медведева, которые потом оказались смешными, но они тогда были. Мы приезжали в страну, в которой везде можно было купить «Новую газету», в которой существовали еженедельник The New Times, «Эхо Москвы»

и «Радио Свобода», а также негосударственные каналы. Мы уезжали осенью 2014 года, то есть через полгода после начала войны с Украиной и оккупации Крыма, из страны, в которой иллюзий уже больше не было. Мы видели Болотные протесты¹², мы видели все это так называемое Белое движение. Так что за эти пять лет действительно много поменялось и не в лучшую сторону. С тех пор, как я понимаю и оцениваю российскую внешнюю политику и ситуацию, движение идет в том же нехорошем направлении, и, наверное, так оно и будет продолжаться некоторое время. Тут нечего сказать.

Вы преподаете в Центре исследований Восточной Европы Варшавского университета, у вас есть возможность наблюдать за молодежью из России, хотя в основном из Украины и Беларуси. Можете ли вы сравнить польскую молодежь и молодежь из России, Беларуси, Украины? Они похожи? Это уже поколение, как все говорят, нетфликс¹³ или все-таки чувствуется культурная разница?

Да, есть некоторая разница, но она неглубокая и не очень серьезная. Молодежь, студенты, которые заканчивают школу в Польше, например польский лицей в Варшаве, я более или менее представляю, какая у них была программа, что они понимают в польской истории, какие у них знания – у кого-то лучше, у кого-то хуже. Всякое, конечно, бывает, но книги, которые они читали, могут отчасти отличаться от тех, что читала в детстве и во время учебы молодежь из Украины и Беларуси. Но это само собой разумеется.

С другой стороны, я бы не хотел преувеличивать значение этих различий. Я уверен, что нет особой разницы между людьми. На самом деле, иногда мы такое слышим и меня это всегда очень возмущает. Я становлюсь агрессивным, даже когда, например, слышу, что «вот эта нация не готова к свободе», «а вот эта нация не любит свободу», «а вот эти люди хотят жесткого правления». Все это ужасно, неумно, безграмотно, ерунда, ничего подобного нет, нет никакого «общественного ДНК». В этом смысле мы можем

¹² Болотные протесты – массовые политические выступления в России, начавшиеся после выборов в Государственную думу в 2011 году, продолжавшиеся во время кампании по выборам президента России и после президентских выборов, на которых Владимир Путин победил в первом туре. Один из символов акций протеста — белая лента. Выступления имели антипутинскую направленность.

¹³ Поколение нетфликс – современное поколение как один из результатов глобализации, универсальное, основанное на общих культурных ценностях и стереотипах, формирующееся через СМИ и массовую культуру.

говорить только о разнице в некоторой традиции, что понятно. Как мы можем говорить о разнице между молодыми итальянцами и молодыми испанцами? Разный язык, литература, отчасти разное воспитание, но так как есть у меня прекрасные белорусские студенты, так есть и белорусские лентяи. Как есть очень интересные польские студенты, так есть и такие, с которыми в конце учебного года мы расстались в общем без сожаления. Всякое бывает, так что каких-то национальных признаков, национальных различий я особо не находил.

Тогда задам вопрос посложнее. Польская молодежь 1989 года и сегодняшняя – это уже разные люди совершенно?

Тут вы меня подталкиваете к ответу, в котором я, как старик, который говорит: «Да, сегодняшняя молодежь – это уже не то». Ну что ж, приведу в пример моих детей, моих сыновей. Я уверен, что они умнее меня, когда я был в их возрасте. Я в этом не сомневаюсь. В то же время, хотя это может показаться противоречивым, мне кажется, что я читал больше и более интересные книги, чем те, что читают они. При этом они, может быть, не читают меньше. Они просто находят информацию каким-то другим путем, в других местах, и живут немножко другой жизнью, не менее активной, чем моя тогда. Поэтому в каком-то элементарном, более поверхностном плане, может быть, есть некоторая разница. В 1989–1990 годах не было особых надежд на то, чтобы поехать в какой-то зарубежный институт, я не думал вообще, что такое Шенгенская зона, что можно без паспорта ездить по всей Европе. Мне в голову не приходило, что можно поехать учиться за границу на стипендию. А сейчас, чтобы ее получить, студентам нужно приложить лишь некоторые усилия. Это не так уж смертельно сложно. Мне кажется, что они более легкие на подъем, мои сыновья, например, не боятся перемен. Может быть, это связано как раз с моими детьми, которые из-за того, что мы уехали в Москву в возрасте 16 лет поменяли пять или шесть школ. Мы были в Варшаве, потом уехали в Москву, где они тоже поменяли одну школу на другую, обе, кстати, были замечательные. Поэтому они еще двуязычные, при этом по-русски говорят так же хорошо, как по-польски, издеваются над моим акцентом и над моими ошибками в русском языке. Может быть, их легкость – это тоже примета всего поколения.

Мы просим гостей нашего подкаста напоследок рассказать какой-то советский или российский анекдот, любой, который придет в голову.

Это очень большой риск. Когда я учил иностранные языки, немецкий или английский, мой преподаватель говорил: первая ступень, когда ты понимаешь, что хорошо говоришь на чужом иностранном языке, – это осмысленный разговор по телефону. Вторая ступень более сложная: если ты рассказываешь местный анекдот и люди, которым ты его рассказываешь, понимают этот анекдот. Так что тут большой риск, но да, я могу рассказать анекдот, попробую.

Про физиков и математиков. На самом деле о том, что математика – это настоящая наука, а физика – это в общем прикладная вещь. Так вот едут в поезде математики и физики. У физиков три билета на три человека, а у математиков на троих только один билет. Сидят в купе. Физики говорят: «Как вы будете показывать билет?» – Ну сейчас увидите». Перед приходом кондуктора математики уходят в туалет, а физики показывают три билета. Математики – из туалета высовывается рука с одним билетом, кондуктор проверяет билет и идет дальше. Математики возвращаются в купе. На обратном пути у физиков один билет, у математиков ни одного. Три физика спрашивают у трех математиков: «А как вы поедете вообще без билета?» – Сейчас увидите». Приближается кондуктор, физики уходят в туалет. Один из математиков идет к туалету, стучится в дверь высовывается рука одного из физиков, тот берет билеты. Все три математика уходят в другой туалет в конце вагона...

Давайте я еще одну расскажу историю. Мы начинали наш разговор с Сергея Адамовича Ковалёва. Я бы хотел тоже сослаться на историю, которая звучит как анекдот, я ее очень люблю, он мне ее рассказал. Сергей Адамович Ковалев не только правозащитник, не только омбудсмен, не только известный диссидент 1960–1970-х годов, не только автор второй главы «Права человека» российской Конституции, но и очень крупный биофизик, кандидат наук. Как диссиденту общественная жизнь была для него важнее и затормозила его академическую и научно-университетскую карьеру. Он вспоминал такую цитату своего научного руководителя, который тоже говорил о том, что такое настоящая математика и биологические науки. В биологии, говорил он, очень легко что-то доказать – это как сделать дырку в киселе. Ты делаешь дырку легко, и она есть, но ты убираешь палец, и дырки нет, а в математике что-то доказать очень сложно. Это как сделать дырку в железе. Ты делаешь дырку с большим трудом, но, если ты ее сделаешь, она там есть, и любой человек может ее потрогать.

Виктор Росс: «У нас была установка, что ко всем республикам подход должен быть одинаковым»

Гость второго эпизода подкаста – доцент Виктор Росс, бывший заместитель посла Польши в России, с 1994 по 2000 год – Чрезвычайный и Полномочный посол Польши в Молдове. По возвращении в Варшаву Виктор Росс занимал должность вице-директора Департамента стратегии и планирования иностранной политики. С 2003 по 2004 год был послом Польши в Армении. В настоящее время профессор преподает в Центре исследований Восточной Европы Варшавского университета.

Начнем наш разговор со случая семилетней давности. Тогда вы прервали Варшавскую Восточноевропейскую конференцию, чтобы сообщить о смерти Валерии Ильиничны Новодворской. Почему вы посчитали важным сообщить об этом участникам конференции?

Мы познакомились с ней в Москве, во время моего первого срока. Я очень ценил ее как публициста, выдающегося человека. В молодом возрасте она была арестована, потом ее принудительно лечили в психиатрической больнице. Позже я постоянно читал

портал *granі.ru*, на котором она печаталась. Понятно, что она была реальным демократом и человеком, который заслужил, чтобы вспомнить о ней в тот момент, когда она ушла из жизни.

Как вы думаете, что Валерия Ильинична значила для польского общества?

У нас немного людей читают русские порталы, которые оппозиционны к власти. Думаю, что те люди, которые плотно занимаются российскими проблемами, высоко ценили Новодворскую. Хотя, конечно, ее взгляды были очень радикальными. Не все разделяли ее подходы ко Второй мировой войне – возможно, некоторые ее тезисы для поляков были неприемлемы. А в принципе, те люди, которые были знакомы с ее творчеством, ее публицистикой, знали, что она выдающийся человек.

Прежде чем перейдем непосредственно к обсуждению вашей работы в Москве, вспомните, как вы воспринимали Советский Союз. Тяжело ли Вам было жить в СССР, в Польской Народной Республике?

Я родился в Москве, и первые годы своей жизни – до семи лет – жил там с родителями, поэтому Москва в то время была для меня родным городом. В Варшаву мы приехали, когда она еще была в значительной степени разрушена. Даже самый центр Варшавы – улица Маршалковская – была разрушена. Такое ощущение, что я приехал в город гораздо меньший и в те времена хуже устроенный. Москва из войны вышла без каких-то особых потерь в смысле градостроительства и так далее. Польша, Варшава были в ужасном состоянии в то время. Мать у меня была русской, но никакого, скажем, недоброжелательного восприятия нас поляками не было. Всегда все ценили нас, могу даже сказать, любили. Я пошел в школу в первый класс уже в Варшаве. Поэтому для меня период жизни в Москве остался просто как детские воспоминания. Всю свою взрослую жизнь я учился здесь. Окончил Варшавский университет, потом долгие годы работал в Варшавской школе экономики (*Szkole Głównej Handlowej*. – *Примеч. ред.*). Сейчас она так называется, а тогда ее знали как *SGPiS* (*Szkoła Główna Planowania i Statystyki*, Главная школа планирования и статистики. – *Примеч. ред.*). Здесь защищал диссертацию. Так что, в принципе, только в 1991 году случилось именно то, о чем мы сегодня поговорим: меня призвали на государственную дипломатическую службу. Я начал работать, восемнадцать лет

Визит Президента Республики Польша в Республику Молдову.
Евгениуш Мельцарек, Виктор Росс, Александр Квасьневский. Кишинев,
1997 год

проработал в командировках. Всегда чувствовал себя спокойно, единственное – это, конечно, то, что коммунистический режим сильно ограничивал во всем: и в преподавании, и в доступе к книгам, и в контактах с молодежью, где всегда следили, чтобы не появлялись какие-то тезисы, которые плохо воспринимаются властью. Это было серьезное ограничение, но Польша, как говорили, всегда была самым веселым баракком в этом лагере, поэтому после 1956 года даже при коммунистическом режиме у нас прекрасно развивалась культура, творчество во всех областях. Я заметил, что россияне и советские люди в общем тоже воспринимают выдающихся поляков положительно. Есть любимые писатели польские, которые ценились всегда в Советском Союзе, кинематографисты, выдающиеся актеры и так далее. То есть на уровне общения между интеллигентными людьми было всегда хорошо. Но с другой стороны, поляки, конечно, всегда ощущали себя странной, которая находится под гнетом, скажем так, большого соседа, устанавливающего границы, которые мы не можем переходить. Это, естественно, всегда вызывает у людей отрицание. Плюс к этому исторические вопросы, которые нас разделили очень сильно, в прошлом тоже всегда присутствовали. То есть если «усредненным» полякам говорили о Советском Союзе, то они в принципе все-таки были настроены негативно.

**Поговорим о некоторых ключевых событиях того времени.
Несмотря на юный возраст, как вы восприняли события
1968 года?**

Очень болезненно, потому что я тогда как раз поступил на первый курс вновь созданного института политических наук в Варшавском университете. Там разворачивалась серьезная борьба между сторонниками власти и теми, кто пытался как-то ее критиковать. Это был мирный протест. А власть повела себя очень брутально: многих студентов избивали, арестовывали, насильно отправляли в армию, исключали из вузов и так далее. Плюс еврейский вопрос, конечно. Он был центральным в это время. В 1967 году была война Израиля с арабскими странами (так называемая Шестидневная война – война на Ближнем Востоке между Израилем с одной стороны и Египтом, Сирией, Иорданией, Ираком и Алжиром с другой, которая продолжалась с 5 по 10 июня 1967 года. – *Примеч. ред.*). Это накалило обстановку, так как Израиль поддерживали Соединенные Штаты, а арабские страны – Советский Союз и социалистический блок. В это время как раз партия решила поменять в руководстве многих людей еврейской национальности, а их в то время было достаточно много. Их стали просто выгонять из страны, поэтому многие уехали. В Израиль, правда, поехали немногие. В основном уезжали в западноевропейские страны, в скандинавские. А мой отец, который был еще довоенный коммунист, приходил на Гданьский вокзал и прощался со своими друзьями, навсегда покидавшими страну.

**Давайте перенесемся в 80-е годы. Как тогда вы
воспринимали Советский Союз? Вы чувствовали, что
социалистический лагерь, Советский Союз уже обречены?**

Восьмидесятые годы – это создание «Солидарности». Тогда еще речь не шла о распаде Советского Союза, он был еще силен. Конечно, это был очень большой вызов для всего советского пространства. Российская интеллигенция следила за событиями в Польше очень внимательно. Даже власти советские достаточно лояльно смотрели на развитие этого рабочего движения – поняли, что Коммунистическая партия уже не владеет умами поляков и они гораздо ближе к Католической церкви как к социальному авторитету, нежели к официальной власти. Но потом, когда в декабре 1981 года было введено военное положение, мы все примкнули к подпольной деятельности. Я такой деятельностью тоже занимался со студентами. Обучение вели по домам, где мы могли

в совершенно свободной атмосфере встречаться. Плюс все носили рюкзаки с какой-то печатной литературой. И по всей Польше так было. Власти не могли задерживать каждого молодого человека, который нес рюкзак, и проверять, что у него там внутри находится. И это расслабляло, показывало, что бороться с молодым поколением невозможно. Хотя, конечно, миллион человек, творческих, работоспособных, в то время уехал из Польши. Это был очень большой отток свежей крови от польской национальности. Когда же Горбачев пришел к власти и были заключены договоренности с Рональдом Рейганом, мы поняли, что конец уже близок. Но не могли предсказать, что он (Советский Союз) рассыплется просто как карточный домик.

В 1980 году вы защитили в Варшавском университете диссертацию «Критика теории революции Льва Троцкого». Сложно было писать о Троцком в социалистической Польше?

Нет. Как ни странно, было совсем просто. Единственное, не было доступа к полному собранию его сочинений. А там было много томов, изданных в Советском Союзе, когда он находился у власти и был одним из лидеров Коммунистической партии. Это все можно было найти в журналах, газетах того времени. Плюс некоторые его книги были в Польше – они были переведены на польский язык, но я, конечно, работал на русском языке. Еще я поехал в Казань на несколько месяцев и в Казанском университете тоже просматривал эти газеты со времен революции. В принципе, можно было восстановить полную картину всего, что было с ним, по тому, что было написано.

Давайте перейдем к вашей работе в Москве. Когда уезжали в Россию, вы чувствовали, что едете домой?

Знаете, Москва очень сильно изменилась за это время. Все-таки я уезжал, когда это не был еще такой гигантский мегаполис, каким он стал сейчас. В принципе, кольцо вокруг центра города – это было все родное. Кроме высоток сталинских – они были еще в те времена построены. В городе было мало автомобилей. Он был гораздо спокойней.

Когда приехал сейчас, я его не очень-то и узнал. Хотя узнал то место, где жил раньше, а мы жили на Петровке, на углу Столешникова переулочка, в угловом доме. Тогда там был магазин «Овощи

Виктор Росс, Геннадий Бурбулис. Варшава, 2015 год

Ежи Гедройц, Виктор Росс. Мезон-Лаффит, 1996 год

и фрукты», в котором всегда очень сильно пахло капустой. Все было как-то по-домашнему. А сейчас там стоит машина «Майбах» и сплошные ювелирные магазины, шубы, и я не знаю, что еще, для богатых людей.

Как раз к этому процитирую, что вы писали в 2018 году: «Высокая элитарная культура была вытеснена массовой культурой, функционирующей по законам рынка, которая ориентируется на массовые вкусы изголодавшихся по новым для себя, самым дешевым западным образцам. Это выхолостило самое, наверное, ценное завоевание России, какими были ее литература и искусство». Как вы думаете, это явление было характерно только для России, постсоветского пространства или еще для каких-то стран?

Это тотальный процесс. Это глобализация, она присуща всем странам. Конечно, на постсоветском пространстве есть республики, которые имеют совершенно другой культурный образ. Это кавказские и центральноазиатские страны. Они, в принципе, советскими так до конца и не стали, потому что там просто другая культура. Но все равно есть процессы, скажем, когда люди, которые жили в тотальной уравниловке, потом заработали какие-то деньги. Одни разбогатели и стали жить как люди зажиточные, другие – наоборот, страдают. Просто бедность. Из-за этого межчеловеческие отношения очень сильно портятся. Такова глобализация, она сильно сказывается абсолютно на всех странах – и на странах нашего бывшего блока, то есть на Центральной Европе, и на странах всего постсоветского пространства.

Когда вы отправлялись работать заместителем посла Польши в России, какие ставили перед собой задачи?

Именно тогда разваливался Советский Союз. Я приехал в сентябре 1991 года, а в декабре, через три месяца, Союза не стало на наших глазах. Я начал там работу буквально несколько дней спустя после путча Янаева. Понятно, какие эмоции были в это время в Москве. Инфраструктура государственная вообще распадалась на глазах. В одночасье Министерство нефти и газа, которое раньше было самым крупным ведомством Советского Союза, вдруг превратилась в «Газпром», стало концерном. На улицах везде расставлен товар, завезенный из Беларуси или Украины. Кругом грязь. Ужас какой-то! Каждый день надо убирать оставленные между Белорусским вокзалом и нашим посольством коробки. В магазинах

не было ничего! Вообще! Люди закупались только на базарах, выносили из дома ценные вещи, продавали и за это покупали себе какую-то еду и так далее. Там как раз Тишинский рынок рядом с нами. Вид был просто ужасный. Люди думали, что надо будет вскапывать газоны, перед своими домами просто траву какую-то вспахать, чтобы картошку посадить, потому что не было уверенности, что произойдет в 1992 году, не будет ли какого-то тотального голода. Вот такое впечатление. Понятно, что задачи я мог ставить только такие, чтобы наблюдать за самим политическим процессом, смотреть, какие формируются партии, что за люди пришли. Тогда еще не Дума была, тогда еще был Съезд народных депутатов. И я знакомился с ними очень активно. Особенно с теми, которые, как я считал, заслуживают этого, с теми, кто были лидерами движения демократизации России. Это было главное.

Расскажите, как польские дипломаты воспринимали события сентября и октября 1993 года? Я имею в виду штурм Белого дома.

Это интересный вопрос. У нас послом, моим шефом непосредственным, был Станислав Чёсек. Он был членом Политбюро Польской объединенной рабочей партии, человек явно связанный с той, бывшей, властью. Но почему-то он пользовался доверием Леха Валенсы. Именно его (Чёсека) послали уговорить Валенсу остановить «Солидарность», чтобы она не «показывала своих рогов» и власть коммунистическую уважала. Валенса, конечно, не принял этого предложения, но Чёсек ему понравился.

И его направили послом в такой момент, когда Польша из блока уже вышла, явно определила себя как антикоммунистическое государство. То есть в меняющийся в это время Советский Союз, распадающийся, посылают человека из «бывших». Тут, конечно, были достаточно интересные моменты, потому что я считаю, он (Чёсек) всегда желал, чтобы Советский Союз восстановился. Он был очень не рад тому, что происходит. Борис Николаевич Ельцин ему абсолютно не нравился. Октябрьские события 1993 года происходили недалеко от нашего посольства. С верхних этажей дома, где мы жили, видно было буквально все, что происходило у Белого дома: и выстрелы, и пожар огромный, который там возник в результате стрельбы из танков. Я сейчас думаю, что Чёсек желал успехов тем, кто тогда решил атаковать власть. Мы же, дипломаты, в основном были молодыми людьми, потому что очень сильно поменялся состав посольства. Мы были хорошо образованны, многие

были историками, которые, конечно, имели более демократические взгляды, нежели наш шеф.

Вам было сложно работать под началом Станислава Чёсека?

Очень, очень сложно. Я был его заместителем, а у нас, можно сказать, совершенно противоположные политические взгляды. А еще и его характер просто как руководителя, как человека, который манипулировал людьми. Он соединял в себе все грехи бывшей компартии.

Расскажите, чего в 1990–2000-е удалось достичь в польско-российских отношениях и что не получилось?

Удалось достичь того, что мы стали независимой страной, и это поставило нас в равные условия. Раньше мы были подчиненными. Это уже, я считаю, огромное достижение. И мы решили строить эти отношения на положительной основе, особенно в тот период, в «страшные девяностые», как сейчас говорят. В то время эти отношения были нормальными, хотя, конечно, некоторое недопонимание все же возникало.

Например, приехал Ельцин в Польшу и объявил, что ему совершенно не мешает вступление Польши в НАТО, а сразу после его возвращения в Москву МИД России заявил, что слова президента совершенно неправильно поняли и Россия не воспринимает [положительно] вхождение Польши, как и других стран бывшего блока, в НАТО.

Что не удалось? Не удалось добиться взаимопонимания, потому что со времени прихода Владимира Владимировича Путина к власти наши отношения можно охарактеризовать как «хуже не бывает». Конечно, каждая сторона пытается свалить вину на другую: вот вы виноваты в этом. Тут мы, русофобы якобы потомственные, а мы-то видим имперские замашки со стороны [российской] власти. Я считаю, что сейчас происходит какой-то ужасный процесс архаизации России.

За время своей работы вы встречались с Ельциным?

Только на официальной встрече, когда Лех Валенса был гостем. На официальном уровне.

Запись подкаста с Виктором Россом.
Студия Радио Кампус, 10 июля 2021 года

Запись подкаста с Виктором Россом.
Студия Радио Кампус, 10 июля 2021 года

Каким, по вашему мнению, он был человеком?

Ельцин был крутой человек! Очень крутой, сильный. Сильный политик! Но единственное, он имел слабость, о которой все знают, и она потихоньку его здоровье просто подкосила, поэтому он из политики ушел сам, по собственному желанию. Это случай небывалый, что он сам решил уйти. Конечно, он принимал очень нелегкие решения: и путч Янаева, и потом 1993 год, и встреча в Беловежской пуще, когда три человека, плюс еще три, потому что с каждым был еще кто-то – Кебич там был, Бурбулис был с Ельциным, – подписали вдруг договор о денонсировании Советского Союза. Это же было просто немыслимое что-то! Но все к этому шло. Мы не удивились, что это случилось. В принципе, видно было, что все структуры уже рухнули, восстановить их в прежнем виде невозможно. Особенно когда республики захотели получить независимость и проводили референдумы по этому поводу. Кравчук объявил там, в Беловежской пуще, что он просто не может вернуться сейчас в Киев (а он буквально накануне или за несколько дней до этого был избран президентом, и референдум прошел о независимой Украине) и сказать, что он еще под кем-то, что над ним еще какая-то шапка есть, которая цементирует бывший Союз в какой-то другой форме. Тогда же они договорились, что будут создавать СНГ. На самом деле СНГ, в принципе, не состоялось.

Как тогда были восприняты Беловежские соглашения?

Беловежские соглашения были приняты на ура. Хотя хочу вам сказать, что настрой польского общества в 1980 году (когда была «Солидарность», она только возникла) и тогда, когда мы уже получили независимость, был совершенно разным. В 1980 году был энтузиазм. Люди словно вдруг возродились. Каждый верил в будущее, в то, что мы можем сделать. Была именно солидарность. Межчеловеческое общение было совершенно другим. А все, что произошло уже после, было подарено властью: и реформа Горбачева, и перестройка, и так далее. Наши коммунисты поняли, что их никогда больше никакая советская армия в случае чего, если произойдет что-то серьезное, уже не будет охранять.

И они просто пошли на компромисс, чтобы заменить власть политическую на экономическую, поставить своих людей везде, в самых важных местах: в структурах, банках, на крупных предприятиях и так далее, – и они будут очень довольны. И люди это

чувствовали, что это была не наша работа. Это случилось независимо от нас.

С 1994 по 2000 год вы были послом в Кишиневе. Чего вы ожидали от работы в Молдове?

Поскольку мне не удалось сработать с Чёсеком в Москве, он решил меня перевести. Я приехал на разговор с министром иностранных дел Анджеем Олеховским, и он предложил на выбор Казахстан и Молдову. Мой сын в то время учился в Москве на архитектурном, в МАРХИ. Я посчитал, что все же Казахстан далеко («степь да степь кругом») и Молдова, хоть маленькая страна и бедная, но более привлекательная. Соседи фактически. Когда-то вообще у нас была даже общая граница, грубо говоря. Потому что король Казимеж Ягеллончик и Штефан чел Маре, великий господарь молдавский, подписали между собой договор. Это было очень сильное в свое время Княжество Молдавское.

И я приехал. Страна живописная, мне очень понравилась. Правда, там нет гор и моря, как у нас – Украина отделяет от них Молдову. Раньше у нее был доступ к морю. Кишинев, хотя и крупный город, имеющий 700 тысяч населения, но застройка в центре города одноэтажная. Это маленькие домишки начала XX века, некоторые очень симпатичные, с верандами, заросшими виноградниками, из-за этого он воспринимается как город провинциальный. Глубоко провинциальный даже. К тому же в это время все предприятия встали. Ничего не работало. Специалисты – россияне, евреи, которые там раньше работали, главными делами занимались, – все разъехались. У них осталось фактически только сельское хозяйство. Плюс к этому еще и приднестровский вопрос.

Это было вскоре после военных действий в Приднестровье. Много жертв, люди без ног, без рук, сидящие на улицах. Вид, конечно, мрачный достаточно.

Там я познакомился со многими интересными людьми. Оказалось, там есть и достаточно серьезные ученые. Познакомился с историей страны. Люди в Молдове очень музыкальные. Так что было чем заниматься.

Самым важным для меня в это время было создать посольство, потому что передо мной там был только консул, который жил в гостинице, а тут надо было какой-то офис иметь. Местные власти

прилагали не очень много усилий, чтобы нам предоставить что-то: мол, ищите сами. И потом надо было просто платить. Наше министерство это оплачивало. Но найти подходящее помещение было нелегко. Только через несколько лет мы наконец нашли такое здание, которое нас более-менее устраивало. А поскольку тогда с официальным визитом приезжал президент Квасьневский, я должен был как-то привести все в порядок и еще кусок земли оттяпать у соседей, чтобы сделать обустроенный участок для посольства.

Все-таки зачем нужно было дипломатическое представительство Польши в Молдове? Почему посольство, например, в Киеве или Бухаресте не могло выполнять эти функции?

Могло, конечно. Но у нас была установка, что ко всем республикам подход должен быть одинаковым, и мы хотим сделать так, чтобы везде были польские посольства. Будучи в Москве, я встречался с Лучинским (Петр Кириллович Лучинский – государственный и политический деятель, с 1997 по 2001 год – президент Республики Молдова. – *Примеч. ред.*), который был тогда послом Молдовы в Москве. В Кишиневе он встретил меня и говорит: «Что ты тут делаешь? Я думал, ты приехал просто так, а ты посол тут». То есть он сам не верил, что поляки пошли везде широким фронтом. Посольства не было в Таджикистане и, по-моему, до сих пор его нет. Даже в Туркменистане долго не было, но в 2007-м открылось (закрыто в 2012-м. – *Примеч. ред.*).

С какими трудностями вы столкнулись в должности посла, а что далось довольно легко?

Я по своему образованию и складу характера больше аналитик, то есть меня увлекает изучение материалов, встречи с людьми, составление записок, которые важны для министерства. Это всегда, кстати, очень высоко ценили в МИДе. Но я не очень хороший организатор, поэтому какие-то моменты ускользали. Некоторые подчиненные меня подводили. У них были какие-то свои особые интересы в дипработе. Они совмещали, допустим, дипломатическую работу с чем-то еще. Я считаю, что в этом была моя неудача.

Перейдем теперь к вашей работе в должности посла Польши в Армении. Поляки вообще интересуются Кавказом и почему?

Очень сильно интересуются, особенно Грузией. История Грузии совпадает с историей Польши. В XIX веке очень много общего между нами.

С другой стороны, во время позитивизма, уже после польского январского восстания 1863 года, когда многие усомнились, что можно освободить Польшу, люди стали выезжать в Баку, в Азербайджан, где было в это время очень богато. Там были открыты нефтяные скважины. Поляки быстро включились в этот процесс. Целые улицы в Баку построены польскими архитекторами, которые там работали. Это абсолютно феноменальные дома.

Армяне – это такой народ, который мы больше знаем из Польши, нежели изнутри, потому что страна маленькая. Самая маленькая (еще меньше Молдовы) среди всех республик советских. Разъехались по всему миру: их в пять раз больше живет за границей, нежели в самой Армении. Горы высокие нас отделяют, поэтому поляки в Армению не очень сильно рвутся. А в Грузию тянутся, потому что там очень привлекательный климат и есть и высокие горы, и море, и курорты шикарные, и так далее. Именно по своему складу, по характеру грузины нравятся полякам. Они очень веселые, очень радушные и гостеприимные. И это очень хорошо настраивает.

Польская стратегия в Закавказье в 1990-е годы опиралась на идеи прометеизма¹?

Нет. Просто в Грузии была на самом деле война гражданская несколько лет после прихода Звиада Гамсахурдия к власти. И потом вернулся Шеварднадзе. Там то Китовани (Тенгиз Калистратович Китовани – грузинский политик, министр обороны в 1992–1993 годах, руководитель Национальной гвардии и активный участник свержения Звиада Гамсахурдия. – *Примеч. ред.*), то Нацгвардия и так далее. Беспредел просто был в стране. Она так сильно обещала, что из самой цветущей республики Советского Союза только с Таджикистаном ее можно было сравнить. Полный упадок

¹ Прометеизм – политическое и интеллектуальное движение в межвоенной Европе, поддерживающее национальные стремления народов СССР. – *Примеч. ред.*

страны просто. Идеи прометеизма у нас были в отношении Украины и Беларуси. Тут понятно: и много поляков, и исторические связи. Нам хотелось сближать эти народы с нами. А туда нам просто было не дотянуться, до того, что происходило на Закавказье.

Во время собеседования в Сейме перед назначением на должность посла в Ереване вы сказали, что в будущем Польша может стать одним из главных инициаторов политики ЕС в отношении Закавказья. Насколько удалось реализовать эти амбиции?

Что касается Грузии, то нам это полностью удалось. Мы заключили договор о дружбе и сотрудничестве между Республикой Польшей и Республикой Грузией (*Traktat o przyjaźni i współpracy między Rzeczpospolitą Polską a Republiką Gruzji. – Примеч. ред.*).

Руководство Грузии даже при Шеварднадзе к Польше было очень хорошо настроено. Саакашвили был очень дружен с президентом Лехом Качиньским. Это была близкая дружба.

Что касается Армении и Азербайджана, там установились авторитарные режимы. Там (в Азербайджане) сначала Гейдар Алиев, потом Ильхам Алиев. Тут (в Армении) – Роберт Кочарян, война с Азербайджаном за Нагорный Карабах – все это делало сотрудничество невозможным в какой-то близкой перспективе. Не было визитов, они не приезжали в Польшу ни разу. Не могли договориться не по нашей вине, а просто потому, что эти страны слишком далеки от стандартов Евросоюза.

В стенограмме собеседования в Сейме сказано, что вы внесли вклад в разработку польских инициатив в отношении восточных соседей Европейского союза, что в итоге переросло в «Восточное партнерство». Можно сказать, что вы являетесь одним из авторов этого проекта?

Это было бы преувеличением. У нас был целый штаб в МИДе, который плотно занимался этим вопросом. Мы со шведами общались, потому что Польша и Швеция вместе эту идею внедрили. Она не всем нравилась, потому что в Евросоюзе тоже есть различные интересы. И допустим, некоторым очень сильным игрокам в Евросоюзе такие инициативы со стороны «меньших товарищей» не очень нравятся. Но дело пошло. Сейчас, правда, Беларусь

объявила, что выходит из «Восточного партнерства», но здесь удивляться нечему.

Как вы оцениваете этот проект спустя семнадцать лет?

В начале это были очень небольшие деньги, поэтому можно было только говорить о каких-то проектах поддержки независимых организаций, тех, которые не требуют больших вложений. Но со временем это стало одним из столпов, на которых сейчас строится инициатива Триморья. Это сильный проект, и он тоже получит серьезное финансирование.

По мере возможности проект расширялся, но я уже не работал в МИДе, поэтому мне трудно оценить, насколько хорошо шли дела. Сначала многие поляки приезжали в Украину, в Беларусь. Знакомились с их НГО, разрабатывали проекты, которые реально могли создать почву для развития общественной деятельности и организаций, которые напрямую не связаны с государством. Это всегда важно, потому что общественная активность – очень ценная вещь.

Вы работали в двух странах – членах этого проекта, этого объединения. Молдова – одна из них. Она стремится сейчас стать членом Европейского союза. Возникает вопрос: какие преимущества для Польши в членстве Молдовы в ЕС?

Я считаю, что Молдова сейчас страна недостаточно развитая, с низким доходом на душу населения. И если она присоединится к Евросоюзу, это не будет простым краткосрочным вопросом, это долго. Причем у них не решен вопрос с Приднестровьем, а если есть пограничный конфликт, такая страна не может стать членом Евросоюза.

Перспектив разрешения этого конфликта не видно, потому что Россия твердо стоит на своем. Тридцать с лишним лет прошло, и никаких подвижек в плане примирения или воссоединения страны не произошло.

Когда же они подписали договор об ассоциации и получают какие-то гранты, если страна усиливается экономически, то для нас она становится более привлекательной и туда идет наш бизнес.

Сейчас наш товарооборот невысок. Хотя во время моего пребывания он вырос с 7 до 60 миллионов долларов. Но все равно цифра очень маленькая для обмена между странами.

У вас большой дипломатический опыт. Что общего было в работе в Армении, Молдове и России?

Очень трудно сказать. С одной стороны, дипломатия имеет свои правила, свой протокол и, независимо от отношений между МИ-Дом принимающей стороны и властями принимающей стороны в целом, а также посольствами, которые там находятся, они везде похожи. Даже в Африке. Правила везде одинаковы фактически.

Но масштаб работы в России совершенно другой. Там загруженность просто гигантская. Плюс трудности перемещения по городу. Если нужно ехать на какой-то банкет или прием, надо на два часа раньше выезжать, чтобы добраться до места. Потому что такой вал машин, что невозможно от посольства отъехать. Если принимали гостей и ехали в Шереметьево, то тоже нужно иметь огромный запас времени, чтобы доехать. Короче говоря, Москва – это мегаполис, который не сравнить ни с Ереваном, ни с Кишиневом. В то же время отношения между посольством и местными властями везде одинаковые. То есть можно сказать, что я чувствовал себя одинаково и в Москве, и в Ереване, и в Кишиневе.

Что вы можете сказать о каких-то культурных особенностях? И вообще, как вы считаете, существовал ли советский народ или это что-то эфемерное?

Сейчас все опросы показывают определенную ностальгию по Советскому Союзу. Люди, судьба которых в новые времена сложилась не очень успешно, считают, что тогда был какой-то порядок, какая-то перспектива. Все люди, закончившие вуз, знали, как будет развиваться их карьера и так далее. Они получали направления. Рисков в жизни было немного. А сейчас это игра на открытом поле, то есть все может случиться в любой момент и ты не знаешь никогда, что может произойти. Поэтому есть много людей, которые остались именно советскими.

Понимают ли поляки, что существовал какой-то наднарод и что это был советский народ?

Я думаю, нет. Во-первых, все-таки все республики ушли в свободное плавание, и каждая ведет свою политику. Эта политика часто идет вразрез с тем, что заявляют официальные лица в Москве. Они ищут других партнеров. Геополитические расклады сильно меняются. И сейчас я бы сказал, что армянин – это армянин, а не советский человек, и грузин – это грузин, и казах – это казах. За тридцать с лишним лет все далеко ушло от того порядка. Но определенные навыки, бюрократия, коленопреклонение перед вышестоящими – это сохраняется, потому что такова традиция. Она с царских времен сохраняется. И в большевистские времена так было. И в какой-то мере сейчас продолжается, хотя виден некоторый уход от тех стандартов.

Исходя из своего опыта, какие вы дали бы советы будущим дипломатами, которые отправляются работать в постсоветские страны?

Я порекомендовал бы им заняться изучением русской и советской культуры. Потому что они очень часто бывают недостаточно компетентны. Они, возможно, знают азы дипломатии, которые надо соблюдать. Но на самом деле знание России, всего этого имперского бывшего пространства слабое. Я считаю, что им нужно почитать великих русских писателей, чтобы понять страну.

А что бы вы посоветовали дипломатам из стран бывшего Советского Союза, которые отправляются работать в Польшу?

Тут я не вижу каких-то особых проблем. Конечно, любому дипломату надо знать страну, в которую он отправляется: ее экономическое состояние, историю, предысторию, то, что нас может объединять в какие-то исторические моменты, общие для нас. Это, конечно, важно не только для того, что касается постсоветского пространства и Польши, а в целом. Дипломату нужно знать [страну], куда он едет. Надо учить язык. Американцы, допустим, когда готовят дипломатов на уровне посла, приглашают учительницу, которая целый год живет у них дома и учит их разговорной речи. Потом сначала они едут в какую-нибудь большую страну, а потом чуть ли не в Азию или в какую-то маленькую африканскую страну, чтобы накопить и сравнить опыт. Дипломат должен быть многосторонним человеком. Я думаю, что ощущение доброжелательности должно быть с обеих сторон, чтобы люди понимали

друг друга, и тогда работа дипломатов – и наших там, и их у нас – будет вполне комфортной.

Сейчас вы преподаете в Центре исследований Восточной Европы Варшавского университета. Среди ваших студентов помимо поляков есть и россияне (возможно, в меньшей степени), украинцы, белорусы (в большей). Отличается ли молодежь из этих стран от польской молодежи?

Конечно, есть свои особенности. Во-первых, они часто не очень хорошо знают польский язык, они его пока только учат. Но за эти несколько лет они вполне хорошо говорят. Конечно, сам процесс обучения в Украине и Беларуси по сравнению с Польшей имеет свои особенности. Там несколько другим вещам их учат, и кое-что им совершенно незнакомо. Но я встречался и с выдающимися умами из числа белорусской или украинской молодежи. Это те молодые люди, которые получали золотые медали в школах, приехали к нам учиться, и у нас они тоже учатся блестяще. Это люди редко из Киева, обычно из каких-то небольших городов. Поэтому тут то же самое было бы и с польскими студентами. Если кто-то из польской провинции приедет в Варшавский университет, он тоже чувствует себя немножко неуютно. Или не так одевается... Но все равно благодаря глобализации, а сейчас этот процесс усилился, иностранные студенты быстро приближаются к студентам польским. Я особой разницы не вижу.

Если мы говорим о сегодняшней польской молодежи и молодежи конца 1980-х годов. Это разные люди?

Переломная вещь – это компьютер, все эти гаджеты. То есть люди сидят сейчас в компьютере. Они мало читают. Книжки они берут тогда, когда приступают к магистерской работе, только тогда начинают углубляться. А так они все время сидят в компьютере. Девушка с парнем сидят, возможно даже влюбленные, за столиком в кафе, и оба в своих телефонах и не общаются между собой. То есть, конечно, совершенно другие вещи, чем в моем поколении. Я уже не говорю о том, что студентом я был на переломе 1960–1970-х годов. Огромная разница сейчас.

В конце мы просим наших гостей рассказать какой-нибудь советский или русский анекдот. Вам придет сейчас что-нибудь в голову?

Ну они похабные обычно бывают. Я знаю сотни анекдотов, но просто сейчас, когда задали вопрос напрямую...

Допустим, такой. Еврейский городок, местечко так называемое, где православный поп, польский католический ксендз и еврейский раввин живут прекрасно. Уважают друг друга, встречаются, пьют водочку, играют в карты. Но все время их мучает один вопрос: чья религия сильнее? Они решили взять медведя, и пусть медведь поживет в каждой из общин какое-то время, а потом они встретятся и посмотрят, как он адаптировался. Через какое-то время они встречаются. Ксендз говорит: «У меня все прекрасно! Он прислуживает во время мессы, помогает моим молодым помощникам, воскресную школу создал и так далее». Православный поп говорит: «У меня тоже! С матушкой моей познакомился близко, поет в нашем церковном хоре – подпевает».

А раввин говорит: «Знаете, а у меня как-то хуже пошло дело...» – «А что не так с вами?» – «Не надо было начинать с обрезания!»

Агнешка Легуцка: «Россия – это не только Путин, это отважные люди, которые борются за права человека»

Гостей третьего эпизода подкаста стала Агнешка Легуцка – профессор, аналитик Польского института международных отношений, преподаватель Академии финансов и бизнеса VISTULA, а также выпускница Центра исследований Восточной Европы Варшавского университета.

Ровно 69 лет назад, 22 июля 1952 года, была принята Конституция ПНР, до этого в 1944 году провозглашен манифест Польского комитета национального освобождения. В сегодняшней Польше, конечно, мало кто вообще об этом вспомнит. Но если говорить о тех временах, о Польской Народной Республике, как вы считаете, если бы не перестройка в СССР, ПНР могла бы сохраниться?

Думаю, что да. СССР оказывал на Польшу настолько сильное влияние, что невозможно было вообще помыслить о какой-то независимости от Советского Союза. Именно в те времена, когда СССР был очень силен, Польша была зависимым и подчиненным государством советского блока, деятельность которого мы сейчас

оцениваем негативно. Тогда Варшава не имела права голоса ни в международных, ни во внутренних делах.

Все изменилось во времена перестройки. Это был тот момент, когда центр не контролировал периферию, если, конечно, СССР можно назвать империей. Мне кажется, что перестройка – это был переломный момент. Потом был развал Советского Союза и все те процессы в Польше («Солидарность» в 1980-х годах, все эти восстания и забастовки), которые, к слову, занимают очень важное место в польской историографии.

Но все-таки думаю, что мы сами были не в состоянии прийти к провозглашению независимого государства без того факта, что Советский Союз ослаб как страна. С другой стороны, развал Советского Союза – это также процесс, из которого можно почерпнуть какие-то позитивные моменты. Но, как мы знаем, эти процессы не так просто предвидеть.

В 1989 году Польша распрощалась с социализмом. В 1991 году распался Советский Союз, и за это время Польша стала членом Европейского союза, НАТО. Сейчас она стремится занять роль лидера в своем регионе. Тем временем в России мы наблюдаем стагнацию, застой, можно даже сказать. Аннексия Крыма, оккупация части восточных территорий Украины, нарушение прав человека – все это привело к тому, что сейчас в отношении России введено множество санкций. Как вы считаете, если ничего не изменится, как будет выглядеть Россия через 10 лет?

С одной стороны, это простой, но в то же время очень сложный вопрос. Некоторые историки говорят, что история России – это такая константа, что со времен империи и царской России ничего не изменилось. Изменялось только название лидеров: сначала был царь, потом – генеральный (первый) секретарь Коммунистической партии, потом – президент. А на самом деле ничего не меняется. Есть одна важная ремарка – изменяются учебники в школе. Все время, когда меняется строй в России, будь то Советский Союз или как сейчас – Российская Федерация, история пишется заново. Следуя этой логике, через 10 лет ничего не изменится.

Но с другой стороны, как человек, занимающийся Россией уже много лет, хочу отметить, что это страна, которая не перестает

меня удивлять. Россия – это не только Путин, но и политические процессы, которые там имеют место. Это отважные люди, которые борются за права человека. Это общество, о котором мы на Западе немного забываем, но которое тоже должно быть объектом наших исследований и обсуждений. Думаю, что главное, что может измениться в России, должно и будет идти снизу, а не как это рассматривают политологически. Конечно, Путин, элита и так далее – это очень важно, но если смотреть на протяжении нескольких лет и этого десятилетия, о котором мы сейчас говорим, российское общество будет играть важную роль. Нужно отметить, что оно разнородное: состоит из молодых и старых; тех, кто живет в больших городах, и тех, кто живет в селах. Россия – это также пространство, которое меняется с точки зрения национальных вопросов. И если даже не изменится государственный строй, режим Путина и даже если не будет Путина, считаю, что все-таки главный импульс или какая-то сила изменений будет идти от людей.

Понимаю, что прогнозировать что-то очень сложно, но все же давайте предположим, как могут выглядеть в таком случае польско-российские отношения.

Это такой вопрос, на который можно ответить, что ничего не изменится. Эти отношения очень сложные, и в будущем они будут оставаться такими же трудными и напряженными, как и сейчас. На это есть две причины: первая и самая главная – у нас есть разногласия в геополитическом плане. Польша – член НАТО и Европейского союза, что может рассматриваться Россией если не как угроза, то как некая европейская модель. Я имею в виду свободу выбора, демократические процессы, что становится своеобразной угрозой для политических элит в России. Именно поэтому у нас геополитические разногласия.

Мы также совсем по-другому смотрим на постсоветское пространство, хотя я не люблю использовать это понятие. (Оно все время меняется, а мы все сбрасываем в один ящик.) В Беларуси, или в Украине, или в Молдове происходят совсем другие процессы. Я думаю, что Польша имеет совсем другой взгляд на то, что там происходит, а также совсем другое отношение к людям, живущим в этих странах, уважая их решения. А Россия рассматривает это пространство как свое, называя три народа (белорусский, украинский и российский) «святой троицей», во главе которой стоит российский народ, так называемое единство. Но это не единство. Это надо осознать, и каждую страну уважать. Поэтому у нас

разногласия геополитические и идеологические, которые, с моей точки зрения, в дальнейшем будут углубляться.

Я имею в виду, что все процессы в демократических странах с их различными проблемами не надо воспринимать как черно-белую картину. Но при этом стоит различать демократический блок и блок стран, которые идут в сторону авторитаризма с элементами диктатуры, в которых проводятся репрессии. Есть персоналистские страны. Так, Александр Лукашенко в Беларуси и Владимир Путин в России держатся своего кресла как самой главной вещи в мире, в то же время в Украине, в Молдове происходят другие процессы. На примере этих стран видно, насколько голос общества важен и как он может изменить историю.

Хочу с вами немного поспорить, но не об Украине или о Молдове, а скорее о России. Вы говорите, что очень важен голос общества. Но что мы видим на примере России: в 1996 году фактически на выборах победил Зюганов, но политические элиты, в том числе творческие, сделали все, чтобы к власти пришел Ельцин. Путин пришел к власти благодаря поддержке так называемой Семьи – ближайшего окружения Ельцина. Затем Медведев тоже победил на выборах, опять-таки не без поддержки Путина. Может ли это означать, что следующий президент России снова будет избран не народом, а скорее окружением Путина?

Да, я полностью с вами согласна. Мы даже не спорим, мы просто говорим, что, если что-то может измениться в течение 10 лет в России, это будет исходить от общества. Потому что элита во главе с Путиным, я это называю таким «коллективным Путиным», его окружение жаждет того, чтобы он сидел там как можно дольше, чтобы удерживать свое преимущество, защитить украденное. Им нужно для личной безопасности, чтобы Путин возглавлял Россию. И с этой точки зрения изменения – это не то, что входит в область интересов элиты. Если же говорить о перспективе каких-то изменений в России вообще, то они могут идти только снизу, со стороны общества. Неизвестно, будет ли это возможно, но если ожидать каких-то изменений системы, то их точно не будет сверху. Пока не ясно, будет ли Путин баллотироваться на еще один срок. Честно говоря, сейчас уже трудно подсчитать, какой у него срок. По новоизменной Конституции он может быть президентом до 2036 года, так что если говорить о перспективе десяти последующих лет, то это будет Россия Путина еще пять лет. Но если все-таки он из-за

старости будет не в силах дальше работать на этом посту, тогда они просто выберут одного из своих, кто будет исполнять ту же роль, обеспечивая безопасность элиты.

Несменяемость власти, несменяемость режима в первую очередь, может ли это привести к революции в России?

Ну да! Но если говорить о какой-то роли общества и изменениях, тогда революционные перспективы – самые главные. И примеры из Грузии, Украины и Кыргызстана сводятся к выводу, к которому пришли и элиты в России: единственная возможность изменений – это революционная перспектива. И такая ситуация постепенно формируется в странах, окружающих Россию. Поэтому она все время с этим борется, называя других людей, допустим журналистов, иноагентами, чтобы как-то победить этот элемент идеологии. Как уже было сказано, польско-российские отношения тоже сводятся к различиям в идеологии. Но не в смысле капитализм vs коммунизм, а именно демократия vs автократия. Я думаю, что как Александр Лукашенко, так и Владимир Путин боятся этого сценария.

Один из столпов сегодняшней путинской России – это нефть и газ. Как вы считаете, может ли Россия в дальнейшем от них отказаться?

Нет. Это не только главный ресурс для бюджета страны, но и ресурс, который содержит всю элиту. Это не только «Роснефть» и «Газпром», но и все отрасли, связанные с экспортом и добычей этих ресурсов. Вы вспомнили об экономической стагнации. Именно газ и нефть помогают удерживать такую ситуацию, которая, с точки зрения элиты, дает ей стабильность. Во время COVID-19 Россия, в отличие от других стран, не помогала своим гражданам. К примеру, в Германии или США государство просто давало деньги людям, чтобы они не умерли с голоду. В России такого не было, несмотря на то что страна получила очень много денег из-за продажи именно нефти, потом газа, но она не хотела раздавать этих денег. Сейчас в российской экономике гораздо меньший дефицит, чем у западных стран. Это все сводится к тому, что экономически Россия стабильна. Мы говорим, что стагнация людей не удовлетворяет, но для режима это минимум, который дает стабильность для продления существующего порядка вещей.

В 2013 году вы издали книгу «Геополитические детерминанты и последствия конфликтов на постсоветском пространстве», в которой написали, «что Россия не является единственным выгодополучателем продолжающихся вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве». Повторюсь, книга была издана в 2013 году. В 2014 году случились Крым и Донбасс. Как вы считаете, это утверждение все еще актуально? Если да, то кто эти выгодополучатели помимо России?

В этой книге я рассматривала практически все конфликты, которые имели место на постсоветском пространстве. Я назвала такую категорию столкновений «замороженными». Все сводилось к тому, что Россия приложила руку к нескольким конфликтам, и там были разные этапы. Сегодня мы считаем, что именно Россия играет главную роль в этих конфликтах: от момента, когда она возглавляла эти конфликты, и далее, когда старалась их решить. Но это выглядело совсем не так.

Во время распада Советского Союза некоторые из этих конфликтов, допустим Нагорный Карабах или Абхазия, Приднестровье или Южная Осетия, появились изнутри. В те времена центр не контролировал всего, что происходило на периферии. Все эти ссоры, этнические конфликты (как, допустим, в Нагорном Карабахе) появились не из Москвы. На первом этапе конфликта она не имела большого влияния. А потом, на втором этапе, Россия, с одной стороны – на международной арене или в ООН, ОБСЕ – старалась посредничать, работая с двумя сторонами конфликта, а с другой – помогала сепаратистам, давала им оружие, присылала добровольцев и т. д. Подводя итоги, я пришла к выводу, что в течение 30 или более лет России не удалось завершить эти конфликты, что позволило бы ей создать себе имидж или выступить в роли настоящего мирного игрока на постсоветском пространстве. И в один момент Россия поняла, что, если она не может окончить все эти конфликты, то она будет их использовать в своей политике против Грузии, Молдовы, Армении и Азербайджана. Именно поэтому мы сейчас знаем, что во всех конфликтах если не главную, то одну из основных ролей играет Россия, которая делает все, чтобы эти конфликты продолжались, благодаря чему она оказывает влияние на эти страны.

Но в течение этого времени, когда России не удавалось окончить эти конфликты, появились новые игроки, которые имеют

свои интересы. Я имею в виду региональных игроков, таких как Азербайджан и Армения, а также так называемые квазигосударства – страны без международного признания. И поэтому в интересе разных игроков, локальных или региональных, чтобы эта ситуация не завершалась. А иногда, как мы видели год назад, Азербайджан решает отнять часть «своей» территории в Нагорном Карабахе, получая помощь из Турции. Так что здесь есть много как региональных, так и локальных игроков, а также действующих извне. Сейчас роль такого соперника России играет Турция.

Еще хочу добавить, что одно время именно Россия была страной, которая смотрела извне на все эти конфликты и эту модель или этап «замороженного» конфликта она использовала в 2014 году. Это единственный конфликт, который она развязала по модели предыдущих, используя такие элементы, как признание сепаратистов, военная и политическая помощь. Она также способствовала становлению квазистран, присваивая «республикам» на Донбассе специальный статус. И мы сейчас видим, что ситуация находится на том же этапе, на котором 30 лет назад был Нагорный Карабах. И мы, как Запад, или Украина, или даже Россия не можем развязать этот узел.

Крым и Донбасс стали для вас неожиданностью и почему?

Я писала в своей книге, что «замороженные» и вообще продолжающиеся конфликты такого типа стали очень крутым инструментом. В том смысле, что для России это не стоит дорого, а благодаря этому она может усиливать важные цели своей международной повестки. Я имею в виду контроль над этим пространством. С начала 1990-х Россия считала, что все это пространство и такие страны, как Украина, Грузия или другие государства Центральной Азии, сами будут тянуться к самой большой стране в регионе – России. Но очень быстро оказалось, что реальность вообще другая, и, к примеру, Украина говорит о цивилизационном разделе между ней и Россией, и никто, кроме Беларуси, к евроазиатской интеграции не готовится. Поэтому, преследуя самую главную цель – контроль над этим пространством и исходя из того, что интересы на этом пространстве самые главные для России, она начала просто использовать эти конфликты. Поэтому я немного удивилась, когда случился Крым, а именно с точки зрения контактов с Западом, что так быстро появились слоганы о фашизме. Для меня было странно, что Россия использовала все эти символы Великой Отечественной войны в Украине, в Крыму, что этот

Запись подкаста с Агнешкой Легуцкой.
Студия Радио Кампус, 22 июля 2021 года

конфликт был создан не на почве этнической или религиозной напряженности. Вообще никто не рассматривал никаких сепаратистских тенденций изнутри в Украине. Но мы знали, что в Крыму люди по-другому ощущают, но никогда не было разговора или вопроса о территориальной целостности Украины. Это была автономная республика на территории Украины, о чем была запись в Конституции. Если говорить об идентичности крымчан, то там были пророссийские настроения, но я думаю, что эти настроения или в Крыму, или на Донбассе скорее не были «за Россию» как таковую, а скорее за то, что было в прошлом. Это были, так сказать, советские ресентименты¹: что тогда нам было лучше, кто-то заботился о нас, мы имели статус большой державы. А во время украинского государства не было элементов политики, которые бы разрабатывали какую-то украинскую идентичность – об этом забыли и никто даже не думал, что может такое произойти.

Вы также вспоминали тезис американского политолога Джозефа Ная, что в современном конфликте выигрывает тот, чья наррация выигрывает. Чья наррация сейчас выигрывает на Донбассе и Крыму?

К сожалению, и это надо подчеркнуть, что российская наррация выигрывает. Я интересуюсь дезинформацией и российской пропагандой. И меня не то что бы удивляет, как телевидение и то, что говорят по телевизору, радио или пишут в газетах либо в каких-то других источниках массовой информации, как это работает. Для меня все-таки удивительно, что люди неспособны или не хотят узнать правду, а вслепую принимают клише, которые они слышат и видят по телевидению.

Как вы считаете, в ближайшей перспективе Украина вступит в ЕС и НАТО?

Я бы этого очень хотела. И Польша стремится инициировать такое расширение Европейского союза и НАТО не только на восток, но и на юг. Потому что на примере собственной истории мы знаем, видим, что это позволяет развиваться и защищать права человека, защищать элементы демократии и т. д. Для Польши расширение Европейского союза и НАТО – это также элемент стабильности,

¹ Ресентимент (фр. *Ressentiment* «злопамятность, озлобление») – философский термин, означающий чувство враждебности к тому, что субъект считает причиной своих неудач («врагу»), бес- сильная зависть.

транспарентности нашего соседства на востоке или на юге. Но если смотреть реалистично, то в той ситуации, в которой мы сейчас находимся, это будет очень трудный процесс. Я не могу сказать, что невозможный, но шансы все время снижаются. Мы также должны посмотреть на те процессы, которые происходят внутри этих организаций. Европейский союз и его жители после пандемии сосредоточились на внутренних проблемах, на экономическом и социальном состоянии своих стран. Кризисы, имевшие место (например, экономический, а потом миграционный), – это очень серьезные процессы, которые на первый взгляд не кажутся важными, но они тоже сводятся к тому, что есть какой-то центр Европы и ее периферия. И сейчас идут столкновения между центром (например, Германией и Францией) и странами, которые развиваются, экономически слабее. Они иначе видят угрозы для себя. Так, Центральная Европа и страны Балтии осознают главную угрозу с востока из-за агрессивной политики России. Но этого совсем не чувствуют французы, испанцы или итальянцы. Я уже не говорю о Германии, где главную роль играет экономическое развитие и т. д. Как пример – договор о «Северном потоке – 2». Так что здесь тоже существует внутренняя напряженность.

К «Северному потоку – 2» еще вернемся. А сейчас я хочу спросить про Молдову. Она наряду с Украиной является членом «Восточного партнерства». Долгое время тоже стремится вступить в ЕС и НАТО. Как вы оцениваете ее перспективы?

Думаю, что в истории этой страны сейчас самый главный момент с точки зрения Европейского союза. ЕС все время искал своего «фаворита» в программе «Восточного партнерства». Вначале это была Грузия с ее элементами демократии и рыночной экономики. Но потом в Грузии начались проблемы. Потом Украина после двух революций тоже была такой страной, на которой было сосредоточено внимание. Но все эти бесконечные реформы и деолигархизация, проблемы с коррупцией и т. д. А сейчас – Молдова. Майя Санду – президент. Впервые в истории этой страны женщина стала президентом. Она получила множество инструментов для того, чтобы изменить Молдову. Именно она имеет большинство в парламенте, которое получила благодаря диаспоре. Очень часто я слышу от экспертов из Европейского союза, что «мы не можем отпустить эту страну», «сейчас нужно помочь Молдове», что «это последний момент, и если она проиграет, то ее проигрыш как президента, которая стремится изменить свою страну, провести

реформы и бороться по-настоящему с коррупцией, приведет к тому, что люди уже никогда не поверят в какие-то европейские перспективы».

Россия тянет за собой череду нерешенных территориальных конфликтов. Давайте вернемся к Украине. Каковы перспективы решения этих территориальных проблем?

Для России самое главное, чтобы все забыли о Крыме. И под словом «все» я имею в виду Запад. Для нее важно, чтобы проблема Крыма вообще исчезла из международной повестки. Именно поэтому нужен был Донбасс, чтобы о Крыме никто не говорил. Максимум для России и для Запада – Россия остановит свою помощь или военную повестку в Донбассе. Но тогда проблема Крыма может остаться нерешенной. Поэтому для России прекращать конфликт на востоке Украины не имеет смысла, потому что она лишится инструмента влияния на Украину и своей перспективы, а вопрос состоит в том, чтобы контролировать это пространство.

Для России, когда мы говорим о международных переговорах, всегда вопрос стоит так: или «мы выиграли», или «мы проиграли». Для нее компромиссы всегда рассматриваются с точки зрения проигрыша или выигрыша. И если бы Россия лишилась возможности контролировать Донбасс, а потом Украину – это проигрыш, и она сделает все, чтобы этого не допустить. Я думаю, все это тоже делается в интересах элиты. Как мы знаем, одобрение политики Путина сводится к тому, что он делает много вещей, которые русские люди считают не совсем хорошими, но одного ему никогда не позволят сделать – показать слабость.

Давайте поговорим о третьей стране, как вы сказали, «святой троицы» – о Беларуси. Конечно, мы не можем говорить здесь о прямом военном вмешательстве, но было бы наивно отрицать, что Россия оказывает прямую поддержку Лукашенко, ведь без помощи Кремля он не остался бы у власти. Это очевидно, как и то, что Москва сыграет не последнюю роль при выборе нового президента Беларуси. Что в связи с этим может предпринять Польша?

Я думаю, что очень многое изменилось в Польше с точки зрения того, как поляки или политическая элита воспринимают Беларусь. Много лет было такое ощущение, что белорусы, может не

любят, но, допустим, принимают Лукашенко, и у него есть много соперников и людей, которые его воспринимают как Батьку. Август 2020 года был шоком для всех. Думаю, что для белорусов в какой-то степени это тоже был шок, потому что они, наверное, также думали, что у Лукашенко есть большая поддержка. А ее не было. И единственное, что Польша может сделать – это помочь людям, которые бегут из Беларуси, стараться как-то помочь им приспособиться к жизни в Европейском союзе. Мы также можем – и делаем это вместе с Литвой, – стараемся как-то нажимать на Лукашенко, используя инструменты, санкции. Хотя надо понимать, что они имеют ограниченный эффект. Потому что, как вы сказали, у Лукашенко есть Путин и он в определенной степени чувствует себя безопасно. Но все-таки у Европейского союза, а также Польши и Литвы не было другого выхода. Если смотреть на это с точки зрения идеологии, мы должны осознавать, что люди, которые живут в странах между Польшей и Россией, имеют право самостоятельно решать свою судьбу. И в таких ситуациях, как революция или какие-то восстания, мы должны в первую очередь поддержать людей, а не лидеров стран, которые репрессиями стараются удержаться в своих креслах. Именно поэтому то, что мы можем, и то, что мы делаем, – стараемся помогать белорусам, принимаем их здесь.

Разные элементы польской миграционной политики менялись в течение этого года. И на эти изменения я хочу обратить внимание. Раньше, если говорили про миграционную политику Польши, у нас не было осознания, что эти люди вообще важны, что мы должны это делать. Но когда все случилось в Беларуси, мы поняли, что должны помогать тем, кто убегает от репрессий, от жестокости власти Александра Лукашенко. Тогда политика процедурно, технически тоже начала изменяться. К примеру, Центр исследований Восточной Европы работает над тем, чтобы помогать студентам, которые хотят учиться в Польше. Он также помогал создать в Европейском союзе специальный фонд для демократической Беларуси. В будущем это будет работать как своеобразный «План Маршалла» после Второй мировой войны. Он сыграл огромную роль в Европе, так должно произойти и в Беларуси. Это помощь для ее экономики, потому-то людям нужно дать какую-то перспективу, а не только Путина.

Вы вспомнили о Фонде для демократической Беларуси, и здесь возникает вопрос: если новый демократически избранный парламент или президент Беларуси не заявят

открыто о своих евроатлантических устремлениях, какой будет реакция польских элит?

Если белорусы на демократических выборах выберут себе президента Х, то это будет считаться демократически открытым процессом, которому мы должны помогать, не говоря о какой-то поддержке извне. О такой помощи сейчас рассказывают пропагандисты Лукашенко, чтобы объяснить, почему он вынужден использовать силу. Так что белорусам решать, кого они хотят видеть в парламенте или кто будет президентом, а Европейский союз или в целом международное сообщество должны это только поддерживать, а не говорить: «Этот нам не нравится, давайте другого».

Обычный поляк понимает обычного белоруса вне политического контекста?

Я думаю, что он начинает понимать. Потому что в Польше сейчас много украинцев и все больше белорусов. О Беларуси очень много говорится по телевизору, и думаю, что некоторые элементы будут тоже проявляться в общем сознании. Очень важно, что в прошлом году Центр польско-российского диалога провел в Польше опрос «Какой поляки хотели бы видеть польскую восточную политику?»². Меня удивило и в то же время обрадовало, что большинство поляков сказали: Польша должна играть активную роль в этой политике. Не только с точки зрения своей безопасности, но и того, что происходит по соседству. Полагаю, это был очень важный сигнал для политической элиты, которая решает, в какую сторону направлять нашу внешнюю политику.

В этом опросе было очень важно, что большинство поляков все-таки разделяют власть в России, Путина, Кремль и обычных людей. Давайте вернемся к «Северному потоку – 2». Как вы уже сказали, было опубликовано совместное заявление Германии и США по строительству этого газопровода. Как это повлияет в перспективе на весь регион?

Польша, но прежде всего Украина, уже долгое время повторяет как мантру, что «Северный поток – 2» – это угроза. Почему? Потому что Украина лишается, я думаю, последнего инструмента

² Polacy o polityce wschodniej. Raport z badania opinii publicznej dla Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, Warszawa 2020.

влияния на российские власти. Россия живет именно на доходы от нефти и газа, от нефти большей в степени, чем газа, но это важный экзистенциальный элемент для бюджета и элиты. Поэтому, когда можно будет не осуществлять транзит через Украину, а «Северный поток – 2» на 100% позволяет не использовать ее газовую инфраструктуру, Россия будет иметь все возможности, чтобы не столько начать войну, сколько начать очень сильное давление на Украину, чтобы решить вопрос с Крымом и Донбассом. У Украины не будет никакого инструмента влияния на Россию. «Северный поток – 2» важен не только для Украины, но и для центральной части Европы. Немецкая газовая инфраструктура не идет в Германию, она идет на север. Германия думает, что они будут покупать дешевый российский газ и дальше продавать его в эту часть Европы – и в Украину, и в Польшу, и в другие части континента. Самое главное – это цена, поэтому такие диверсификационные проекты, как Baltic Pipe, трудно реализуемы. Люди скажут: зачем мне платить в три раза больше, если у меня будет германско-российский газ. Конечно, возможно, что в Baltic Pipe газ будет дешевле. Но все-таки это демпинг. Страна, которая старается разрушить рынок и стать монополистом, сперва в течение 10 лет будет продавать Германии дешевый газ, а потом, когда уничтожит всех конкурентов, тогда [Россия] скажет: ну давайте, дорогие германцы, мы можем сейчас про цену поговорить и про разные другие вещи, потому что у вас нет другого выхода, как только покупать российский газ.

И здесь давайте обсудим восточную политику Польши.

Расскажите, в чем она заключается и вообще зачем Польше восточная политика?

Зачем вообще странам какая-либо политика? Это очень интересно, что у нас в Польше выделяется восточная политика, но нет южной или западной политики. Но существует так называемая восточная политика. Почему? Потому что это проистекает из проекта Юлиуша Мерошевского и Ежи Гедройца, которые еще в 1960–1970-е годы в эмиграции работали над тем, как воспринимать так называемые восточные территории и какую политику там проводить. Они первыми указали, что мы должны уважать украинцев, белорусов, литовцев и помогать им. Это концепция создания партнерских отношений с нашими восточными соседями. Еще в начале 1990-х они отмечали, что, если мы будем иметь хорошие отношения с восточными народами, будем иметь сильную позицию на востоке и только тогда нас будут уважать на западе.

Наша цель была войти в Европейский союз и НАТО, и поэтому сперва надо уважать и думать про соседей на востоке и только тогда американцы, немцы или французы будут ощущать Польшу как важного партнера, как эксперта по восточной политике. Но у нас такие амбиции, что мы хотели бы эту повестку не только польской восточной политики, но и европейской восточной политики не то что возглавлять, но иметь на нее влияние, чтобы устранить господствующую с 1970-х годов германскую модель «Россия прежде всего» – Russia first.

Ситуация изменилось не только из-за польских амбиций, но больше из-за того, что делал Владимир Путин в Украине в 2014 году. Полагаю, что во всей Западной Европе думали, что мы не правы (я имею в виду Польшу) в том, что надо помогать странам между Польшей и Россией, и предпочитали видеть последнюю главным партнером. Но до 2014 года была Грузия 2008-го. Это были сигналы, подтверждающие нашу правоту, что нужно учитывать не только Россию, не только пользоваться категорией «советское пространство» и «постсоветское пространство». Другие страны тоже важны, там есть люди, которым мы можем помочь, и это будет не только хорошо для них, но и для нашей безопасности, для нашей стабильности и экономики.

А сейчас я хочу ответить на вопрос, который можно услышать от приверженцев идей так называемого русского мира. Зачем вообще Польша распространяет свое влияние на те страны, которые Россия традиционно считает сферой своих интересов?

Это мне напоминает моменты, когда я жила в России, в Москве. Мне было 10 лет. Мы ссорились с детьми. Русские дети говорили: «Польша – это говно» или «Польша – это не заграница» (более литературно). У меня было такое ощущение, что они стараются все время нас контролировать.

Польша хотела уже быть самостоятельным, независимым государством. Я тогда, помню, встретила старушку, а она говорит: «Почему вы от нас отходите? Мы как мать хотели бы с вами быть, и контролировать вас, и опекать». Но я думаю, что мы уже находимся на другом уровне сознания, уровне идентичности и национальной идентичности. Полагаю, что много россиян – последователей идей «русского мира» – думают: мы все-таки им помогали, мы боролись с фашизмом, мы их обеспечивали, а сейчас они как-то не так работают, как мы бы хотели. И вот этот «русский мир», я думаю, очень

сильно действует в умах россиян. Им трудно осознать, что у нас есть какое-то другое видение относительно своей судьбы, своего будущего.

Тот же скептик, представитель «русского мира», мог бы сказать, что это польские кукловоды организовали протесты в Беларуси, чтобы в Польшу приехала белорусская молодежь работать. Что бы вы ответили на это?

Я помимо всего прочего еще и преподаватель, который работает и с украинцами, и со студентами из Беларуси. И у меня есть такое ощущение, что лучше всего было бы, если бы после учебы они вернулись в Беларусь или в Украину и там работали на свое будущее и будущее своей страны. Много поляков делали то же самое во времена коммунизма. Это уже в 1980-х годах или 1990-х имело смысл, потому что каким-то успешным стандартам работы мы можем учиться друг у друга.

Я не вижу никаких возможностей переубедить такого человека в споре. Я не вижу вообще какого-то желания, чтобы мы как-то их хотели купить здесь, взять их умы и как роботов поставить на наших заводах. Это не имеет никакого смысла.

Наш скептик мог бы ответить вам, что вот сколько приехало украинцев работать сейчас в Польше, они остаются здесь. Это не только трудовая сила, но и творческая элита, научная. Как это можно опровергнуть?

В нашей истории во время коммунизма был один момент, когда коммунистические власти тоже с поддержкой Советского Союза лишились элемента многонациональности, многоэтничности в Польше. Мы лишились территорий и граждан, которые жили в Польше перед Второй мировой войной, белорусов, украинцев, после того как в Ялте отрезали линию Керзона и осталась Польша (не совсем), но Польша для поляков. И сейчас мы как страна возвращаемся в момент истории, который, с моей точки зрения, обогатит нас. Я имею в виду, что у нас будут жить и украинцы, и белорусы, и евреи, и немцы и мы будем какой-то нормальной европейской страной – без ксенофобии, без национализма. Потому что это вещи, которые все время портят не только людей, народ, но и страну.

Можно ли сказать, что Польша конкурирует с Россией за влияние на молодежь из стран бывшего СССР?

Я думаю, что это тоже меняется. Помню миграционные процессы, допустим из Украины: в 1990-е и начале 2000-х большинство ехало в Россию. Тогда там можно было зарабатывать деньги, а сейчас большинство уже едет на Запад. Трудно сказать, плохо это или хорошо. Я думаю, что украинцы или останутся в Польше, или будут ехать дальше. Это их право, ведь они хотят как-то изменить свою экономическую и социальную ситуацию. А может, они когда-то вернутся домой. Это нормальные процессы. Похожее можно найти и в польской истории – это история беженцев с XIX века и даже раньше, когда мы не имели своей страны, Польша исчезла с карты Европы, вспыхивали восстания, в основном против России, потому что 80 % польской территории было захвачено Российской империей. И мы разбегались по Европе, по всем странам мира. И 123 года (столько не существовало независимой Польши. – *Примеч. ред.*) жила идея о создании независимого государства, которая потом осуществилась. Поэтому миграционные процессы – это как изменение климата, они просто происходят, мы можем это в некоторой степени контролировать, но ни в коем случае не можем их остановить.

Давайте теперь обсудим вашу деятельность. Каково это – быть публичным интеллектуалом, специалистом, который занимается Россией, и сложно ли вам отделить свои собственные эмоции от работы, от политологии?

Интересный вопрос. Заниматься Россией очень интересно, вообще заниматься востоком – это очень интересно, потому что там происходят такие изменения и процессы, которые могут удивить даже политолога. Я думаю, что субъективизм есть в каждой работе. Мне немножко помогает то, что я жила в Москве в 1990-х годах, я видела, какой была «демократия», как сильно она была просто копирована, и все те экономические процессы, которые россияне называют «прихватизацией», и как они осуществлялись в Москве. Хотя Москва гораздо богаче, чем другие регионы. Я понимаю, что россияне, возможно, не совсем воспринимают демократию как все самое хорошее, потому что 1990-е были очень жесткими временами. И в то же время им говорили: у вас нет еды, нет работы, но у вас есть демократия. А демократия – это не все. Я понимаю ощущения россиян, что у них есть Путин и он дает какую-то стабильность, а не революцию – это самый главный элемент, зачем

и почему они воспринимают его, одобряют его политику и его личность. Но в моей работе также очень важно чувствовать, а не только оценивать россиян, белорусов и украинцев, стараться понять, какие там происходят процессы и возникают проблемы.

Тяжело ли интеллектуалам повлиять на решение политиков?

Да! Первое, что пришло в голову: да, очень трудно. Когда я была только ученым, работала в университете, тогда было еще сложнее. Сейчас, когда я работаю в Польском институте международных отношений (Polski Instytut Spraw Międzynarodowych. – *Примеч. ред.*), немного легче. Я встречаюсь с политиками, дипломатами и экспертами, которые имеют влияние на власть. И мы разговариваем о разных вещах, разрабатываем рекомендации, и потом я вижу, что это реализуется. Поэтому я как аналитик вижу, что у меня сейчас больше влияния на политиков и на власть. То, что я делаю – пишу, анализирую, иногда делаю экспертизы, разговариваю, рекомендую, – вижу, что потом на практике это происходит. Но в основном моя работа состоит в том, чтобы уметь сводить факты и показывать их разным людям, студентам в том числе.

Кроме аналитики, как вы уже говорили, вы преподаете в Академии бизнеса и финансов Vistula. У вас много иностранных студентов помимо поляков. Расскажите, вы замечали какие-то отличия между молодежью из России, Украины или Беларуси и польской молодежью?

Да. Россияне, которые здесь учатся, хотя их мало, они осознают свою связь с Россией как страной, с ее интересами. В их умах очень глубоко сидит пропаганда. Но я думаю, что тут срабатывают не только другие процессы, потому что они в меньшинстве, и всегда, когда мы рассматриваем какие-то вещи о России, а особенно когда в зале сидят украинцы или немного белорусов, тогда украинские студенты критикуют и говорят о России негативные вещи. И россияне стараются бороться, мол, это их страна и они стараются гордиться этим, начинают говорить заученными слоганами, которые иногда я слышу по телевизору. Но это, возможно, такой защитный механизм. Да, они стараются защитить свою страну, родину. Ведь почему они не могут гордиться своей страной, когда они находятся в критически настроенном окружении?

Но об украинцах и о белорусах могу сказать лишь то, что они очень тихие, хотя есть разные группы, конечно. Грузинские студенты любят много говорить и принимают участие в дискуссии. И всегда, когда у меня в группе несколько грузин, это самые хорошие студенты. Они всегда имеют свое мнение, всегда хотят активно участвовать в дискуссии. Вначале и украинцы, и белорусы тихие, но когда я втягиваю их в разговор, мол, мы всегда должны иметь свое мнение, тогда они включаются в дискуссию. Но когда в группе нет поляков, а у нас было несколько таких занятий, когда моих польских студентов не было, тогда мы все переходили на русский язык, в том числе украинцы и белорусы. Тогда у нас дискуссия была отличная. Так что польский язык создает некоторое препятствие.

Да, языковой барьер. Вы сказали про украинцев, грузин, белорусов, но не сказали о поляках. Могли бы вы сравнить (конечно, вы были в очень юном возрасте, но все же) сегодняшнюю польскую молодежь и ту, начала 1990-х – после 1989 года?

Может, это мой субъективный пример, но думаю, что украинцы и белорусы сейчас очень напоминают поляков в 1990-е годы. У них больше оптимизма и надежды на то, что, может и есть какие-то препятствия, проблемы и так далее, но где-то там есть стремление к тому, чтобы или войти в Европейский союз, или думать про Европу как какую-то общую вещь, что нас ждет что-то лучшее.

А поляки живут в этом, они родились уже в Европейском союзе и, с моей точки зрения, иногда очень критически смотрят на него. С одной стороны, это хорошо, что они подходят к вопросу критически, но с другой – совсем критически, без понимания как, допустим, работает Европейский союз. У них уже есть некоторый пессимизм, что это все развалится, что мы должны идти вообще в другом направлении. Вещи, которые важны для меня, а именно свобода путешествовать, мои польские студенты вообще не понимают: как это границы могут быть закрыты? Ну может, сейчас, после пандемии немножко осознали. А раньше – ну какая граница, мы просто переезжаем и все. А когда я, будучи студенткой, хотела поехать на стипендию в Европу, еще до того как Польша вошла в Европейский союз, то получила несколько писем с отказами, мол, «к сожалению, вы не можете приехать к нам, потому что ваша страна не является членом Европейского союза». И для меня лично это было сложно. А сейчас, когда говорю польским

студентам: ну давайте, поезжайте на Erasmus, путешествуйте, вас там ждут приключения. Они отвечают: «Мы не можем – работа». Это какая-то совсем другая реальность.

Какие три книги вы посоветовали бы будущим дипломатам, которые хотят работать в странах Центральной и Восточной Европы?

Если мы говорим о России, то Пайпс³ – это обязательно. В книге собраны важные элементы политики и режимов, которые возглавляли разные цари, госсекретари или президенты, а также история охраны, как она работает.

Есть очень много интересных книг, например Тимоти Снайдера⁴, который рассматривает элементы нарождающегося авторитаризма и его эволюцию или смерть демократии: что демократия не навсегда, мы должны об этом заботиться, потому что есть люди, которым очень просто удастся эту демократию разрушить.

Когда мы говорим о таких гибридных элементах, то я очень люблю книги Марка Галеотти, например «Воры»⁵ (*The Vory: Russia's super mafia*) о российской элите или его книгу о политике *Russian Political Warfare: moving beyond the hybrid*⁶. Он пишет, что все, что мы называем гибридной войной, ощущают и россияне, но потом это срывается как маскировка: россияне говорят про гибридные угрозы, гибридную войну, а готовятся к настоящей войне. Они вооружаются, готовят свои вооруженные силы к участию в конфликтах. Благодаря пропаганде им это удастся замаскировать.

В завершение мы обычно просим рассказать какой-нибудь советский или российский анекдот, который сейчас вспомнился.

Российский, советский... Я всегда забываю все анекдоты. А может быть, веселую историю из моей жизни?

Когда я была студенткой Центра исследований Восточной Европы, мы с коллегами ехали на конференцию в Витебск и попросили

³ Ричард Пайпс, *Россия при старом режиме*, Москва 2012; *idem*, *Русская революция*, т. 1–3, Москва 2005.

⁴ Тимоти Снайдер, *Кровавые земли*, Киев 2015; *idem*, *Реконструкция наций*, Вроцлав 2013.

⁵ Марк Галеотти, *Воры. История организованной преступности в России*, Москва 2019.

⁶ Mark Galeotti, *Russian Political Warfare: moving beyond the hybrid*, London 2019.

помощи в консульстве, чтобы нам купили билеты. Одна вещь не меняется никогда: у студентов всегда мало денег. И у нас тоже не было денег, поэтому мы ехали поездом, потом через границу и потом снова по Беларуси уже должны были ехать поездом. И мы попросили консульство, чтобы они купили билеты, потому что у нас не было времени и было много людей. Они купили нам билеты. Мы удивились, что очень дорого, но не было времени это обсуждать... Мы садимся в поезд, открываем конверт и смотрим, а там – Петербург, Витебский вокзал в Петербурге. И тогда мы тянули спички, кого оставим в Витебске. Мой коллега Лешек остался в Витебске, чтобы всем сказать, что мы немного задержимся в Петербурге. Так у нас получилась экскурсия по Петербургу, а потом мы вернулись в Витебск. Поэтому непредсказуемость для меня – это самый главный элемент в исследовании Восточной Европы.

Бартош Хмелевски: «Мы думали, что в польском интернете нет такого места, где можно было прочесть о странах Балтии»

Гостем четвертого эпизода подкаста стал журналист, редактор Przeglądu Bałtyckiego («Балтийского обзора»), выпускник Центра исследований Восточной Европы и аналитик Академии военного искусства Бартош Хмелевски.

Ровно 30 лет назад страны Балтии де-факто восстановили свою независимость. Пока ГКЧП пытался сохранить СССР, Верховные советы Литвы, Латвии и Эстонии объявили, что республики выходят из состава Советского Союза. Как вы считаете, стоял ли для балтийских стран вопрос – выйти или остаться, как это было, к примеру, в Украине, Беларуси, России?

Нет, такой вопрос не стоял. Там еще в 1988 году начались протесты. В странах Балтии – в Литве, Латвии и Эстонии – были созданы политические движения, которые хотели, чтобы их страны вышли из Советского Союза. Литовцы, эстонцы и латыши хотели быть на Западе.

Как эти события воспринимались здесь, в Польше?

Насколько я помню из умных книг – потому что в те времена был очень маленьким, – польская «Солидарность» наблюдала за тем, что происходит в Вильнюсе, она солидаризировалась с литовцами. Даже польские журналисты ездили в Вильнюс и Ригу. Насколько я помню, в Варшаве даже были выступления поляков, которые поддерживали балтов в решении выйти из СССР.

Можно ли сказать, что спустя 30 лет после распада Советского Союза Литва, Латвия и Эстония все еще постсоветские страны или они уже полностью европейские?

Нет, они уже являются частью Европейского союза, частью Центрально-Восточной Европы или даже Северной Европы. Сейчас в странах Балтии дискутируют, частью какой Европы они являются. Это очень распространено в Эстонии. Эстонцы имеют северную идентичность и хотели бы быть частью Северной Европы. В последнее время и латвийские политики говорят о том, что Латвия является частью современной Северной Европы. В Литве тоже наблюдаются такие дискуссии, но они не столь интенсивны, как в Латвии или Эстонии.

Скандинавская идентичность Эстонии, как она пытается позиционировать себя на международной арене, насколько соответствует реальности?

Это очень тяжелый вопрос. Я бы сказал, что Эстония одной ногой находится в Северной Европе, потому что у нее есть очень важные связи с Финляндией: культурные, языковые, исторические. Но второй ногой Эстония находится в Восточной Европе.

Если мы говорим, например, об экономической системе, она больше напоминает либеральный капитализм, который существует в Польше или в странах Центральной Европы, а не социал-либеральный капитализм, как в странах Северной Европы – в Швеции или Финляндии.

Наверное, в технологическом мышлении эта страна похожа, например, на Финляндию или Швецию. На английском языке это называется *unicorn startup* – это самые современные IT-технологии: например, Volt – мы знаем, что это эстонская технология, эстонская идея. В этом плане можно сказать, что Эстония является частью

Северной Европы. Когда мы говорим об IT как о части современного государства, можно сказать, что Эстония является частью Северной Европы, ведь то же киберголосование позиционирует Эстонию как современное государство.

Эстония довольно передовая страна. Она одной из первых ввела электронное резидентство, старается привлечь как можно больше стартапов. В чем, по вашему мнению, секрет успеха Эстонии?

Я считаю, что этот успех в людях, в эстонском образовании, потому что если мы посмотрим на какие-то рейтинги, то эстонское образование в них находится рядом с финской системой образования. И эти умные люди, живущие там, просто создают современные технологии. Даже новый президент Эстонии, которого недавно выбрали, сказал, что интеллект – это самое важное в Эстонии. Интеллект и образование.

Мы привыкли воспринимать страны Балтии как нечто единое. На самом деле народы этих стран формируют какую-то общность?

Полагаю, это несколько надуманно. В общественном восприятии, в публичной дипломатии можно сказать, что действительно существует балтийское единство. Но если мы посмотрим глубже, то сразу увидим, что литовцы, латыши и эстонцы имеют разные направления развития: идеи развития и даже политика этих стран отличаются, например, в отношении России или Беларуси либо в отношении Центральной Европы. Можно сказать, что в менталитете литовцев и латышей есть схожие вещи. Два языка – единственные в мире балтийские языки – очень похожи. Помимо языковых есть культурные связи между этими нациями. Поэтому единство существует, но не такое тесное, как мы привыкли думать.

Вы говорите: нельзя утверждать, что политика балтийских стран одинакова. В одном из интервью вы говорили о внешней политике стран Балтии в отношении России и подчеркнули, что Литва является «ястребом». Тогда у меня возник вопрос. В Литве на самом деле проживает небольшой процент русскоговорящих – около 5%. У страны есть общая граница с Россией. Чем обусловлена такая активность Вильнюса в противостоянии с Москвой?

Юрмала, Латвия. Фото: Б. Хмелевски

Юрмала, Латвия. Фото: Б. Хмелевски

Все это началось после революции в Украине и после того, как Россия заняла Крым (события произошли в 2014 году. – *Примеч. ред.*). Литовское общество поддерживало украинцев, и Россия воспринималась как угроза. До этого было немного иначе. Политику неприятия России стала проводить Даля Грибаускайте на втором сроке. Это действует до сих пор.

Литва сейчас и по отношению к Беларуси ведет иную политику, потому что чувствует не только военную угрозу, но и, например, энергетическую, так как уже построена Белорусская атомная электростанция в Островце. А еще это и экологическая угроза для Литвы.

При этом Латвия до сих пор тоже вела совсем другую политику. Она практиковала более прагматичные подходы к Беларуси и России, даже в 2019 году Латвия была лоббистом Беларуси в Евросоюзе. Она имела очень важные экономические отношения с Россией и Беларусью. Но все изменилось после революции в Беларуси 2020 года. Сейчас я сказал бы, что Латвия в одном клубе с Литвой. Это подтверждает поступок мэра Риги Мартиньша Стакиса во время чемпионата мира по хоккею, когда в центре латвийской столицы он поменял официальный флаг Беларуси на национальный (национальный бело-красно-белый флаг является в Беларуси символом протеста против действующей власти. – *Примеч. ред.*), что привело к жесткому ответу со стороны Беларуси¹.

Эстония тоже подходит к России как к угрозе. Однако сложные отношения между странами – это вина не Эстонии, а России. Между ними остро стоит юридический вопрос, связанный с границей. Эстония признает действующим договор о перемирии 1920 года, а Россия не признает. Довоенная граница проходила восточнее современной. И хотя перенести нынешнюю границу между странами невозможно, тем не менее спор существует.

Вы подробно описали внешнюю политику Литвы в регионе. Можно ли сказать, что Польша и Литва конкурируют здесь?

Я не уверен. В наших СМИ и в польском сейме можно заметить мнения, что мы конкурируем между собой, даже в балтийской прессе можно найти статьи, в которых журналисты пишут, что Эстония

¹ Послу Латвии и всем сотрудникам посольства было предложено покинуть территорию Беларуси. – *Примеч. ред.*

конкурирует с Литвой в политике по отношению к России и Беларуси, но мы можем действовать сообща. Если мы посмотрим, например, на нынешнюю ситуацию на польско-белорусской и литовско-, латвийско-белорусской границе, то увидим, что наши политики встречаются, обсуждают между собой и пытаются вместе принять какие-то меры. Я бы сказал, что мы не конкурируем между собой. Литва, Латвия и Эстония – очень маленькие страны, и им нужны союзники, а не конкуренты.

В одном из своих интервью вы также отмечали, что не совсем корректно говорить «русские в Латвии» – правильно говорить «русскоговорящие в Латвии». Можно ли то же сказать об Украине и о Беларуси?

Я не хотел бы вступать в соревнование между Беларусью, Украиной и странами Балтии, потому что не чувствую себя компетентным в белорусском или украинском вопросе. Но я говорю «русскоговорящие», потому что это не только россияне, которые живут в Литве, Латвии и Эстонии, это и другие нации: там есть белорусы и даже поляки, которые говорят чаще на русском. Нельзя утверждать, что там есть только русская идентичность и эти люди являются русскими. Русский здесь выступает языком общения между этими людьми. Даже если мы возьмем регионы, где русскоговорящие составляют большинство, то можем найти латышей, которые будут говорить на улице по-русски, потому что, например, в Даугавпилсе большинство жителей – это поляки, русские или белорусы, а латыши там являются меньшинством.

И если по улице будет идти латыш с белорусом, то говорить между собой они будут на русском языке. Это всего лишь язык общения. Русскоязычные там – это не только россияне, это люди, которые в советские времена приехали в Латвию, Эстонию или Литву из разных частей Советского Союза.

Если же мы посмотрим на политические взгляды этих людей, то заметим, что они голосуют за одну партию, например в Латвии за партию «Согласие» (на латышском *Saskaņa*).

В Эстонии русскоговорящие – это россияне, белорусы или даже люди с Кавказа, которые живут в этой стране и голосуют за центристские партии. Значит, с политической точки зрения эти люди являются одной группой, поэтому я использую термин «русскоговорящие».

Кирхгольм (Саласпилс), Латвия. Фото: Б. Хмелевски

В Литве есть большая польская община. Часто ли Литва и Польша обсуждают права нацменьшинств?

Это была проблема в 1990-х и, конечно, еще перед Второй мировой войной. Сейчас ситуация немного поменялась, потому что у Литвы другой подход к нацменьшинствам. После событий в Украине Польша не делает из этого вопроса проблему в наших отношениях, потому что даже местные политики-поляки из Избирательной акции поляков – польской партии в Литве – в последнее время заявляют, что есть другие проблемы, которыми нужно заняться.

Отношение нынешней литовской власти к проблеме польского национального меньшинства изменилось. Что происходит сейчас?

Наверное, поменялось отношение политиков к полякам в Литве. До 2014 года политики в Вильнюсе не интересовались, как живет польская община. Но после 2014 года они стали проявлять интерес к польской общине, интересоваться проблемами у этих людей. Итоги этого были разные, но политики в Вильнюсе начали присматриваться к Вильнюсскому краю, и это важное изменение. Премьер-министр Сквернялис встречался с поляками, премьер Шимоните тоже встречается с поляками, с общественными организациями поляков, польскими НКО. Я считаю, что политики стараются прислушиваться к этим людям. В последнее время даже разрешили трансляцию польских каналов. Это было решение премьер-министра Сквернялиса. Сейчас можно смотреть польское телевидение – два или три канала. Польские власти помогли местным полякам несколько лет назад создать канал TVP Wilno, хотя работает он только в Вильнюсе.

После событий 2013–2014 года, после революции в Украине, в украинском правительстве было довольно много представителей из Польши и Литвы, которые старались продвигать реформы. Возможно, не стоит обсуждать, удалось им это или нет, интереснее узнать – можно ли такое представить в странах Балтии, чтобы приглашали политиков и перенимали опыт других стран?

Я считаю, что сейчас не нужно приглашать политиков из Франции, Германии или Скандинавии. Балтийские страны являются хорошим примером трансформации из советской системы в демократическую. Украина или Беларусь, другие страны постсоветского

пространства должны смотреть на то, как это произошло в странах Балтии, и просто брать с них пример.

В 1990-х бизнес, например из Скандинавии, приехал в страны Балтии. Этот бизнес учил балтов как, с одной стороны, развивать свою страну, а с другой – они инвестировали в эти страны. Так, в банковском секторе стран Балтии доминируют шведские или датские банки.

А Польша? Можешь ли здесь такую ситуацию представить?

Мы тоже можем служить примером трансформации для наших восточных соседей, как и страны Балтии. Но я не знаю, в какой сфере нам нужна такая помощь, и не понимаю, в какой сфере может быть нужна такая помощь странам Балтии.

Мы говорим о помощи. Сейчас Литва и Польша очень активно стараются поддерживать демократическую оппозицию Беларуси. В российских СМИ – я имею в виду государственные пропагандистские СМИ – есть такой нарратив, да в принципе и в белорусских государственных СМИ, что эта революция – происки Польши и Литвы, это им выгодно. Что на это можно ответить?

Наверное, такой дискурс направлен на белорусов и россиян как носителей идей так называемого русского мира. Литовцы не подвержены подобному влиянию. Это может быть в группе русскоговорящих, как я раньше сказал, и среди поляков такое мнение есть, потому что они тоже смотрят русские СМИ. Но латыши или литовцы так не думают, не считают, что иностранцы там делают революцию. Дискурс направлен на аудиторию «русского мира». В странах Балтии, конечно же, есть проблема российской дезинформации и российской пропаганды, но это более комплексный вопрос, потому что, говоря о российской пропаганде в этих странах, надо смотреть не только на русскоязычные медиа, но и на медиа на местных языках – они имеют большее влияние на эти общества, чем русские СМИ. В Литве, если мы говорим о людях моего возраста (28–30 лет), часто они даже не знают русского языка. Для этих молодых людей это иностранный язык, как английский, французский или шведский. Но в Латвии, Эстонии может быть немного по-другому, этот дискурс не попадает в мейнстрим балтийского общества, и серьезные политики не думают, что их власти делают цветную революцию в Беларуси.

Таллинн. Фото: Б. Хмелевски

Вы являетесь редактором «Балтийского обзора» и писали рецензии на российские сериалы². Вас интересует Рунет?

Чуть-чуть. Я больше слежу за сериалами. Этот сериал («Эпидемия») я обнаружил в «Нетфликсе», и он меня заинтересовал. Его очень интересно смотреть во время эпидемии, потому что это сериал о пандемии в России будущего. Люди из Москвы бегут от пандемии в Карелию. Это фильм об отношениях между людьми во время серьезного кризиса, когда вообще нет помощи от государства, нет помощи от общественных организаций, НКО. Люди должны спасать свою жизнь. Там можно увидеть, что одни хотят сотрудничать друг с другом, другие хотят просто выжить. Я рекомендую этот сериал каждому, кто хотел бы посмотреть, как жизнь в эпидемию представлялась до пандемии. Совсем не так, как у нас было в последнее время, когда мы сидели по домам и работали через интернет, а в таком мире, в котором нет интернета, нет власти, нет ничего.

Следите ли вы за русскоязычными СМИ?

Сейчас мне не хватает времени, раньше я следил за тем, что русские СМИ пишут о странах Балтии, что пишут СМИ в Калининграде, Калининградской области, но сейчас не хватает времени, чтобы следить даже за балтийскими СМИ, а еще русскими или другими СМИ постсоветского пространства.

Какие СМИ для вас были ориентиром? Что было интересно читать?

Наверное, «Дождь» и «Медуза», редакция которой находится в Риге.

«Медуза» находится в Риге, Русская служба Радио Свобода – в Праге, «Настоящее время» – совместный проект Радио Свобода и «Голоса Америки» – тоже в Праге. Почему никого нет в Варшаве? Почему так происходит?

В Варшаве есть «Белсат».

² См., например: рецензия на сериал «Эпидемия», 2019 (польск. название *Ku jezioru* («К озеру»)) [доступ 01.12.2021], <https://przegladbaltycki.pl/17038,rosyjska-apokalipsa-recenzja-serialu-ku-jezioru.html>.

Таллинн. Фото: Б. Хмелевски

Но это проект польского правительства. Почему русские журналисты, которые эмигрируют из России, никогда не выбирают Варшаву?

Не знаю. Наверное, я могу сказать, зачем они выбирают страны Балтии. В странах Балтии, пожалуй, им легче, потому что тоже можно пользоваться русским языком на улицах, жить в таком, я не хочу сказать «русском мире», потому что это другой контекст, но есть просто русскоговорящая община. Я считаю, что этим людям просто легче переехать, например, в Ригу. Прагу я тоже считаю городом, где находится русскоязычная община. Может, поэтому они уезжают в эти города

Давайте поговорим о СМИ, в котором вы работаете. Как возник «Балтийский обзор»? Чья это была идея?

Это была идея группы друзей, этот веб сайт создали 5–6 лет назад. Мы думали, что в польском интернете нет такого места, где можно было прочесть о странах Балтии. Потому что все СМИ, все порталы, которые специализируются на Восточной или Центральной Европе, пишут об Украине, о Беларуси, России, Молдове, а страны Балтии – это непопулярная тема. Так раньше было, и отсюда идея создать такой веб-сайт, где мы будем писать и информировать о том, что происходит в странах Балтии.

У вас есть свои подкасты?

К сожалению, нет. Честно скажу, наш сайт – это общественный проект, потому что мы занимаемся другими вещами, работаем в других местах, а наш портал делаем после работы.

То есть нельзя сказать, что это коммерчески успешный проект?

Нет, потому что, честно говоря, поляков не совсем интересует происходящее в этих странах. Да, конечно, есть группа людей, которая интересуется тем, что происходит в Эстонии, Латвии, Литве или даже в скандинавских странах, но это небольшая группа. Темы, связанные с Украиной или Беларусью, по сравнению со странами Балтии интересуют поляков больше.

Тарту, ратуша. Фото: Б. Хмелевски

Как вы думаете, почему из Варшавы сейчас нельзя добраться в Вильнюс на поезде?

Надо спрашивать наших политиков... А если серьезно, то это историческая проблема, потому что железная дорога из Варшавы в Вильнюс проходила через Беларусь, но ее уже не существует, ее нет с 1990-х или даже раньше. До сих пор не было возможности приехать прямо из Варшавы в Вильнюс, потому что в странах Балтии другая железнодорожная система, такая как в России – так называемая широкая колея (szeroke toru – говоря по-польски), но нужно было сделать ремонт, построить новую инфраструктуру, чтобы подключить страны Балтии к Польше. Уже есть возможность доехать из Варшавы в Каунас, но такого поезда нет. Летом 2018 года я ехал поездом сообщением Белосток – Каунас. Он ходил в выходные. Можно было сесть на поезд в субботу или воскресенье утром, приехать в Каунас, а вечером вернуться в Белосток, но этот проект не имел коммерческого успеха. Насколько я помню, это был общий проект Подляского воеводства и Литвы. Я надеюсь, что в будущем появится такая возможность, потому что Польша и страны Балтии строят сейчас современные железные дороги. Официально политики говорят, что после 2025 года будет возможность доехать из Варшавы в Таллинн на поезде, но посмотрим. К сожалению, думаю, этого не будет через четыре года. С польской стороны скоростная железная дорога есть только до Белостока, потом нет современных путей, надо ремонтировать. Есть вопрос

и между Эстонией и Латвией: подключение современных железных дорог. Конечно, надо ремонтировать железнодорожные станции в больших городах. Сейчас идет ремонт в Риге. Это очень важно, потому что Рига будет центральным узлом этой железной дороги. Наверное, есть разногласия между компаниями, которые управляют железными дорогами в наших странах. В Польше и странах Балтии разные представления, например, о скорости, с которой будут ездить поезда. Я полагаю, что железная дорога между нашими странами – это дело будущего.

Страны Балтии и Польша вместе участвуют в таком инфраструктурном проекте, как Триморье. Расскажите о нем.

Я знаю о нем немного. Это большой инфраструктурный проект, одним из компонентов является железная дорога, которая будет связывать наши страны, и еще автомагистраль через страны Балтии, Польшу, которая протянется на юг, мимо границы с Украиной, через Словакию и Румынию. Этот проект называется Via Carpatia. Это два главных проекта, которые будут развиваться в рамках Триморья. Еще есть энергетические проекты. Самый важный – подключение стран Балтии к электрическим сетям Европы. LitPol Link, которая уже существует, и в будущем – проект Harmony Link. Есть еще есть другой энергетический проект – GIPL (Gas Interconnection Poland – Lithuania. – *Примеч. ред.*). Это газопровод, который соединит Польшу с Литвой. Я считаю, что эти три проекта – самые важные из общих инициатив.

Как вы оцениваете инициативу Триморья: скептически или скорее положительно?

Это сложный вопрос. Я скорее с энтузиазмом подхожу к этому проекту, но будущее покажет, каковы будут итоги.

В последнее время Польша очень старается привлечь администрацию США к этому проекту, к финансированию Триморья. Успешно?

Честно скажу, я не слежу за этим вопросом. Эта тема обсуждается несколько лет. Попытка привлечь США к более активному участию в судьбе нашего началась уже при администрации Дональда Трампа, и она продолжается и сейчас. Как будет дальше, я не знаю, потому что не чувствую себя экспертом в американской

политике. Надеюсь, что и далее будут попытки привлечь внимание США к нашему региону.

Как ЕС, то есть Брюссель, относится к этому проекту? На самом деле я практически не видела никаких заявлений с выражением поддержки.

Если мы говорим об инфраструктурных проектах, то они тоже есть в планах Евросоюза. Rail Baltica, о котором мы уже говорили, – это и европейский проект. Дискуссия по нему началась еще в конце 1990-х – начале 2000-х. Цель – подключить этот регион, его инфраструктуру к Западной Европе. А если мы говорим о каком-то участии других стран в этом проекте, то я не уверен, но слышал, что были такие проекты, чтобы подключить Германию, хотя бы в качестве наблюдателя.

У нас есть еще блок вопросов, где мы обсуждаем студентов, молодых людей, потому что этот подкаст мы стараемся делать именно для них. У вас наверняка очень много друзей из Эстонии, Латвии, Литвы. Чем отличается польская молодежь от молодежи из этих стран?

Это очень сложный вопрос. Мои друзья – это люди, которым уже 30 лет или даже больше. Если речь идет о молодежи, которая сейчас учится в вузах, то боюсь, что я могу не понять нашу молодежь. Я считаю, что балтийская молодежь уже в этом глобальном мире вместе с нашей молодежью, молодежью Франции или других стран, потому что мы все сейчас пользуемся приложениями, сидим в соцсетях, в интернете. Перед нашей встречей я посмотрел ТикТок – там тоже есть молодые латыши, эстонцы и литовцы, которые используют это приложение. Если говорить в общем о различиях между поляками и, например, литовцами, я сказал бы, что литовцы очень похожи на нас, но они не говорят так много, как поляки, они более спокойные люди. Например, если мы садимся в литовский поезд между Вильнюсом и Каунасом, то это «поезд тишины». У нас в Польше несколько лет назад сделали в первом классе такие «вагоны тишины», где люди не говорят по телефону и друг с другом. В Литве нет потребности в таких вагонах: в литовских поездах все вагоны – это «вагоны тишины». Это такая прикольная разница между поляками и литовцами.

Еще стоит сказать о проблемах молодежи в этих странах. Главной такой проблемой в последнее время стала эмиграция, миграция

Запись подкаста с Бартошем Хмелевским.
Студия Радио Кампус, 2 сентября 2021 года

из стран Балтии в Западную Европу. Каждый год литовцы, латыши уезжают из своих стран в другие страны. В Эстонии это чуть меняется, но молодые люди из стран Балтии активно уезжают работать, например, эстонцы уезжают в Финляндию, латыши и литовцы, как и поляки, – в Германию, Великобританию, Исландию. Я не знаю, как сейчас, но несколько лет назад в Исландии второй иностранной общиной после поляков были литовцы. Один местный политик даже свою муниципальную кампанию вел на трех языках: на исландском, польском и литовском. Это большая проблема балтийской молодежи. Некоторые мои друзья уехали из Литвы. Моя знакомая, которая работала журналистом в одном из литовских СМИ, сейчас живет в Канаде и занимается вообще другими вещами.

Как вы считаете, главная причина отъезда – это невысокие зарплаты и возможность больше заработать там?

Да, это была проблема после кризиса, и она актуальна до сих пор. Хотя сейчас заработки в Литве, Латвии и Эстонии не совсем плохие. Если мы посмотрим на зарплату до вычета налогов, то она даже выше, чем в Польше.

Сколько в среднем зарабатывают, например, в столицах?

Я точно не помню, какие зарплаты, но они очень похожи на польские, возможно, больше на 10–20 евро. Средняя зарплата в Литве больше, чем в Польше, однако фактически это не так, просто потому что это средняя зарплата. Но не каждый получает среднюю зарплату, к тому же статистика показывает зарплату до вычета налогов, а налоговые системы в странах Балтии и в Польше отличаются. Естественный процесс, который происходит сейчас в Центральной Европе, когда молодые люди не хотят работать на простой работе, свойствен и странам Балтии. Как мы замечаем в Польше, украинцы или люди из постсоветских стран приезжают к нам и работают в магазинах, такси. Точно так же молодые литовцы не хотят работать у себя и уезжают выполнять ту же работу в других странах, где заработки лучше, чем у нас. Вместо этих литовцев приезжают жители Украины, они работают в Литве, Латвии и Эстонии. Там происходят такие процессы, как и во всей Центральной Европе. Молодые люди ищут лучшее будущее для себя.

Что касается политических взглядов молодежи, то согласно опросу Центра исследования общественного мнения, около 30% молодых поляков имеют скорее левые взгляды³. А что можно сказать про литовцев, латышей и эстонцев?

Там происходят похожие процессы. Если мы посмотрим на последние выборы в Литве, то много людей поддерживало Партию свободы (Laisvės partija. – *Примеч. ред.*). Это ультралиберальная партия. Насколько я помню, большое количество избирателей этой партии – молодые люди из Вильнюса. В Латвии есть совсем молодая левая партия «Прогрессивные» (Progresīvie – «Прогрессисты». – *Примеч. ред.*), за которую тоже голосуют преимущественно молодые люди. В странах Балтии происходят похожие процессы, но не идентичные, потому что политическая и партийная системы в них отличаются от польской. Там есть другие проблемы, другие дискурсы, но рискну сказать, что есть такая тенденция: молодые люди или за левых, или за правых.

Польское общество довольно поляризовано. В последнее десятилетие основная конкуренция происходит между двумя основными партиями. Как выглядит это в странах Балтии?

Там тоже общество разделено, но по другим вопросам, и там нет такой системы, когда есть только две главные и две-три маленькие партии. Там просто больше партий. Например, сейчас в Литве, если я не ошибаюсь, шесть партий в Сейме. В Латвии очень много маленьких партий представлены в Сейме. В Эстонии пять партий в Рийгикогу (парламент Эстонии. – *Примеч. ред.*).

Я бы сказал, что эстонская партийная система немного похожа на польскую, потому что в Эстонии тоже есть две большие партии (Партия реформ и Центристская партия) и несколько малых партий. Там есть консервативная партия, правоцентристская партия «Отечество» (эст. *Isamaa*. – *Примеч. ред.*) и социал-демократы, но две главные силы в эстонском парламенте – это центристы и реформисты, они сейчас вместе формируют одно правительство.

³ Komunikat CBOS „Zainteresowanie polityką i poglądy polityczne młodych Polaków na tle ogółu badanych”, luty 2021 (oprac. J. Scovil).

В Латвии политическая система работает так, что есть одна большая партия – это партия «Согласие» (лат. *Saskaņa* – Примеч. ред.). Они позиционируют себя как социал-демократы, но я считаю, что это консервативные социал-демократы. За эту партию голосуют русскоговорящие. В последнее время она имела даже 40% поддержки. Там есть либерал-консерваторы, националисты. Не хочу всех перечислять, потому что это будет долго. Они вместе объединились против «Согласия». В Латвии эта система работает так. Есть так называемая русская партия и латышские партии. Это главные конкуренты.

В Литве тоже есть такая главная сила сейчас в правительстве – это «Союз отечества» (лит. *Tėvynės sąjunga*. – Примеч. ред.), литовские христианские демократы, правоцентристская партия. Другая большая партия – это Союз крестьян и зеленых Литвы (лит. *Lietuvos valstiečių ir žaliųjų sąjunga, LVŽS*. – Примеч. ред.). Это две главные партии. Есть в литовском парламенте и меньшие партии. Либеральное движение, Партия свободы и христианские демократы «Союз Отечества» сейчас образуют коалицию. В оппозиции к ней находятся Союз крестьян и зеленых, Избирательная акция поляков, социал-демократы. Это главные силы в литовском парламенте. Правительство формирует правоцентристская коалиция, а раньше – левоцентристская коалиция в составе Союза крестьян и зеленых, Избирательной акции поляков и части социал-демократов. Эту коалицию поддерживали малые партии, но они не так важны в литовской системе.

Конечно, в каждой из этих стран общество поляризуется по различным вопросам. Этим тем много, но нам не хватает времени, чтобы все обсудить.

Вы говорите, что в Латвии есть партия «Согласие», за которую в основном голосуют русскоговорящие. Они заигрывают с людьми, разделяющими идеи русского мира?

Раньше эта партия имела договор с «Единой Россией». В «Согласии» есть политики с пророссийскими взглядами, но я бы не сказал, что это мейнстрим – они хотят быть современной социал-демократией, то есть это не до конца пророссийская партия в латышской политической системе. Она связана с Россией в том смысле, что в ней есть русскоговорящие и россияне состоят в этой партии. Когда мэром Риги был Нил Ушаков – важная персона для

этой партии, – Рига имела особые отношения с Москвой на муниципальном уровне.

В эстонской системе тоже есть центристская партия, которая раньше заключала договор с «Единой Россией». Но когда лидером этой партии стал Юри Ратас, эти связи прекратились. Политики с про-российскими или антизападными взглядами, которые, например, были против НАТО, уже либо вышли из партии, либо остаются на маргинальных позициях. Там есть «фракция русскоязычных», но она сейчас не в большинстве.

Какие книги вы посоветовали бы почитать, чтобы лучше понять регион? На польском, на русском, на английском?

Я могу посоветовать читать русскоязычные СМИ в странах Балтии, потому что государственное телевидение или государственное радио в Литве, Латвии и Эстонии тоже вещает на русском языке. Если кто-то хочет узнать, что там происходит, то может включить, например, эстонские Радио-4, там есть вещание на русском языке. Русскоязычный канал есть и у латышского радио. Русскоязычные программы выходят на литовском радио. Есть также портал литовского телевидения и радио на русском языке. Существует общевалтийский портал «Делфи» (www.delfi.lt), который имеет русскоязычную версию.

Если говорить о книгах на английском языке, то в последнее время была очень популярна *Shadow in the east*⁴ о политике стран Балтии и отношениях стран Балтии с Россией. Я мог бы это рекомендовать. Не знаю, есть ли художественная литература на русском языке, но могу посоветовать прочитать «Вильнюсский покер»⁵ Ричардаса Гавялиса. Это очень популярная книга в Литве, можно сказать культовая, книга о жизни. Полагаю, что это уже литовская классика. Некоторое время назад «Вильнюсский покер» вышел в польском переводе, но вроде бы русский перевод был раньше, и можно поискать информацию о книге в интернете.

⁴ Aliide Naylor, *The Shadow in the East. Vladimir Putin and the New Baltic Front*, London 2020.

⁵ Ričardas Gavelis, *Vilnius pokeris*, Vilnius 1989.

Помимо *Przeglądu Bałtyckiego* что на польском можно почитать по этой теме?

На польском можно почитать, наверное, польских профессоров, которые занимались историей стран Балтии. Тут я могу посоветовать книги профессора Лоссовского⁶, который написал историю Литвы и несколько работ по истории Латвии и латышско-польских отношениях. Я мог бы посоветовать прочитать о балтийских странах художественную литературу на польском языке, переведенную с языков Балтии на польский. Можно посмотреть книги издательства «Коллегиум Восточной Европы» во Вроцлаве. Там есть много изданий, которые сейчас можно прочитать на польском. Из латышской литературы могу посоветовать книгу *Mātes piens* на польском она называется *Mleko matki*, на английском – *Soviet milk*⁷. Это книга о советских временах в Латвии. Если кому-то интересно, например, сравнить жизнь своих родителей в других регионах советской империи, в советской Беларуси, в советской Украине и как это было в советской Латвии, я могу порекомендовать эту книгу.

И напоследок расскажите какой-нибудь советский анекдот или анекдот из стран Балтии.

Один профессор рассказал мне популярный анекдот в советское время анекдот об Эстонии. Он показывает разницу между советской Эстонией и другими частями Советского Союза.

Спортсмены из Средней Азии приехали на соревнования в Таллинн. После дня соревнований тренер сказал им, что у них есть свободное время и они могут пойти в гостиницу, в бар или просто отдохнуть. Спортсмены сразу побежали в милицию и стали просить политического убежища в Эстонии, потому что подумали, что это запад. По сравнению с их республикой.

⁶ Piotr Łossowski, *Litwa (Seria: Historia państw świata w XX wieku)*, Warszawa 2001; *idem, Kraje bałtyckie na drodze od demokracji parlamentarnej do dyktatury 1918–1934*, Wrocław 1972; *idem, Kraje bałtyckie w latach przełomu 1934–1944*, Warszawa 2005.

⁷ Nora Ikstena, *Soviet milk*, London 2018; Нора Икстена, *Молоко матери*, Рига 2016.

Яцек Ключковски: «Украина в моей дипломатической работе была самым важным этапом»

Гостем пятого эпизода подкаста Центра исследований Восточной Европы Варшавского университета стал Яцек Ключковский. В 2005–2010 годах он был Чрезвычайным и Полномочным послом Польши в Украине, а с 2011-го по 2015-й – послом Польши в Казахстане и Кыргызстане.

До этого работал советником президента Польши Александра Квасьневского, был руководителем кабинета спикера Сейма Марека Боровского, руководил группой советников председателя Совета министров Республики Польша Марека Бэльки.

Господин посол, последние тридцать лет вы так или иначе связаны с Украиной. В 1992–1993 годах вы уже работали там корреспондентом польской прессы. Чего вы ждали в тот момент от трансформации в Украине и Польше? Что из ваших ожиданий оправдалось, а что нет?

Вы знаете, журналист – это прежде всего наблюдатель, а ожидания были, чтобы Украина как можно быстрее вышла на тот путь, на котором находилась Польша с 1989 года. Это значит, чтобы

произошли коренные преобразования и были внедрены схожие с польскими реформы. Нам, польским журналистам, тогда немногочисленным, было очень интересно, насколько наш пример мог быть привлекателен и интересен партнерам из Украины. Оказалось, что не очень, что более понятными были действия российского правительства, российских реформаторов. Это и привело, может быть, и к нежелательным, нехорошим результатам. Как раз в 1992 году, когда я начинал свою более-менее постоянную работу в Украине, в Польше реформы шли уже третий год. Можно было определить, что наша экономическая реформа «Шоковая терапия» состоялась и принесла положительные результаты. Уже в 1992 году, во второй половине 1990-х, начался рост экономики. Закончилась посткоммунистическая рецессия, спад производства. В Украине все только начиналось. 1993–1994 годы были очень непростыми и для украинской экономики, и для украинского общества. Мне кажется, что результаты этого неверного пути и того, что польский пример все-таки не был использован украинской властью, до сих пор чувствуются в экономике Украины и в отношении общества к реформам. Мы ожидали, что пойдем в одном направлении, но многое в украинской экономике двинулось, пошло совсем другим путем и оказалось, как нередко шутят журналисты и даже историки, что в Польше была «Шоковая терапия», а в Украине был «Шок без терапии», к сожалению.

Что касается политики, каким вам тогда виделось место Польши во внешней политике Украины?

Для нас, поляков, надо было понимать, чем отличается политическая трансформация в Польше и Украине. У нас к власти пришли силы, связанные с антикоммунистической оппозицией. Они, первое время во всяком случае, выигрывали выборы. Они составили политические элиты. Они создавали руководство министерств. В Украине это было немного по-другому. Оказалось, что уровень поддержки демократов, да и антикоммунистических сил был самым высоким в начале, в 1991–1992 годах. Мы смотрели, как первый президент независимой Украины, бывший идеолог Коммунистической партии Украины взял на себя ответственность, не понимая, как можно трансформировать коренным образом эту систему и в экономике, и в политике, и в управлении. Кстати, в Польше в 1990 году начали реформирование местного самоуправления, а в Украине пришли к этому двадцать, даже почти тридцать лет спустя. Это тоже скорее говорит о том, что концептуально украинская власть, украинские элиты, которые находились

у власти, не были готовы к таким коренным реформам. Таково было начало.

Бывшие представители партаппарата попрощались с советским коммунистическим прошлым, стали другими людьми. И я лично им верю, верю в их трансформацию. Может быть, этого было недостаточно, потому что у них не хватало знаний по поводу того, как должно выглядеть современное демократическое государство.

Потом в Украине был период «красных директоров». Общество, люди голосовали за них, считая, что власть в начале 1990-х оказалась не готова к преобразованиям. Давайте тогда, пусть эти крепкие хозяйственники, директора крупных предприятий возьмут на себя ответственность за развитие ситуации. И это тоже не привело к хорошим результатам. А самое, на мой взгляд, плохое – это то, что вслед за Россией образовалась такая же система олигархии, экономическо-политической олигархии, которая была неэффективна и с точки зрения экономики, и потому, что она была барьером для развития истинной демократии в стране и истинной рыночной экономики.

Первые 10–15 лет можно считать, что Украина менялась, но люди страдали из-за ухудшения экономической ситуации. Результатов как таковых не было, люди их не замечали.

Это во многом отличает нас от украинцев. Потому что спустя 15 лет после начала реформ (а эти 15 лет были болезненными) у нас в Польше уже были ощутимые результаты. Я уже говорил, что с 1992 года в Польше начался постепенный рост экономики. Где-то с 1996–1997-го мы уже обошли тот уровень развития, который был у нас до 1989 года. В Польше не сформировался класс не то чтобы богатых бизнесменов, но олигархов, которые владели страной и владели экономикой. И это отличает нас от Украины.

Потом было вступление в Европейский союз – это был тоже положительный результат польских реформ. Начали поступать средства из фондов Европейского союза. Польше было проще, потому что для нас некоторые ворота открылись шире, чем для Украины. Тем не менее у нас не было дискуссии вступить или не вступить в НАТО, вступить или не вступить в Европейский союз.

Я прислушивался к дискуссиям в Украине, касающимся вступления в НАТО или сближения с НАТО. И это были очень драматические

дискуссии. Вступление в Евросоюз практически с конца 1990-х пользовалось довольно широкой поддержкой в Украине, но это была скорее идеологическая симпатия, чем истинное понимание сути процесса. На самом деле, если речь шла о перестройке структуры экономики, то мы видели, как медленно Украина подстраивалась к требованиям Всемирной торговой организации. Это был только первый шаг на пути к стандартам Европейского союза.

Что касается НАТО, то действительно там прежде всего геополитика. Если же говорить о Европейском союзе – это в первую очередь изменения в экономике, в законодательстве, в регуляторной политике. В те времена, когда шли переговоры об ассоциации Украины с Европейским союзом, у многих украинских дипломатов было недопонимание, что речь должна идти о геополитике: хочет Запад видеть Украину в своем кругу или нет. Но так это не работает. Именно тут необходимы были серьезные, истинные реформы.

В 2004 году во время Оранжевой революции в Украине вы принимали участие в так называемом круглом столе между оппозицией и правительством. Тогда принятые во время этого круглого стола решения позволили избежать кровопролития?

Да. На самом деле это так. Я думаю, что президент Кучма не хотел кровопролития, но с другой стороны, если бы не работа медиаторов, в том числе не добрая воля оппозиции, которая согласилась на эти переговоры... Я боялся в это время, что люди не понимают, что когда процесс выходит из-под контроля, то простого желания того или иного политика не довести накала страстей до такого уровня будет мало. Будут гибнуть люди. Может так случиться, что никто не захочет силовых решений, но будет поздно и они будут, и результат будет очень плохим для общества, для людей.

К сожалению, так случилось в 2014 году. Там уже был силен внешний российский фактор. То есть уже работали представители другого государства, я имею в виду Российскую Федерацию, которые хотели обострения внутри Украины. Но в 2004 году, мне кажется, олигархи и окружение президента Кучмы не были готовы отдавать власть. Они хотели каким-то образом объединить бизнес, который стоял за парнями из «оранжевого» лагеря, чтобы их в рамках компромисса можно было объединить. На самом деле они не понимали, имею в виду олигархический лагерь, всю

Запись подкаста с Яцеком Ключковским.
Студия Радио Кампус, 20 сентября 2021 года

остроту положения. Надо сказать, что международная дипломатия, польская дипломатия прежде всего, помогла найти выход. Мы понимали, что большой бизнес, олигархи, даже окружение Кучмы заинтересованы в укреплении экономических связей с Западом, с Европейским союзом. Они, в отличие от Кремля, от политического центра в России, хотели удержать за собою власть, но не хотели разрывать связи с Западом. Для нас это тоже был фактор, который помог влиять на то, чтобы избежать кровопролития.

Напомню, что в этом круглом столе принимал участие Александр Квасьневский, бывший в то время президентом Польши. Как вы считаете, помог ли опыт подобных мероприятий в Польше тогда в Украине?

Да, это интересный вопрос. Мы не один раз об этом говорили, но ситуация была немного другая. Центром обсуждения в Польше в 1989 году была демократизация страны, завершение коммунистического периода. В Украине мы старались избежать дискуссии о внутренней политике страны, поэтому не выводили ее на круглый стол, на переговоры. Это должно было быть решением самих украинцев, самих граждан Украины. Глядя на это с технической перспективы, то очень похоже на круглый стол в Польше. Мы не так давно обсуждали с президентом Квасьневским роль международных посредников, сравнивая тогдашнюю ситуацию в Украине с процессом демократизации в Польше, с круглым столом в Польше. Это очень интересное замечание: можно сравнить роль международных посредников во время Оранжевой революции с местом, которое занимала Католическая церковь во время переговоров в Польше в 1989 году. Они тоже не принимали непосредственного участия, но, если что-то тормозилось или не было понимания, или не хватало инициативы, тогда представители Католической церкви в такой прекрасной местности, как Магдаленка, что недалеко от Варшавы, помогали сторонам договориться. И мне кажется, что именно такую роль иностранные посредники играли во время круглого стола в Украине во время Оранжевой революции.

В 2005 году вы стали Чрезвычайным и Полномочным послом Польши в Украине. Расскажите, каких реформ вы ожидали после 2004 года? Что удалось, а что не удалось?

В то время мы уже ожидали, что польский опыт будет более приемлем в Украине. Мы хотели и предлагали конкретные реформы,

которые касались финансовой политики, налоговой политики, реформу системы самоуправления. Реформу, которую мы начали в Польше в 1990 году и практически все время убеждали наших украинских партнеров, что эта система эффективна, что так лучше тратятся публичные деньги из налогов, более эффективно все работает. Честно говоря, это не очень получалось. Такой пакет реформ. Одни из них лучше принимались в Украине, другие – нет. Во всяком случае работа посла – содействовать контактам. Поэтому мы заключали партнерские договоры между регионами, между украинскими областями и польскими воеводствами, между крупными городами Польши и крупными городами, центрами в Украине, между Национальным банком и министерствами. Довольно много таких мероприятий, партнерств или программ польского и украинского сотрудничества на разных уровнях мы создали, и в какой-то мере это было эффективно. Хотя реформы затягивались.

Эпоха президентства Ющенко с точки зрения эффективности проводимых реформ не была успешной. Нам, польским экспертам, казалось, что некоторые процессы могли бы двигаться намного быстрее, чем это было на самом деле. Очень хорошо развивались отношения между самими ведомствами иностранных дел, министерствами обороны. Практически эти контакты начались еще при Кучме. Надо вспомнить, что Украина была нашим партнером во время стабилизационной миссии в Ираке и принимала в ней участие. С тех пор эти контакты так называемых силовых ведомств наладились и потом довольно успешно развивались. У нас был сначала батальон польско-украинский, потом, чуть позже, после Революции Достоинства, мы создали совместную польско-украинско-литовскую бригаду. Основную часть, безусловно, составляли военнослужащие Польши и Украины, потому что у нас есть военные структуры, есть возможности. Конечно, Литва – это не только символическое участие, она играет свою важную роль. Хочу отметить, что в последние годы Литва является источником разного рода инициатив. В некоторых вопросах она даже более активно работает, чем Польша.

Были разные форматы сотрудничества или ускорения реформирования и интеграции Украины с Европейским союзом, например «Восточное партнерство», которое начиналось еще в мои времена. Польша была инициатором этого проекта. Хотелось направить политику добрососедства Европейского союза именно на реформирование и модернизацию страны. Не только на то, чтобы

Запись подкаста с Яцеком Ключковским.
Студия Радио Кампус, 20 сентября 2021 года

возрастало количество людей, поддерживающих европейский выбор, но и чтобы менять на самом деле работу ведомств, предприятий, банковской системы, охраны окружающей среды, сельского хозяйства и т. д. Перейти на какой-то конкретный уровень.

Давайте перейдем к так называемой газовой войне России и Украины 2006 года. Какими вы помните те события и каковы были последствия для Польши?

Поставки российского газа в Польшу главным образом идут через Беларусь. Только какая-то часть идет по территории Украины. Наша экономика страдала от этого, но не так сильно. И мы были удивлены, как вообще Украина выдерживает, потому что шли дни, а потом даже недели... Хотя эта первая война была довольно короткой. Потом, в 2009 году, несколько недель надо было держаться. Помню, в свое время советское руководство в Кремле утверждало, что здесь никогда не будет никакой политики: это чистый бизнес, потому что отношения между Востоком и Западом могут ухудшаться или улучшаться, но поставки газа будут безопасными. Мы долгое время верили, что на самом деле так и будет. Но для нас первым уроком было не блокирование поставок через Украину в 2006 году. В 2002 или 2003 году Путин заблокировал Беларусь. В один прекрасный день оказалось, что нет газа для производства искусственных удобрений в Польше, для которых газ является фундаментальной, главной частью производства на довольно крупных заводах в Пулавах, в восточной части Польши, в Полицях, на северо-западе. И нам просто в один прекрасный день надо было остановить продукцию для промышленности, для химии, для людей, для обычных граждан. Мы старались как-то выкрутиться из ситуации.

Для нас это был сигнал, что надо искать альтернативу, потому что Россия хочет использовать свое газовое оружие. В 2002 году она использовала его против Беларуси. Мы понимали, что оно может быть задействовано и против Польши, и против Украины. Мы начали строить свою газовую альтернативу уже с тех времен создавать. Мы понимали, что Украина гораздо более зависима от российских поставщиков. Мы же могли этот же российский газ покупать в Германии, только нужно было достроить центры перекачки газа, чтобы мы могли регулировать эти потоки. Мы подписали договоры с Норвегией и Данией, подписали договоры с Катаром и Соединенными Штатами. Не все еще работает, но мы чувствуем себя более-менее безопасно. Даже если бы Россия снова

закрыла поставки газа, мы уже строим свою систему, где Россия только один из партнеров. Мы не отказываемся от сотрудничества в покупке газа в России, но стараемся делать это на своих условиях.

Следующий вопрос касается нефтепровода Одесса – Броды. Как вы думаете, почему не удалось довести проект до конца?

За это время был создан газопровод Баку – Джейхан из Азербайджана в Турцию. Появилась возможность поставлять газ с южного Кавказа на юг Европы. Мне кажется, что большие западные концерны, может быть, не до конца верили, что нам, полякам и украинцам, удастся этот проект внедрить в жизнь. Практически мы все время переживали по поводу того, будет ли покупатель для нефти, которую мы будем поставлять по этому нефтепроводу, и по какой цене ее поставлять. Следует учесть, что в работе этой системы нужно было задействовать не один нефтепровод, потому что нужны были бы еще танкеры, следовало строить нефтяные терминалы в Грузии и Украине. Все это требовало согласования нескольких стран, нескольких компаний, и, возможно, нашим потенциальным западным бизнес-партнерам, у которых были деньги и знания, у которых были сети снабжения Европы, казалось, что этот проект им не нужен. Во всяком случае, у нас в Польше и в Украине не было таких денег, чтобы загрузить этот проект через свои собственные компании. Отмечу, что Украина свою часть работы выполнила, потому что недалеко от Одессы существует терминал «Південний» («Южный»). Он был построен именно для этого проекта. Существует нефтепровод из города Южного на север, и это в большей степени новая украинская инвестиция на пути снабжения.

Но оказалось, что нет продолжения этого проекта на польскую территорию. Мы тоже находились перед непростым выбором, как провести азербайджанскую нефть через Грузию до терминала в Потти. Оказалось, что в 2008 году на территорию недалеко от этих мест заходили российские войска. И было непонятно, допустят ли они вообще окончание проекта. Можно было подумать, как эту нефть перебросить на польскую территорию через Беларусь. А что если Беларусь захочет когда-то заблокировать нефтепровод, то зачем мы будем тратить на эту инвестицию колоссальные деньги... А может, они в один прекрасный день решат все перекрыть? Я помню, что, когда премьер-министром был Янукович, он

предлагал нашему премьер-министру подключить Россию, чтобы поставки шли через Новороссийск. Таким образом мы могли бы избежать негативного отношения со стороны России. И тут снова возникает вопрос: а зачем нам тогда все делать, если это не является реальной альтернативой, а только каким-то полусредством? Но я бы не сказал, что проект полностью провалился. Время от времени в Чехию транспортировалась нефть. Были времена, что даже с Балтики нефть шла с севера на юг. Хотелось, чтобы наши две страны – Польша и Украина – были элементом нового порядка газоснабжения, нефтеснабжения, снабжения энергоносителями Западной Европы.

Будучи послом в Украине, вы также занимались мемориальным комплексом в Быковне, под Киевом. И именно во время вашей каденции были получены доказательства, что там покоятся останки польских офицеров. Были ли трудности в работе с этим мемориальным комплексом?

Когда Горбачев обнародовал документы, и мы увидели, что это не только Катынь на Смоленщине, что есть и другие места, где эти 20 тысяч или даже 20 с чем-то тысяч поляков были расстреляны в 1940-м году советскими спецслужбами.

На территории Украины, под Харьковом, в Пятихатках, велись работы по эксгумации останков польских солдат, хотя солдатами их можно считать условно, так как многие из них были набраны из резерва. Часто это инженеры, артисты, священники. В Харькове мы приобрели опыт. Наши археологи специализировались в работе на территории, где похоронены останки расстрелянных людей. Там еще оставалось несколько тысяч людей, и мы понимали, что где-то должны быть еще другие кладбища. Кладбища неофициальные, потому что их просто закапывали. И Быковня как место, где НКВД, а раньше еще ГПУ расстреливали людей, было таким кладбищем. Практически в каждом областном центре находятся территории, где десятки тысяч людей похоронены. Об этом люди знают или не знают... Это проблема отношения к этому страшному наследию прошлого. Конечно, мы знали, что такое место находится и в Быковне, потому что там уже в 1960-е годы были свидетельства, еще кто-то помнил, что туда вывозили людей. И было место немецких расстрелов, которые проводились во время оккупации, войны. Поэтому наши специалисты (археологи, историки) подозревали, что именно Быковня может быть таким

местом расстрелов польских военнопленных в 1940 году. По документам можно было найти подтверждения. И тут мы встречали содействие со стороны украинской власти, разве что с одним «но».

На этой же территории были массовые расстрелы граждан Советского Союза – в 1930-е годы и раньше там расстреливали украинскую интеллигенцию. В связи с этим для руководства Украины было важно, чтобы именно Быковня была таким мемориальным центром памяти для Украины. В принципе одно другому не мешало. Когда мы уже нашли доказательства, нашли пуговицы с польскими символами, мы поняли, что там действительно погребены поляки. И мы сказали украинской стороне, что у нас есть доказательства. Давайте или сотрудничать, или мы сделаем мемориал сами, а вы думайте о своем. На этой территории можно разместить два мемориала. Или сделаем это совместно. И так в разное время, год за годом, мы говорили, а наши украинские партнеры на это отвечали: «Нет денег», «А тут очень сложные вопросы юридического плана: кто владелец, кто что может, кто не может». Прошло практически все президентство Виктора Ющенко. Во время президентства Виктора Януковича было принято волевое решение, которое не совсем отвечает украинскому законодательству, но благодаря этому мы смогли построить мемориал. Он посвящен и украинским жертвам этого преступления. Там также указываются многочисленные жертвы сталинских репрессий на территории Киева и Киевской области.

К примеру, в Харькове тоже существует мемориал украинским жертвам, местным жертвам сталинского террора. Масштабы сталинского террора еще не до конца понятны даже в Украине. Я не говорю про Россию. До сих пор людям просто не хочется верить в то, что практически в каждом областном центре находятся такие территории, где похоронены десятки тысяч людей.

Возвратимся к политической жизни. Во время пребывания в Украине вы были дружны с Юлией Тимошенко.

Расскажите, какой она человек?

Да, я с ней поддерживаю связи и дружбу, можно сказать, своеобразную, потому что дружба с политиком – это вообще интересная история. Да, это интересный человек. Мы, когда говорим о ней как о политике, не можем не думать о 1990-х годах, о Днепропетровске и Лазаренко. Хотя с тех пор прошло много времени, и, может быть, кому-то другому забыли бы все это. Некоторым она

казалась таким политиком, который чувствует страдания бедных слоев населения лучше, чем другие украинские политики. Ее считали популисткой из-за этого, но мне кажется, что ошибка реформаторов состоит как раз в том, что они недооценивали, насколько люди страдали от этих неудачных реформ.

Украинская экономика пошла путем российских «реформ» и привела к олигархии и плутократии. Как потом обеспечить реформаторский курс, если общество выступает против реформ, если у них реформы ассоциируются с нищетой? Юлия Владимировна понимала, что без поддержки широких слоев населения вряд ли можно управлять страной. Может быть, тут я не прав... Мне казалось, что она хорошо понимала суть этой олигархической системы и хотела эту систему упразднить. Я помню, когда в 2005 году говорили, каким образом вернуть крупные предприятия, которые были переданы за бесценок украинским олигархам Ахметову, Пинчуку и другим... Это касалось «Криворожстали», металлургического комбината в Кривом Роге. Но, во всяком случае, это было понятное желание со стороны правительства Юлии Тимошенко и ее лично, чтобы эту «кучмистскую» систему олигархов демонтировать или хотя бы ограничить.

Многое из того, что она делала, я считал правильным. Но были и некоторые решения, а возможно, даже непонимание реформ, к чему они могут и должны приводить. Но мне всегда было приятно с ней общаться. Это касалось и многих других украинских политиков. У меня были очень хорошие контакты и с Виктором Ющенко, и с некоторыми политиками Партии регионов, хотя тут были свои нюансы, конечно. Но для моей работы необходимо иметь широкие контакты, дружить. Хотя дружбу дипломатов надо, наверное, в кавычки взять. Потому что, если приходит сложное время, что-то надо быстро выяснить, и тогда у человека должен быть номер телефона и возможность, чтобы эти контакты сработали.

В 2008 году вы были на саммите НАТО в Бухаресте. Как вы считаете, если бы тогда Украина и Грузия получили ПДЧ, можно ли было избежать войны в Грузии, а потом и на Донбассе?

Должен сказать, что я не был в Бухаресте, я в это время был послом в Украине. Мы всей командой в Министерстве иностранных дел, Министерстве обороны Польши готовили польскую позицию

к Бухарестскому саммиту. Во-первых, это решение о предоставлении ПДЧ (План действий по членству в НАТО (ПДЧ) – программа по принятию новых членов в НАТО. – *Примеч. ред.*) – это не чье-то личное решение. Там есть как техническая, так и политическая составляющая. Решение принимают не США, как многим казалось в Украине, и даже не большинство стран. Нужно убедить почти всех. Если против двое-трое, с ними можно поработать.

Но учтите, в то время, во-первых, сколько людей в Украине поддерживало эту идею? Намного меньше половины, мне кажется, если правильно помню, 20 с чем-то процентов. Это, конечно, немного. Многим странам Запада тоже не до конца было понятно, почему они должны инвестировать в безопасность Украины и прикрыть ее своим зонтиком. Я помню, как американцы принимали факт того, что Польша входит в НАТО в 1999 году. Это тоже не было для них вполне нормальным. Это требовало многих объяснений, дискуссий, убеждений, переубеждений. Многие сенаторы, представляющие своих налогоплательщиков, из своих штатов, говорили: «А зачем нам входить в восточноевропейские конфликты, в которых никто не разбирается? Никто не понимает, откуда они взялись... Мы, как Штаты, обещали Западу (Германии, Франции, Великобритании), что будем их защищать, и давайте оставим все как есть, а там, может быть, придумаем какие-то мягкие формы, такую „серую зону”». Будем поддерживать, помогать, но не дадим стопроцентной гарантии безопасности политического суверенитета и т. д. А в это время даже в Киеве мы, послы стран НАТО, неформально совещались: «А что мы будем рекомендовать нашим столицам, нашим министерствам по вопросу о ПДЧ для Украины в Бухаресте?» У нас нет официальных полномочий, но все-таки неофициально мы согласились, что такое голосование проведем.

Из 22 стран НАТО, которые были представлены в Киеве в это время, только шесть оказалось за, 16 были против или воздержались. Значит, мы понимали, что это нереально. Это, во-первых. И во-вторых, Россия тоже это знала. Российская дипломатия тоже работала в этом направлении, чтобы, скажем, в Германии, Италии, Франции усилить такие сомнения насчет расширения НАТО.

Мне кажется, что эти два фактора повлияли на решение. Основные европейские союзники были не готовы в это время.

В августе 2008 года после российской агрессии против Грузии пять президентов приехали в Тбилиси. Расскажите, вы помните, какой тогда была реакция украинского политикума на те события?

Да, действительно для всех введение российских войск в Грузию было полной неожиданностью, потому что мы думали, что подобные силовые методы ведения политики – это история, что это все в прошлом осталось, что такого в Европе или на окраинах Европы практически не может случиться. Тем более что еще в начале лета – это было время председательства в Европейском союзе сначала Германии, а потом Франции – они в тандеме придумывали какие-то варианты постепенной разрядки ситуации и на абхазско-грузинской линии разграничения, и на осетинской линии разграничения между Грузией и Южной Осетией. Так что мы думали: летом поработали, эксперты провели конференцию, уже появились какие-то положительные перспективы. Мы думали, что с сентября продолжим работу.

Это было неожиданно и для нас в Европе, тем более что был август, когда весь Европейский союз и Генеральный секретариат НАТО идет в отпуск. И наш МИД тоже, кстати.

Как воспринимала это Украина? Я думаю, что, во-первых, это все тоже было неожиданно для украинского политикума, для президента. Тогда возвращался в структуры власти Петр Порошенко, который вскоре стал министром иностранных дел на последние несколько месяцев президентства Ющенко. И мы видели такую надменность: «Да, с Грузией такое произошло, потому что грузины – очень вспыльчивые люди. Может быть, не так что-то сделали. Надо было спокойно свое делать, шаг за шагом. У нас в Украине такое невозможно».

Я помню, приехал министр обороны Польши или начальник Генерального штаба. Мы пошли на встречу в Генеральный штаб украинской армии, и они нам объясняли, почему такое с Украиной не может случиться никогда. Потому что Украина лучше подготовлена, потому что военные офицеры и командный состав надежны. Россия никогда не посмеет тронуть Украину ни в Крыму, ни в любом другом месте. Но мы увидели, что случилось потом, в 2014 году, что армия практически не была готова к противодействию агрессии.

В этой реакции с 2008 года уже был заложен посыл, что не надо ничего делать, потому что Россия не посмеет. Оказалось, что человек, который руководит Россией, не считается с правом, ему даже неинтересно, что в результате агрессии против Грузии в 2008-м, агрессии против Украины Россия потеряла так много симпатий и поддержки у людей и в Грузии, и в Украине, и во многих других странах. Это даже странно. Мне казалось, что политики и дипломаты должны заботиться о том, чтобы об их стране хорошо думали, особенно там, где у них есть дипломаты. Если есть проблемы, их следует решать.

Я довольно много раз общался с Виктором Черномырдиным, который был в мое время послом России в Киеве. Не один раз я его спрашивал: «Ну хорошо, что у тебя есть тут такие контакты, что ты влияешь на многих, что к тебе приходят в резиденцию крупные бизнесмены украинские. Какая у тебя программа касательно украинской интеллигенции, украинского общества, украинцев, которые чувствуют себя украинцами?» И он сказал, что пусть этим занимаются другие, что самое важное для него – это власть и бизнес. И он считал, что этого вполне достаточно. Хотя да, в какой-то мере этого было достаточно, но в результате агрессивных акций Россия потеряла доверие, потеряла симпатию и в Грузии, и в Украине.

В 2011 году вы уже не были послом в Украине. Как вы воспринимали все происходящее там? Вы были разочарованы, когда Януковича выбрали президентом?

Во время выборов Януковича я еще был в Украине и у меня были контакты с ним. Я практически до конца 2010 года там сидел. Когда были выборы в парламент в 2007 году, демократические силы победили на самом деле. Это значит, и «Наша Украина», и «Блок Юлии Тимошенко», и социалисты, которые тоже еще какое-то время находились в этом демократическом лагере, победили и на самом деле могли оставаться при власти. Ведь конституционные полномочия президента Украины были в это время сильно ограничены. Мне кажется, поддержка со стороны общества была, если бы сохранили единство на выборах. Полагаю, что и выборы президентские в 2010 году могли бы дать соответствующий результат – победу для демократических сил. Посмотрите, что было потом. Юлия Тимошенко, Яценюк, Ющенко – все захотели идти на выборы. Все голоса разделились, и потом, когда пришел второй тур, они не добавили своих голосов Юлии Тимошенко. Хотя, кажется,

общество хотело дать еще один шанс. Но получилось, что Янукович выиграл второй тур. А в парламенте, несмотря на то что там было еще формально демократическое большинство, я сам с удивлением смотрел на то, как все сразу же стали говорить по-русски. Хотя к началу 2010 года в большинстве своем по-украински все общались. А тут оказалось... Но какая-то часть – 30–50 голосов – автоматически перешла на сторону победителя, Януковича. И это было большое разочарование.

Но с Украиной я не потерял связей. Украина в моей дипломатической работе была вообще самым важным этапом. И сейчас, после завершения работы в МИДе, я продолжаю сотрудничать с украинскими партнерами и Украина для меня важна.

Мы все переживали, когда Янукович заключил под стражу Юлию Тимошенко, потом отказался подписывать соглашение об ассоциации. Мы старались практически до самого конца создать такие возможности, чтобы Украина могла вернуться на путь европейской интеграции. Оказалось, что давление со стороны России было сильнее. И к сожалению, получилось так, как получилось.

Вы говорите, что Украина осталась самой важной страной в вашей дипломатической работе. Вы были одним из самых популярных представителей дипломатии в Украине. Вам поступали какие-то предложения в 2014 году, чтобы занять какую-то должность в правительстве в Украине? Ко многим они поступали в Польше.

Нет-нет. Были такие идеи, чтобы где-то посоветовать кому-то что-то или в каком-то проекте поработать. Но это не в плане политики. Не в плане правительства. Не в плане руководить ведомством. Но, кстати, я бы не пошел на это. Хотя было время, когда я руководил фондом в Польше. Это был государственный правительственный фонд. Он в это время назывался польский фонд ноу-хау Wiedzieć Jak («Знать как». – *Примеч. ред.*). Сейчас это Solidarity Fund. Он сохраняет главное направление. Мы работали на поддержку, на усиление реформ, выступали за высший, более качественный уровень реформирования экономики, системы управления государством, в том числе местного самоуправления, о котором я уже несколько раз упоминал.

Вы говорите, что польский опыт должен был помочь Украине в начале пути ее трансформации. Сейчас мы наблюдаем, что происходит в Беларуси последний год. Это протесты, недовольства, массовая эмиграция белорусских активистов. Как вы считаете, польский опыт мог быть полезен в Беларуси уже после свержения Лукашенко, после того как он уйдет из власти?

Время ушло. Мы уже не возвратимся к началу или ко второй половине 1990-х годов. Польская дружба, польское желание жить дружно со своими соседями, чтобы создавать какие-то программы поддержки, – это да. А системно... Тем более что Беларусь на порядок меньше Украины. Там другие проблемы управления экономикой и управления государством на местах. Это, конечно, не означает, что польские эксперты ничего не могут сделать. Больше десяти лет тому назад польские эксперты готовили такую программу макроэкономической помощи для Беларуси. Есть какие-то наработки, есть эксперты, которые не сильно идеологизированы, те, кто выступает не только за перемены, за демократические или политические изменения в Беларуси. У нас есть желание и опыт помочь Беларуси перестроиться.

В девяностые польский опыт мог бы быть полезен и для Украины, и для Беларуси, и для России. Но это время прошло. Не так давно я имел возможность переговорить с бывшим премьер-министром Украины господином Кинахом, который практически с первой половины 1990-х годов был в экономической политике. Я спрашивал его, почему они не взяли польский пример. Оказывается, были два источника реформирования. Первый – это ученые. Не хочу никого обидеть, но это были ученые университетские. Типа Гайдара. Он имел опыт и достижения даже, хорошо понимал, как работает советская экономика. Но, к сожалению, люди типа Гайдара, и украинские гайдары, и белорусские гайдары – все эти экономисты теоретически подходили к вопросу реформирования. Мне кажется, что у нас все-таки, чтобы ни говорили про Бальцеровича, его команда была ближе к реальной экономике и занималась не только внедрением рыночных механизмов, но и реформированием конкретных отраслей экономики. Поэтому я могу только сожалеть, что Украина, Беларусь и Россия в какой-то мере не воспользовались польским опытом.

Сейчас Польша как сосед, который хочет быть активным по отношению к Беларуси, вместе с Литвой и Латвией мы стараемся

что-то сделать, чтобы улучшить отношения и ситуацию. Поэтому на нас, на нашу помощь и белорусская оппозиция, и белорусское общество могут рассчитывать. Пока по инициативе польского правительства для Беларуси создается программа поддержки Европейским союзом. Она заработает, но только тогда, когда режим поймет ситуацию, пойдет на реформы, на уступки.

Так называемый план Маршалла для Беларуси в случае каких-то демократических преобразований. В нескольких докладах и статьях вы пишете, что Польша будет председательствовать в ЕС в 2025-м, Литва – в 2027-м, и это шанс для Украины получить какое-то более конкретное или дальнейшее продвижение в интеграции в ЕС. Как вы считаете, это реально сейчас давать такую оценку? Потому что, к примеру, президент Эстонии Керсти Кальюлайд сказала в интервью «Украинской правде», что Украине нужно 20 лет идти к тому моменту, когда она сможет вступить в ЕС. А Вы как считаете?

Во-первых, я не люблю разговаривать о точных датах. Потому что это не работа дипломата. Мы должны говорить о процессах. Действительно, так складывается, что в 2025 году Польша будет председательствовать в Совете Европейского союза, а через два года после нас – Литва. Мы хотели бы, чтобы в этом промежутке времени что-то случилось.

Но еще раньше Польша будет председательствовать в ОБСЕ. Там, правда, я вижу, что Россия уже готовится, чтобы практически отстранить ОБСЕ от реального влияния на ситуацию на линии разграничения и государственной границе с Украиной. Наша задача (я видел относительно амбициозный план нашего председательствования в ОБСЕ) состоит в том, что мы будем стараться сдвинуть процессы с мертвой точки.

Что касается Европейского союза. Не так давно для Центра Разумкова я написал статью¹ о том, что основное – это как Украина справится с реализацией программы ассоциации. Правда, во многих вопросах Украина немного опаздывает в реализации программы ассоциации. Те вопросы, которые должны быть решены, не решаются. Возможно, в этом есть вина и Европейского союза.

¹ См.: *Європейський шлях України: погляд іноземних експертів*, «Національна безпека і оборона» 2020, № 1–2, с. 79.

Но, просматривая материалы в «Европейской правде», где разные авторы время от времени анализируют выполнение условий, становится понятно, что в 2024 году практически должны быть выполнены задачи, связанные с ассоциацией, что вряд ли случится. Поэтому, чтобы говорить о точных датах, нужно выполнить агенду (повестку дня) ассоциации. Что касается даты, нам хотелось бы, чтобы где-то в 2025–2027 году Украину перевели из статуса ассоциации в статус кандидата в члены Европейского союза. Я бы не сказал, что это нереально.

Но кандидатом можно быть вечно, как Турция. А если страна уже будет кандидатом, станет кандидатом, к примеру в 2025 или 2027 году, тогда давайте подумаем о пути Польши. Польша статус кандидата приобрела в 1996 году. В 2004 получила членство. Значит, надо добавить к 2027 году еще восемь лет, 2035-й получается. Это самая близкая дата, но при условии, что вся повестка дня, связанная с реформированием прежде всего экономики, сохранится. Были такие расширения в прошлом, где страны не были готовы. Но, например, польская экономика коренным образом поменялась еще до интеграции. А в Украине есть серьезные проблемы с сельскохозяйственным рынком. Я имею в виду даже не столько рынок сельхозпродуктов, сколько рынок земли. Оказалось, не так просто найти подходы, которые устраивали бы и украинский народ, и украинских политиков. Это только один из примеров. Безвиз для украинских товаров не должен так долго тянуться. Я имею в виду систему сертификации. Понимаю, что на это есть свои причины. Не хочу никого критиковать. Я думаю, что процесс идет в правильном направлении. Но раньше 2035 года присоединения, если возвращаемся к датам точным, я бы не ожидал.

Как вы считаете, в чем плюсы для Польши от членства Украины в ЕС?

Во-первых, я бы сказал, что для Польши такая страна, как Украина, очень нужна в составе Европейского союза. Мы уже много работаем, инвестируем, строим. Или как быстро входить в новые варианты интеграции, валютный союз к примеру. Мы хотели бы немного подождать, посмотреть, как это все развивается. Мне кажется, что присутствие в Европейском союзе другой такой страны, которой масштабы не позволяли бы присоединиться ко всему сразу и все решить за один раз, очень показательно.

Во-вторых, Польша и Украина – важные экономические партнеры друг для друга. В этом году оказалось, что Польша находится на втором или третьем месте среди внешнеэкономических партнеров. Как мне кажется, это второй рынок для украинского экспорта в мире. И это все развивается. Экономические связи работают на сближение наших экономик. Даже там, где мы можем быть конкурентами, скажем в сельском хозяйстве, это не так страшно, потому что тоже есть возможность кооперации между Польшей и Украиной. Хотя действительно польские аграрии очень сильно переживают, что, если мы откроем полностью рынок для украинских продуктов, то производителям сельхозпродукции в Польше будет плохо.

Но на самом деле это так не работает. Мы тоже думали, когда вступали в Европейский союз, что никогда не победим французского производителя или итальянского, который получает, кстати, больше субсидий и дотаций до сих пор от Европейского союза, и что мы никогда не сможем овладеть этими рынками. Наоборот, французская и итальянская продукция будут продолжать доминировать. Кстати, в Польше сейчас есть и французская, и итальянская продукция. Но польское сельское хозяйство вышло на интеграцию очень даже хорошо. Хотя, конечно, есть свои нюансы. Я думаю, нечто похожее может быть и в отношениях аграрного сектора Польши и Украины. Мы сможем компенсировать что-то друг другу, что-то совместно делать или подстраиваться к требованиям друг друга.

Давайте перейдем к обсуждению польской восточной политики. Расскажите нашим слушателям, в чем она заключается. И вообще, зачем Польше восточная политика?

Восточная политика – это восточноевропейская политика, чтобы было лучше понятно. Хотя в Украине некоторые считают, что Польша является Восточной Европой. Мы же считаем себя Центральной Европой. Кроме того, большинство наших экспертов уверено, что страны Центральной Европы (Польшу, Венгрию, Словакию, Чехию, балтийские страны) со странами Восточной Европы, с так называемым постсоветским пространством (с Беларусью, Украиной, Молдовой, Грузией) можно рассматривать как одно целое. Конечно, страны Евросоюза живут немного в другой реальности. Но если мы говорим сугубо о политических проблемах или вопросах безопасности, то во многом вызовы, перед которыми мы

стоим в Центральной Европе, схожи. Так что восточная политика – это политика контактов с нашими восточными соседями из бывшего Советского Союза. Мы хотели бы, чтобы эти страны интегрировались в те структуры, в которых мы уже есть. В этом заключается смысл нашей восточной политики. Многие мы уже сделали раньше. У нас есть межгосударственные договоры о дружбе, границах и сотрудничестве. Так что сейчас мы наполняем все это содержанием. Я где-то писал, что наше сотрудничество с Украиной, Грузией и Молдовой – это сотрудничество для модернизации. Потому что для этих стран смысл также в том, чтобы посмотреть, что в Польше получилось, что не получилось.

Российская Федерация тоже наш партнер, хотя не очень дружественный. Но вместе с тем она влияет на ситуацию практически во всех других странах региона. И с этим российским фактором мы должны считаться. Потому что все наши надежды, что для России, может быть, важнее будет поддерживать хорошие связи с Западом, нежели возродить империю, оказались тщетными. Россия очень враждебно воспринимает присутствие поляков в странах бывшего Советского Союза. Это само по себе очень плохо, потому что у нас нет намерений вредить сотрудничеству этих стран с Россией. И эти контакты, связанные с восточной политикой, состоят в том, что мы считаемся и уважаем субъектность каждой страны. Мы не считаем, что это должна быть чья-то зона влияния. Но в национальных интересах, скажем, и Украины, и Молдовы, и Грузии – прозападный выбор, потому что это гарантирует их безопасность и самостоятельность.

Вы работали дипломатом, послом, сейчас являетесь преподавателем дипломатического курса, который организовывает Центр исследований Восточной Европы Варшавского университета. У вас есть возможность общаться с молодежью из разных стран широко понимаемого постсоветского пространства. Расскажите, чем отличаются выходцы из Беларуси, Украины, России от польской молодежи.

Да, есть разница, хотя со временем она становится все меньше и меньше, потому что мы все живем в мире, где существует интернет, где есть социальные сети. И молодежь из Украины и Беларуси тоже работает в этом пространстве. Так что во многом мы близки друг другу. Вы знаете, что многие люди (из Украины особенно, из Беларуси тоже) приезжают работать в Польшу или

учиться в польских вузах. Это тоже сближает молодежь. Я смотрю и не вижу особых отличий, разногласий или проблем на этой почве. Я помню, когда в 1992 году поехал на восток как журналист и помню тогдашнюю молодежь. В это время от моей редакции был проект для студентов, и мы работали с молодежью. Мне казалось, что тогда нас, хотя мы были все выходцами из коммунистического лагеря, разъединяло или отличало друг от друга гораздо больше, чем сегодня. Это было 30 лет тому назад. Тогда казалось, что мы были в одной системе, но мы практически не знали друг друга. Сейчас все же намного лучше.

Вы имеете в виду, что тогда украинская молодежь еще не готова была да судить ту коммунистическую власть?

Речь не совсем о политике. Они не знали, скажем, той музыки, которую мы слушали. Они не одевались так, как мы. Прически у женщин были такие постсоветские, скажем.

Начёсы?

Да. Праздники, которые у нас в Польше являются частью семейного обычая, например Рождество... А в начале 1990-х годов я помню, что это все было странно. Многим моим друзьям это казалось непонятным. Почему так? Эти воспоминания, может быть, где-то там, в селе в Западной Украине, еще остались. Но я бывал в Киеве, на востоке, там вообще это все казалось непонятным. Мы были из другой культуры, как из других миров. Сейчас же мне кажется, что мы из одного мира.

И перейдем к завершающей части. Посоветуйте три книги студентам, интересующимся этим регионом, которые в будущем хотели бы оказаться здесь на дипломатической службе.

Дипломатия... Я ведь не дипломат по образованию. У меня когда-то спрашивали, можно ли сравнивать работу дипломата и журналиста. Я сказал, что есть много общего. Потому что ты разговариваешь с людьми. И журналист это тоже должен делать. Ты потом записываешь свои впечатления. И журналист должен записать свое интервью, а позже идет этап обработки, редактирования. Ты тоже стараешься через свои тексты, через свою работу как-то влиять на то, чтобы все шло к лучшему, чтобы плохие люди были осуждены, а хороших людей узнавал мир.

Я уважаю молодых людей, которые стараются работать на этой службе, потому что это важная работа. Хотя некоторые думают, что ты только ходишь на приемы и болтаешь бог знает о чем.

Хотя мы и говорили о многих вопросах, главной темой разговора была польская восточная политика. Потому я бы хотел порекомендовать, во-первых, книгу Павла Ковалья. Пока она доступна только на польском языке, но я ожидаю, что будет скоро перевод и на украинский язык, может быть, и на русский. Коваль – наш известный политик, а еще профессор в Институте политических исследований Польской академии наук. Он написал серьезную объемную книгу «Завещание Прометея»². О том, как в Польше в 1980–1990-х годах думали о политике, об отношениях с нашими восточными соседями, с Россией, Украиной, Беларусью и Литвой. Книга представляет разные точки зрения, перспективы, как они тогда представлялись. В ней очень много документов, дискуссий и даже неожиданных выводов.

В Лодзинском университете, кстати, моем родном, была издана книга Марцина Френкеля «Восточная политика министра Радослава Сикорского»³. Эта книга уже типично научная, в ней анализируются вопросы, связанные со временем, когда Радослав Сикорский был министром, – с 2007 по 2014 год, и потом стал спикером Сейма. Это очень интересная эпоха: выборы Януковича, неудачная попытка построить новые отношения с Россией, Революция Достоинства в Украине, это попытка повлиять на поведение белорусского лидера. Сикорский – очень интересная личность, хотя и не всегда и во всем с ним надо соглашаться. И хотя он сам был человеком, который раньше не так много занимался востоком Европы, но он действительно повлиял на восточную политику Европейского союза. «Восточное партнерство» – это его проект, можно сказать, и шведского министра Карла Бильдта. И в отношении двусторонних политических отношений (имею в виду отношения Польши с Украиной, Литвой и Беларусью) в книге много интересного.

Я нашел книгу ученой из Кракова Агнешки Лятосинской «Украина в международной политике Польши с 2004 по 2014 годы»⁴. Она

² Paweł Kowal, *Testament Prometeusza. Źródła polityki wschodniej III Rzeczypospolitej*, Warszawa–Wojnowice 2018.

³ Marcin Frenkiel, *Polityka wschodnia ministra spraw zagranicznych Radosława Sikorskiego – kontynuacja czy odejście od koncepcji paryskiej „Kultury”* [w:] *Polityka zagraniczna Polski. 25 lat doświadczeń* (pod redakcją Michała Stelmacha, Karola Żakowskiego i Małgorzaty Pietrasiak), Łódź 2016.

⁴ Agnieszka Latosińska, *Ukraina w polityce zagranicznej Polski (2004–2014)* [w:] *Polityka zagraniczna Polski...*

рассматривает период от Оранжевой революции, эпохи президентства Виктора Ющенко и потом до Януковича.

Эти три книги надо хотя бы пролистать, чтобы узнать, как думают поляки и что думают критики нашей политики о том, что, как им кажется, мы делали неправильно. У нас были и есть свои недостатки. И в конечном счете политику делают люди, и мы тоже грешные.

Людвика Влодек: «Запад не заинтересован странами Центральной Азии. Ему точно не хватает решимости бороться за какие-либо демократические перемены»

Гость шестого эпизода подкаста Центра исследований Восточной Европы Варшавского университета – доктор Людвика Влодек, руководитель специализации «Центральная Азия» Центра исследований Восточной Европы Варшавского университета, публицист, социолог, журналистка, путешественница, автор книг «Пра: о семье Ивашкевичей»¹, «Худшие дети республики: об алжирцах во Франции»², «Достаточно пересечь реку»³, «Четыре знамени, один адрес: истории со Спиша»⁴.

Вы правнучка Ярослава Ивашкевича. Ваш прадед – известный польский писатель. Его книги есть в домах многих украинцев и россиян, граждан СССР и государств, которые появились после его распада. Расскажите, как в вашей семье в период Польской Народной Республики

¹ Ludwika Włodek, *Pra: o rodzinie Iwaszkiewiczów*, Wydawnictwo Literackie, Kraków 2012.

² *Eadem*, *Gorsze dzieci Republiki: o Algierczykach we Francji*, Wydawnictwo Czarne, Wołowiec 2020.

³ *Eadem*, *Wystarczy przejść przez rzekę*, Wydawnictwo Literackie, Kraków 2014.

⁴ *Eadem*, *Cztery sztandary, jeden adres: historie ze Spisza*, Wydawnictwo Literackie, Kraków 2017.

относились к странам широко понимаемой Восточной Европы, в частности к России и Украине?

Надо сказать, что, во-первых, мой прадедушка родился в Украине, тогда, конечно, это была еще не Украина, а Российская империя. Возможно, поэтому для него всегда очень важны были украинская и российская культура. Он родился в Кальнике⁵, потом учился в Елизаветграде⁶, а после в Киеве. Я не знаю, возможно, все это стало причиной того, что свои первые стихи он написал по-русски и, если бы все пошло по-другому, он мог бы стать российским поэтом, а не польским. Он очень хорошо говорил по-русски, знал украинский. Конечно, это был не литературный украинский, а разговорный язык, на котором общались там, где он родился. Мой прадедушка очень много путешествовал по бывшему Советскому Союзу. Конечно, отчасти это было связано с хорошими отношениями с польским коммунистическим правительством. Но все же, я не думаю, что он много ездил только потому, что был коммунистом, который верил в советскую идеологию. Он просто считал, что Советский Союз – это преемник Российской империи. При этом он не был российским империалистом. Просто ему была интересна эта культура, люди, которые там жили. Мой прадедушка в детстве и юности обожал и поэтов, и писателей этого культурного круга. Например, Блока и, конечно же, Пушкина. У него были приятели среди украинских писателей, например Микола Бажан⁷ и многие другие. Мне бабушка рассказывала, что даже после войны, в 1950–1960-х годах, когда он ездил в Киев и выступал в университете, он начинал свою речь по-украински. Всем это, конечно, нравилось. Так что я думаю, он действительно верил, что и Россия, и Украина, и в общем все славянские страны бывшего Советского Союза как наследника Российской империи являются частью европейской культуры. Верил в то, что Европу нельзя понять без Чехова и Гоголя, и всех тех писателей, которых мы читали еще в школе.

Книги моего прадедушки были переведены на русский язык, относительно украинского не уверена, но, думаю, тоже. Когда несколько лет тому назад я писала книгу о своей семье, я поехала

⁵ Кальник – село на территории современной Украины в Ильинецком районе Винницкой области.

⁶ Елизаветград – название города в Российской империи до 1924 г., современное название – Кропивницкий, административный центр Кировоградской области Украины.

⁷ Микола Бажан (1904–1983) – украинский советский поэт, переводчик, публицист, культуролог, энциклопедист и общественный деятель.

в Кальник и очень долго искала кладбище, на котором был похоронен мой прапрадедушка, отец моего прадедушки. В общем, никто не знал и не мог сказать, где это находится. В конце концов на православном кладбище я встретила человека, не знаю, кем он был, и спросила, знает ли он польского писателя Ярослава Ивашкевича. Как вдруг он сказал: «Я знаю „Красные щиты”!⁸ Я читал его книгу, и она мне понравилась». Он помог мне, объяснив, как найти могилы.

Я надеюсь, что книги Ивашкевича еще будут переводить и на русский, и на украинский язык. Есть две очень хорошие книги: «Ярослав Ивашкевич и российская литература»⁹ Евгениуша Соболя и «Ивашкевич и Украина», написанная Робертом Папески¹⁰, сотрудником музея имени Анны и Ярослава Ивашкевичей в Стависко, недалеко от Варшавы.

Возвратимся в прошлое, в межвоенный период. Можно ли сказать, что тогда польскую культуру и культуру в Польше формировали люди, для которых одним из родных языков был русский или немецкий либо идиш?

Это все зависит от того, как мы понимаем родной язык. Конечно, Ивашкевич родился в польской семье, и у него дома говорили по-польски, но он учился на русском языке, а в той среде, где он вырос, дети, с которыми он играл, говорили по-украински, да и все общались на украинском языке. Конечно, Польша того времени была очень разнообразной. Были и евреи, для которых родным языком был идиш; и люди, которые жили тогда в городах, где было очень много немцев; и люди, которые выросли во времена Российской империи. Так что в этом смысле вы правы.

А если говорить о современной Польше, какой язык можно назвать вторым родным для поляков?

Никакой.

⁸ Роман Ярослава Ивашкевича, действие которого разворачивается в средние века. Основан на исторических событиях.

⁹ Eugeniusz Sobol, *Jarosław Iwaszkiewicz i literatura rosyjska*, Wydawnictwo Adam Marszałek, Toruń 2014.

¹⁰ *Jarosław Iwaszkiewicz i Ukraina*, pod red. Roberta Papieskiego, Muzeum im. Anny i Jarosława Iwaszkiewiczów w Stawisku, Podkowa Leśna 2011.

Как это отображается на культуре в таком случае?

Я думаю, что сейчас, если поляки и говорят на каком-то втором языке, то на английском в офисе. Вообще это очень страшно, что мы как страна, в которой уже я выросла, так выглядим. Конечно, были люди из национальных меньшинств, но об это не говорилось, а если и вспоминали, то очень редко. Мы выросли, думая, что наша страна почти на сто процентов состоит из поляков, хотя были те, у кого были семьи в других странах, но они про это забыли. Даже сейчас можно сказать, что некоторые поляки, когда они ездят, к примеру, даже не в Киев, а во Львов или в Гродно, воспринимают это как поездки в бывшую Польшу, как будто там вообще никакой другой страны не было; не замечая, что там живут другие люди, что там другая культура и язык. Конечно, они как-то взаимосвязаны с польской культурой, потому что все перемешалось, но в любом случае поляки такие очень я бы сказала... не знаю, есть по-русски такое слово «польскоцентричные». Это не только мы виноваты, это не мы сами создали такую Польшу без меньшинств. Много зависело от истории, от всего, что произошло во время и после Второй мировой войны. Так вышло.

Вы упомянули, что книги вашего прадеда издавались очень большими тиражами. К примеру, в Библиотеке всемирной литературы тираж «Хвала и слава» Ивашкевича 1973 года издания составлял 303 тысячи экземпляров, восьмитомник 1980 года вышел тиражом 50 тысяч экземпляров. В чем причины такого количества?

Знаете, это такие были времена. Сейчас даже российские или украинские писатели не издаются, я думаю, такими тиражами. Просто тогда люди много читали и даже заставляли себя читать, это было модно, а сейчас уже не так. Это одна из причин. Другая, по моему мнению, в том, что, даже если бы сейчас Ивашкевича перевели и издали в одной из этих стран на востоке от Польши, он тоже был бы очень популярен. Ведь то, как он пишет и что он пишет, – это нечто очень универсальное. Там есть, конечно, история, связанная с какими-то конкретными людьми, но главные темы – это любовь, страсть, тоска, а люди во всем мире понимают, что это такое. Я думаю, его творчество имеет и будет иметь свое место в Украине и России всегда. Интеллигенты и в России, и в Украине хорошо его понимают и воспринимают.

Запись подкаста с Людвикой Влодек.
Студия Радио Кампус, 26 октября 2021 года

Вы использовали очень хорошее слово, потому что именно универсальные темы были затронуты. А теперь давайте обсудим уже непосредственно вашу деятельность. Вы очень много путешествовали. Это касается не только Средней Азии, которой мы сегодня уделим большее внимание, но и в принципе Центральной и Восточной Европы, и думаю, еще множества стран. Трудно ли вам было преодолеть такое, может, снисходительное отношение к странам широко понимаемой Восточной Европы, России, Украины? Например, в одной из ваших книг написано: «В начале мне всегда казалось, что я хитрее местных. Они что-то там себе говорят, но то, что вытекает из их рассказов лишено смысла, достаточно лишь немного европейской выдержки и хорошей логики, чтобы преодолеть все трудности. Потом неоднократно оказывалось, что все-таки местные правы». Скажите, сколько нужно путешествовать и прочесть, чтобы лишиться такого, можно сказать, предвзятого отношения?

Во-первых, все едут с таким настроением, что мы поляки и представители западной культуры едем на Восток, там все по-другому, это очень экзотично. Мы знаем, что такие настроения присутствуют почти во всех рассказах про Восточную Европу. Я сама была жертвой этого настроения, как говорил Эдвард Саид¹¹: «Ориентализм – это такой подход, в котором нужно показать разницу, нужно показать, что мы являемся частью Запада». То есть мы такие хорошо образованные и рациональные, мы всегда все делаем вовремя. А вот местные, они другие: всегда опаздывают, у них вообще время течет так, что они не обращают на него внимания. Все это такой сказочный мир, не очень развитый. Это, конечно, бред. Все не так. Такие люди есть и в Польше, и в России, и в Украине, почти везде.

Различия есть, но не всегда. Почему, допустим, польские репортеры, когда едут в страны бывшего Союза, в основном общаются с бомжами и алкоголиками? Идут по улице, кого встретят в два часа ночи, с тем и говорят. Почему они не идут к профессорам, к интеллигенции? Почему не общаются с людьми из своего круга

¹¹ Эдвард Вади Саид (1935–2003) – американский интеллектуал арабского происхождения. Литературовед, историк литературы, литературный и музыкальный критик, пианист. Теоретик культуры, автор знаменитой книги «Ориентализм», жестко критикующий западные воззрения на Восток и обвиняющий западную науку в духовной поддержке и оправдании колониализма.

в странах, по которым путешествуют? Например, Томаш Грживачевски¹² написал книгу о Бурятии. Точнее, он написал книгу, в которой описал свое путешествие по той же дороге, что прошли поляки, сбежавшие из сибирского лагеря. Он решил повторить этот путь и поехал через всю Бурятию. (В 2010 году Томаш Грживачевски и двое его коллег отправились в шестимесячное путешествие по стопам героев знаменитой книги Славомира Равича «Долгий марш», в которой описан дерзкий побег из сибирского трудового лагеря. – *Примеч. ред.*) Автор только показывает, что почти все вокруг – алкоголики, дома очень бедные, а все деньги идут на водку. Конечно, можно и такую Бурятию показать людям, но там тоже есть и университеты, и интеллигенция, и очень древняя буддийская культура, которая корнями уходит в Тибет, и есть история борьбы бурятов с Россией за независимость или за автономию. Это все очень интересно, но об этом не узнаешь, если ты общаешься только с людьми, которых встречаешь по деревням. Если бы кто-то так о Польше написал, то тоже можно было бы увидеть совсем другую Польшу, чем та, какой мы ее знаем.

Как вы считаете, взгляд европейца и обычного россиянина на Среднюю Азию похожи?

Конечно, россияне больше знают, ведь они там живут. Такого понятия, как взгляд обычного поляка на Среднюю Азию, вообще не существует, как мне кажется. И конечно, во взглядах и поляков, и россиян очень много стереотипов и того же ориентализма. Мы ориентализируем русских, а русские ориентализируют узбеков, таджиков, казахов, киргизов.

Каждому человеку кажется, что именно он такой хороший и более развитый, более западный. А вот те, кто на востоке от нас, они условно еще в XIX веке живут. Это очень грустно, потому что, имея такое мировоззрение, никогда не поймешь людей, если с самого начала ты считаешь себя лучше всех. Разница между странами, конечно, существует, у каждого есть свои проблемы. Я, например, не люблю, когда, говоря о Средней Азии, вспоминают об очень короткой истории национализма в этих странах. Безусловно, все знают, что все современные страны Средней Азии появились и были созданы после распада Советского Союза в 1991 году. И все

¹² Tomasz Grzywaczewski, *Przez dziki Wschód: 8000 km śladami słynnej ucieczki z gułagu*, Wydawnictwo Literackie, Kraków 2012.

говорят: «Ой, там вообще нет никакой исторической памяти, эти страны новосозданные».

Но все страны в Европе появились 300 лет тому назад. До этого они не существовали в таком виде, как сейчас, кроме Франции и Англии, которые изначально создавались как национальные государства, а все остальные образовывались с XIX века. В Средней Азии идет большая дискуссия, как правильно говорить – в Средней или в Центральной Азии. Нации не существовали тысячу лет тому назад, но там были свои государства, хотя и не национальные, и смешно это отрицать.

Стоит отметить, что в 2015 году, когда начиналась война в Украине, казахи очень боялись, ведь у них на севере страны живет много русских. Назарбаев¹³ и другие казахские лидеры были очень осторожны, потому что они знали, что сегодня Украина, а кто знает, возможно, завтра – Казахстан. В то время, когда Путин был на Селигере, он пошутил, сказав: «Наш Назарбаев такой молодец, создал страну за 20 лет, а до этого там вообще никакого государства не было». И конечно, все казахи были возмущены, они начали вспоминать и Белую Орду, и Золотую Орду¹⁴. Казахи начали говорить: «Уважаемый господин Путин, в те времена Россия была подчинена нашему государству». Дело в том, что Назарбаев тоже играл на этом, еще раньше Путина. О Казахстане также говорил Жириновский¹⁵, который сам родом из этой страны. В тот момент казахи очень сильно критиковали Жириновского. После казахская интеллигенция и оппозиция слышали, что Назарбаев то же самое говорит, что якобы он создал эту нацию и это государство. Но это не так. Он вышел из советской номенклатуры и еще в 1980-х годах думал, что никакой независимости не будет и стоит идти вслед за Советским Союзом, а потом вдруг он стал национальным лидером. Все это сложно, нужно просто понимать, что Центральная Азия, или Средняя Азия, не является какой-то особенной частью мира, где все по-другому происходит – всё так же, как у нас.

¹³ Назарбаев Нурсултан Абишевич – советский и казахстанский государственный и политический деятель. Председатель Совета безопасности Казахстана, член Конституционного совета Казахстана с 19 марта 2019 года. Первый президент Республики Казахстан с 24 апреля 1990 по 20 марта 2019 года.

¹⁴ Золотая Орда, или Улус Джучи – средневековое многонациональное государство на землях центральной Евразии, созданное на основе тюркского этноса. Белая Орда – западная часть Золотой Орды.

¹⁵ Владимир Жириновский – российский политический деятель, председатель Либерально-демократической партии России.

Конечно, существует разница, но есть и процессы, которые проходят также.

О Казахстане и Кыргызстане польские дипломаты зачастую говорят в контексте экономического сотрудничества, развития, но когда, к примеру, упоминают об Украине или о Беларуси, на первое место выходят преобразования, трансформации, реформы, которые Польша прошла в 1990-х годах. Расскажите, почему такое деление? Почему в одном случае на первое место выходит экономика, а в другом – реформы, поддержка демократии в стране?

Просто они не заинтересованы в поддержке демократических процессов. Я думаю, это зря, так как нужно понимать, что экономика никогда не будет хорошо развита, если не будет диктатуры закона, если не будет ответственности государства перед народом. Инвестиции в такой стране тоже не будут успешными, потому что, к примеру, покупаешь предприятие или что-либо другое, и вдруг приходят люди, представители государства, и говорят: «А сейчас давай поделимся, половину ты нам отдашь», – а так и бывает. Это не потому, что там такой менталитет, я вообще в менталитет не верю. Там просто нет процедур, нет демократической системы.

Мне очень не нравится, что польские и российские, и даже западные исследователи говорят: эти страны не готовы к демократии, а поэтому вообще не будем обращать внимания на то, что там у них происходит, и будем только торговать с ними. Что такое демократия? Это значит, что не воруют, что, когда ты работаешь, с тобой обращаются по-человечески, достойно. Не только англичане, немцы, поляки, но и киргизы, таджики – все хотят, чтобы власть была честной и порядочной. Не нужно поддерживать власть только потому, что мы считаем, что они будут нам продавать подешевле нефть или газ. Я бы сказала, такая политика не оправдывает себя в долгосрочной перспективе.

В одном неправительственном докладе¹⁶ сказано, что Казахстан занимает 80% от общего оборота Польши со странами Центральной Азии. Какова стратегия Польши в отношении этого региона? Кроме того, было сказано, что Польша отказалась вести собственную политику в этом регионе, а некоторые дипломатические представительства

¹⁶ *Polityka wschodnia Polski, Konferencja Ambasadorów RP, Warszawa 2019.*

были ликвидированы. С чем это связано и изменится ли ситуация в дальнейшем, как вы считаете?

Я думаю, мы просто не задумываемся, что это может быть полезно для нас. Я считаю, что, поскольку Польша является частью Европейского союза, правильным решением было бы вести политику совместно с Евросоюзом, потому что это намного эффективнее, чем в одиночку. По моему мнению, Европейский союз как-то забросил Центральную Азию. Были некоторые попытки, но европейцев интересовали в основном нефть и газ, а сейчас еще политика безопасности. Это, конечно, связано и с Афганистаном, и с тем, что происходит на границе (Беларуси с ЕС. – *Примеч. ред.*). На такие моменты нужно обращать внимание, а не только на развитие экономики, ведь всё взаимосвязано. Если государство, например, к своим гражданам относится так, что людей сажают в тюрьму без справедливых поводов, пытаются, отнимают частную собственность, точно так же эта страна будет вести себя и с западными инвесторами. Именно потому на это нужно обращать внимание.

Как вы считаете, у ЕС есть шанс конкурировать с Россией за влияние в этом регионе?

Конечно, есть. Это же экономика, а в Европе она намного больше российской. Даже если посмотреть, сколько Казахстан покупает у Европейского союза, а мог бы еще больше, если бы были созданы для этого условия, пути по которым можно сотрудничать и делать бизнес. Но это не дело одного дня. Над этим нужно много работать. Я думаю, что Европа как-то бросила это дело, это не только Польша, но и другие страны.

Хорошо, с Россией Европа может конкурировать, а с Китаем?

Это, конечно, сложнее, потому что у Китая очень много денег и тоже большие интересы в регионе. Китай думает на длительную перспективу. Так что сейчас, возможно, мы будем только вкладывать деньги, но, допустим, через лет пятьдесят это принесет свои плоды. Нам тоже стоит смотреть на это иначе. Стоит попробовать, ведь Китай для них опасная страна. Они же знают, насколько он мощный и большой, а культурно, через Россию, азиатские страны очень близки к европейской культуре, и у них тоже есть большая предрасположенность ко всему этому, опять-таки благодаря России и Советскому Союзу. Это можно как-то использовать и нужно.

Вы сейчас упомянули и говорили об этом в 2016 году об отношении ЕС к Средней Азии: «Запад не заинтересован странами Центральной Азии. Ему точно не хватает решимости бороться за какие-либо демократические перемены». С того времени вы заметили какие-то изменения?

Нет, всё так и осталось.

А если говорить не об экономическом сотрудничестве, а о демократических переменах, почему мы не видим, чтобы Евросоюз вводил какие-либо санкции против диктаторских режимов этих стран, в особенности против Туркменистана?

Я думаю, что у них мышление построено на попытках договориться насчет нефти и газа, безопасности, особенно сейчас, когда в Афганистане движение «Талибан»¹⁷ пришло к власти. По моему мнению, дипломаты боятся, что, если будут слишком сильно давить на эту тему, связанную с демократическими реформами, их интересы пострадают, потому что верх одержит Китай. Ведь он ничего не хочет, он вообще не заинтересован во внешней политике. И тогда мы проиграем. Но мне такой подход не нравится, потому что в Европе созданы институты, которые должны этим заниматься. Например, ОБСЕ, но они только делают вид, что работают, а на самом деле ничего не меняется. Конечно, они принимают некоторых оппозиционеров, а офис в Варшаве организывает конференции. Но на этом всё.

Означает ли это, что после российской колонизации, советской модернизации придет Китай и китайская истернизация? Казахстан тоже будет подвержен этим процессам или он уже в них вовлечен?

Эти процессы уже имеют место, а чем позже мы начнем, тем сложнее будет существовать в этом регионе. Я считаю, что с ними точно стоит сотрудничать. Я не знаю, как часто вы берете Uber в Варшаве, но мне каждый второй раз попадается водитель или узбек, или таджик, или киргиз. Это значит, что трудовые мигранты, которые

¹⁷ «Талибан» – исламистское радикальное религиозно-политическое военизированное движение, запрещенное во многих странах мира, зародившееся в Афганистане в 1994 году. Правило Афганистаном с 1996 по 2001 год, вернулось к власти в 2021 году.

раньше ездили в Россию, теперь едут в Польшу. Так что эти страны ближе, чем нам кажется. Это всё не так далеко и не такая экзотика, как некоторые хотели бы думать.

Давайте обсудим Кыргызстан. В 2012 году вы писали эссе о Розе Отунбаевой (киргизский политик, первая женщина-президент в Средней Азии) и брали у нее интервью. В вашем тексте легко прочувствовать, что вы искренне восхищались ею. Существуют ли еще какие-то женщины-политики, не только в Средней Азии, а может быть, в Центральной и Восточной Европе, которыми вы бы так же восхищались?

Знаете, для меня самые большие герои – это правозащитники, и я ими восхищаюсь. Если речь идет о Средней Азии, то там есть несколько женщин, которые этим занимаются. Например, Умида Ахмедова. Она фотограф, живет в Узбекистане и правозащитной деятельностью непосредственно не занимается, но она очень много сотрудничает с разными организациями. Она им очень помогает. Например, когда узбекский правозащитник Уктам Пардаев был арестован, она его очень сильно поддержала. Я думаю, такие люди, такие женщины показывают, что стоит не бояться. Конечно, государство в этих странах обладает колоссальной властью, оно может сделать с человеком в принципе всё, что хочет, но те, кто достаточно силен, чтобы высказаться или просто показать, что не боится, могут выиграть эту борьбу. Это борьба в сфере идей, в сфере ценностей. Например, есть еще одна узбекская правозащитница – Надежда Атаева, она живет во Франции. У нее есть организация по правам человека, которая собирает данные со всего региона, делая прекрасную работу. Она собирает данные о пытках и свободе слова, о политических заключенных. Таких женщин много, и мне кажется, что они даже важнее политиков. Там вообще очень сложно политикой заниматься, но есть общественные деятели, которые показывают, что даже в таких странах можно что-то сделать, если человек хочет и ему хватает храбрости и достоинства.

Польша как-то помогает женщинам в Средней Азии?

Еще несколько лет тому назад существовало много программ. Этим занимался Фонд солидарности при польском Министерстве иностранных дел. У нас были проекты микрофинансирования и многие другие для Средней Азии. Помощь оказывали также различные польские НГО, которые работали и в Таджикистане,

и в Узбекистане, и в Кыргызстане. Сейчас, я думаю, они тоже есть, но их меньше. В настоящее время интересы Польши сосредоточились на Молдове и Украине – там, где когда-то были сильные связи с Польшей, а Центральная Азия слишком заброшена, к сожалению. Мне кажется, что даже маленький проект, если он реализуется только в одном селе: например, построить что-нибудь, или помочь создать местную газету, или помочь женщинам начать свой бизнес, – это уже победа. Ведь даже эти 50 или 20 человек, которым мы сможем помочь, – это уже много.

Вы говорите, что этот регион в последние годы заброшен и Польшей, и ЕС, а некоторые аналитики считают, что даже Россией. И все же Кыргызстан по всем показателям считается более демократичной страной среди всех остальных, но там все равно нет польского дипломатического представительства.

После переворота в октябре прошлого года новый президент Жапаров изменил конституцию. Она сейчас намного менее демократичная, чем была до этого времени. Несмотря на это, один известный политолог сказал, что демократия – это когда есть выборы и никто не знает, кто будет победителем. В Кыргызстане были выборы в парламент, были реальные дискуссии, существуют независимые СМИ, причем их больше, чем в других странах региона. Несмотря на это, я бы сказала, что Кыргызстан тоже идет в нехорошем направлении.

Президент Жапаров мне очень напоминает европейских популистских лидеров. Он считает себя большим другом народа, постоянно пытается показать, как хорошо он его понимает. На самом деле он очень близко связан с коррумпированной элитой, с которой, приходя к власти, обещал покончить и ничего не сделал. В общем, развитие Средней Азии и путь, по которому идут страны этого региона, не выглядят очень оптимистично. Есть, конечно, некоторые небольшие изменения, например, Узбекистан при президенте Мирзиёеве, который недавно был выбран на еще один срок. При нем страна стала более открытой, чем была при президенте Каримове, но все же Узбекистан – это не демократическое, свободное государство.

Как я уже говорила, изменения, которые произошли в Кыргызстане, тоже беспокоят. Когда я только начинала заниматься Средней Азией, меня особенно интересовал Таджикистан. В тот момент

только там существовала настоящая оппозиция, только там проходили реальные дискуссии на тему, в каком направлении страна должна двигаться дальше. Сейчас этого уже нет. Стоит отметить, что Польша старалась как-то помогать. Так, у нас были беженцы из Таджикистана, небольшая группа, но все-таки была. До сих пор Польша принимает политиков из оппозиционных партий, но, по моему мнению, эта помощь могла бы быть больше. Не стоит бояться, что если мы будем поддерживать демократические движения, то потеряем возможность делать бизнес с этими странами. Это не так.

Если бы в одной из этих стран появился Польский институт и культурный центр, вы бы хотели его возглавить?

Это очень сложный вопрос. Я вообще не вижу себя в роли дипломата или представителя каких-то официальных структур. Мне нравится то, чем я занимаюсь. Мне нравится писать и преподавать. Я делаю что хочу. Даже если я преподаю в университете, то я говорю, что думаю, например никто не проверяет мою программу. Было бы прекрасно, если бы появился такой Польский институт. Это очень важно, но я бы не хотела его возглавлять. У нас есть очень хорошие дипломаты, есть люди, знакомые с ситуацией в Средней Азии, так что работать есть кому, нужно только желание.

Чтобы вы посоветовали, какие мероприятия, проекты необходимо сделать, чтобы помочь и местному населению и в то же время продвигать польскую восточную политику?

Во-первых, я думаю, нужно работать с женщинами. Это очень важно, ведь есть замечательные женщины, культурные и общественные деятели. Конечно, стоит показывать европейскую культуру, но не коммерческую, понятно, что она существует, а больше художественную, высокую культуру. Можно сотрудничать в разных мероприятиях, можно приглашать молодежь в Польшу. Я очень жалею, что у нас хоть и есть программы для Средней Азии, очень мало студентов из этого региона, а приглашать их стоит, чтобы налаживать связи.

Вы много путешествуете и преподаете в Центре исследований Восточной Европы Варшавского университета, то есть вы много контактируете с людьми из стран Восточной Европы и Средней Азии. Заметили

ли вы существование какой-то общей постсоветской идентичности, характерной для выходцев из этих стран?

Сложно сказать, я очень не люблю пользоваться такими терминами, как например групповая идентичность. Думаю, что каждый человек сам по себе интересен. Хотя нельзя отрицать, что сейчас, спустя 30 лет после распада Советского Союза, если меня поставить в любом городе бывшего СССР, я очень быстро пойму, где нахожусь. При этом люди разные. Мне студенты, например, говорят, что им нравятся профессора в Польше, что здесь очень дружеские отношения со студентами, что они их очень уважают, тогда как в их странах не всегда так. Там зачастую система образования очень сильно коррумпирована, что, к сожалению, влияет на уровень знаний и на то, как студенты относятся к преподавателям. Там совсем другой подход к студентам, поэтому их удивляет, что у нас это по-другому выглядит. По поводу понимания мира могу сказать, что все люди разные и у каждого своя собственная идентичность и свой характер.

Мы всегда просим гостей нашего подкаста посоветовать три книги студентам. Что бы вы посоветовали для лучшего понимания этого региона студентам, которые занимаются Средней Азией и видят свое будущее именно в дипломатической работе?

Я посоветовала бы книгу, которая не касается настоящего времени. Это очень старая книга, написанная польским военным офицером Брониславом Громбчевским¹⁸. Он был простым офицером в Российской империи, участвовал в завоевании Средней Азии. Почему это интересно именно сейчас? Потому что он показывает, как еще тогда была борьба и конкуренция между Китаем и Россией. Читая его работу, можно легко понять, что Россия завоевала страны этого региона только временно, что Китай всегда был сильно заинтересован этой частью мира и в тот момент, когда он увидел мощь российских войск, решил подождать, отойти в сторону. Ведь у Китая много времени, он существует уже несколько тысяч лет и может просто подождать, а век спустя, когда Россия ослабла, у нее стало меньше денег и возможностей, все началось заново. Китай вернулся в этот регион. Разобраться, как это все

¹⁸ Bronisław Grąbczewski, *Na służbie rosyjskiej. Fragmenty wspomnień*, Gebethner i Wolff, Warszawa 1926.

происходило еще в XIX веке и в начале XX, стоит для того, чтобы лучше понимать современные события.

Мне кажется, что среди авторов, пишущих о Центральной Азии, стоит прочитать Сергея Абашина. Это российский антрополог, член Российской академии наук. Он написал несколько книг про Центральную Азию, уделяя особое внимание национализму и формированию национальностей. Мне кажется, что это очень интересный автор. Он обладает огромными знаниями и опытом, а на сам регион смотрит по-дружески, не как российские империалисты. Это научные книги, не репортажи. У автора прослеживается уважение к выходцам из Центральной Азии, в своих работах он симпатизирует узбекам, таджикам, киргизам. Он позволяет понять, как эти люди себя чувствуют после распада Советского Союза, после распада империи, как они относятся к переменам. Этого автора точно стоит читать.

Если говорить о моей книге, то она о всех странах Центральной Азии. Там есть герои из разных стран Средней Азии – я писала работу через призму судеб конкретных людей, показывая, как формировалась история этих пяти стран, как там прошла трансформация. Многие люди не считают ее успешной, потому что жить стало хуже, чем при Советском Союзе. Об этом также нужно знать, трансформация там вообще не была успешной, как например в Польше. Хотя и в Польше есть те, кто не считает это достижением. Причины были разные, некоторые группы людей выиграли от этой трансформации, а некоторые проиграли. В Средней Азии проигравших больше. Вся инфраструктура в стране рухнула, система образования, здравоохранения – все это стало на уровень ниже, чем при советской власти.

Мы не спрашивали вас о причине вашей заинтересованности этим регионом. А вы спрашиваете у своих студентов, что их мотивирует заняться изучением Средней Азии?

Да, я спрашиваю. Это очень интересно. Большинство отвечает: «Меня это заинтересовало, потому что я ничего не знаю». И очень много студентов приходят просто говоря, что они ничего не знали об этом регионе и поэтому решили его выбрать. Есть, конечно, и другие ответы, люди, у которых есть друзья либо семья жила в одной из бывших советских республик Центральной Азии. Немного есть и таких, кто путешествовал по этому региону, а любая

поездка в одну из этих стран становится причиной заинтересованности. В Центральной Азии люди замечательно принимают туристов, народ там очень гостеприимный. Так что я уверена, что, если человек там побывал хоть раз, он будет всю жизнь туда возвращаться.

И в завершение мы просим наших гостей рассказать какой-нибудь анекдот, связанный с темой его увлечения, необязательно казахский, таджикский, киргизский, узбекский, можно советский, если вы какой-то помните.

Я вам расскажу анекдот. Можно сказать, что он очень грустный, но так легче понять, что произошло в Афганистане. Мне этот анекдот рассказали мои афганские друзья. Встречаются, допустим, в Ташкенте или в Тегеране, все президенты Средней Азии и президент Афганистана. И президент Кыргызстана говорит: «Давайте в следующий раз вы ко мне приедете». В следующем году все приехали к президенту Кыргызстана. Он показывает им, какой у него замечательный дворец, красивая мебель и всё-всё есть, а объясняя, откуда у него всё это, говорит, что с каждого контракта с инвесторами он забирает 20% себе. Президенты посидели, пообщались, а на следующий год таджик всех пригласил к себе. Приехали они через год в Душанбе, тоже смотрят президентский дворец, ходят по улицам. Президент их приглашает к себе, там еще красивее, чем у киргизов: золотой кран и всё прочее, и он говорит: «Видите, как у меня красиво. А откуда всё это? Да потому что я беру 30% с каждого контракта». По прошествии года все решают ехать в Узбекистан. Там, конечно, еще красивее: дворец еще шикарнее, и оказалось, что этот президент берет 40%. Еще через год все поехали в Ашхабад. Как вы уже догадались, там вообще всё в золоте, а президент берет 50%. Остается самый последний визит в Кабул, куда все через год и приезжают. И президент Афганистана говорит: «Вот видите, у меня эти дороги». Все смотрят через окно, но ничего не видят. «Видите эти хорошие построенные дома». Все опять ничего не видят. «Видите эти больницы, школы». Никто вообще ничего не видит. «Вот видите, я беру 100% с каждого контракта». Это, конечно, очень грустный анекдот, но он показывает суть того, что происходит в регионе.

Ежи Марек Новаковски: «Структура протестов против Лукашенко и против Путина похожи друг на друга на 90%»

Гостем заключительного выпуска нашего подкаста стал Ежи Марек Новаковски, Чрезвычайный и Полномочный посол в Латвии (2009–2014) и Армении (2014–2017), председатель Евроатлантической ассоциации, глава аналитической группы «Беларусь в регионе», созданной при Центре исследований Восточной Европы.

Господин посол, что вы почувствовали, когда увидели все, что происходило в Беларуси в августе и сентябре прошлого года, когда люди массово выходили на улицы, а затем эти фотографии из застенок Окрестина?

Что я почувствовал летом и ранней осенью прошлого года? Я почувствовал, что белорусский народ проснулся. Там произошло что-то такое, как в Украине в 2004 году, когда была Оранжевая революция. Это был такой первый, грубо говоря, взрыв белорусского гражданского общества.

Раньше гражданское общество в Беларуси выиграло только один раз. Это парадокс, потому что победой белорусского гражданского

общества был выбор Александра Григорьевича Лукашенко на пост президента. Он выступал против премьера Кебича – человека, который представлял собой истеблишмент, бывшие коммунистические силы Беларуси. Лукашенко выиграл выборы на первой волне гражданского сопротивления против того, что происходило.

А теперь можно сказать, что весной и летом прошлого года пошла вторая, значительно более высокая волна, чем в 1994 году. Большинство граждан Беларуси не согласилось с фальсификацией президентских выборов, не согласилось с тем, что полная ложь была представлена средствами массовой информации, подчиненными президенту, и т. д. Грубо говоря, люди в Беларуси сказали коротко и откровенно: «Батяка уходи, Лука уходи! Лукашенко, мы не хотим жить в стране, которой вы управляете». С другой стороны, важнее этого было создание нового типа гражданского общества. Это были люди, которые уже не помнили в общем коммунистических времен, которые не знали террористического режима коммунистов. Это поколение, которое считает, что Беларуси нужно постепенно входить в состав обычных демократических государств Европы. Они чувствовали себя европейцами, они хотели просто жить на своих условиях.

Как вы считаете, почему революция не победила? Ведь в августе – сентябре прошлого года казалось, что дни Лукашенко-политика сочтены, а оказалось, что впереди долгий, неприятный для всех процесс обрушения этого режима.

Я говорил год тому назад, повторяю и сейчас, что Александр Григорьевич является политическим зомби, значит, он уже проиграл, он вынужден уйти со своего поста. Главный вопрос – это количество жертв, которые будут понесены гражданским обществом на этой дороге.

Почему белорусская революция не выиграла? По-моему, по нескольким причинам. В первую очередь потому, что Лукашенко начал жесткие репрессии, такую высокую волну террора поднял, что обычные люди, которые не согласны с его властью, не революционеры, которые просто хотят жить спокойно в европейской Беларуси, они разошлись по домам, остались в своих квартирах, они просто побоялись террора, того, что потеряют работу, потеряют все.

Вторая причина – это в каком-то смысле ошибка оппозиции, потому что всегда в стране, в которой управление держится на авторитаризме, одним из главных факторов победы революции является группа революционеров, группа оппозиции, способная подключить к процессу часть аппарата власти. Я говорю об ошибке, потому что сторонники Светланы Тихановской, сторонники демократической оппозиции считали, что уже выиграли и не должны пойти на переговоры с частью этого аппарата власти, который стоял за спиной Александра Лукашенко. И оказалось, что все силовики, весь аппарат власти солидарны в полном составе, ударно поддержали Лукашенко. Они боялись за свое будущее, они не знали, что произойдет в Беларуси после революции, и попытались бороться за то, чтобы все было как есть.

Третий фактор победы Лукашенко – это Алексей Навальный. Почему Алексей Навальный? Потому что все знают, что влияние Москвы и Кремля на внутреннюю ситуацию в Беларуси очень серьезно. С начала 2020 года Россия хотела в Беларуси устроить, так сказать, революцию под контролем. Нечто похожее на то, что произошло в Армении. Убрать Лукашенко, найти людей, которые имеют поддержку в обществе и, несмотря на это, укреплять влияние России на белорусскую политику. Где-то до конца августа или до сентября, можно сказать, позиция российской элиты, и власти, и лично Владимира Путина была такой, чтобы Лукашенко ушел как можно быстрее. Не ушел убегая, как Янукович из Украины, но ушел на каких-то цивилизованных или более-менее цивилизованных условиях. И Россия тоже давила на Лукашенко, чтобы он отдал власть.

После возвращения Алексея Навального в Москву и в Россию, чиновники в Кремле получили опросы общественного мнения из России и Беларуси. И что же они (опросы. – *Примеч. ред.*) показали? Они показали, что структура демонстрации, структура митингов, структура протестов против Лукашенко и против Путина похожи друг на друга на 90%. И с этой точки зрения подход Кремля поменялся. Кремль очень хорошо понимал, что победа Тихановской в Беларуси очень сильно повлияет на поддержку Навального в России, а Путин боится Навального. Он не только посадил его в тюрьму, но и в общем никогда не произносит его фамилии. Он считает его реальной угрозой для своей власти. Но если эта реальная угроза очень похожа на белорусскую революцию, значит, и белорусская революция тоже может оказаться очень важным примером для оппозиции в Российской Федерации. Не надо

ее поддерживать, надо поддержать Лукашенко, чтобы он полностью развалил оппозицию, а оппозиция в России посмотрела, что может случиться, если они пойдут тем путем, которым пошло гражданское общество Беларуси. В таком смысле эти три фактора повлияли на то, что граждане Беларуси не выиграли этого первого столкновения с режимом Лукашенко, который получил очень серьезную поддержку из Москвы начиная с начала октября прошлого года.

Как вы сказали, в 1994 году Лукашенко был избран на пост президента в ходе демократических выборов. Означает ли это, что он был порождением того времени, что люди хотели и допускали тогда такого правителя?

Мне кажется, что в 1994 году, насколько я помню это время, это был совсем другой Лукашенко. Это был Лукашенко, который поддерживал бело-красно-белый флаг, поддерживал все белорусские исторические традиции, поддерживал белорусские символы, который говорил про себя «я – беларус», который не разговаривал на белорусском языке, но использовал трасянку – такой белорусско-русский сленг, очень распространенный в Беларуси. Лукашенко был самым подходящим ответом миллионам людей в Беларуси, которые боялись белорусского языка, потому что не говорили на белорусском, которые боялись рыночных реформ. Они видели, что происходило с русскими олигархами, как сложно было их родственникам в Польше в начале реформ Бальцеровича, они смотрели на коррупцию в Украине и т. д. Они просто боялись этого. А Лукашенко был человеком, который более или менее, но понимал белорусский менталитет, пытался ответить на все эти проблемы, которых боялись обычные белорусы, прежде всего в маленьких городках. Они не знали, кто такой Франциск Скорина, но знали про советских героев.

Я запомнил встречу Лукашенко с моим другом Марек Карпом (он, к сожалению, уже умер), человеком, который создал Центр восточных исследований (Ośrodek Studiów Wschodnich). Лукашенко как президент встретился с нами. Марек рассказал ему о наших совместных героях, в том числе про Тадеуша Костюшко. Лукашенко послушал-послушал и говорит: «Вот этот Костюшко был великий белорус. Я моим белорусам скажу про это, я назову улицу его именем в Минске. Я вот всем моим людям... (это очень характерно для Лукашенко: всех граждан Беларуси он называет «мои люди», он чувствует себя их собственником) Но все равно я скажу

моим белорусам, что этот Костюшко был такой великий вождь, как Машеров». Мой друг Марек разволновался: как можно сравнивать Тадеуша Костюшко с Машеровым? Лукашенко улыбнулся и сказал примерно так: «Когда я скажу людям, что он был такой вождь, как Машеров, они начнут понимать, что это был великий полководец. Если нет, то они вообще не поймут, кто это». Для меня это был очень хороший пример того, что он прекрасно понимает белорусский менталитет, понимает, как надо общаться, разговаривать с обычным человеком – не с интеллектуалом из Минска, который говорит на белорусском, постоянно читает самые новые статьи в заграничных и демократических изданиях. Но человека, который всегда использовал так называемый колхозник – радиоприемник только с одной программой, человека, который всегда читал правительственные газеты и т. д. Это один факт, подтверждающий, что тогда был другой Лукашенко. Это был человек, который отвечал на все сомнения белорусов в отношении к новому времени.

Второе – это был человек, который создал вокруг себя очень серьезную и очень хорошую команду. Не забывайте, что в этой команде был Анатолий Малофеев, в этой команде был арестованный теперь Федута, в этой команде был Латушко, в этой команде были десятки людей из «интеллектуального пика» нового поколения белорусов. То есть это был не только Лукашенко, это был не только человек, в окружении которого находились кагэбэшники, но и люди, которые представляли эту новую Беларусь, правда, они постепенно уходили. Некоторых, как Гончара¹, убили, но сначала это был совсем другой Лукашенко. Мне кажется, что, когда он наладил отношения с российским КГБ, он поменялся, почувствовал себя собственником Беларуси и белорусов и захотел управлять этой страной как диктатор.

Этот процесс происходил где-то с 1996–1997 до 1999 года. Не стоит забывать и о том, что можно назвать *Secret du Roi* – тайна короля в том смысле, что в политическом языке Франции означало полностью секретную цель, секрет того, чего хочет добиться король, диктатор и так далее и так далее.

¹ Виктор Иосифович Гончар – белорусский политик. Председатель Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов, депутат Верховного Совета Республики Беларусь 12-го созыва. Исчез при невыясненных обстоятельствах.

Запись подкаста с Ежи Марек Новакским.
Студия Радио Кампус, 19 ноября 2021 года

И Лукашенко где-то с 1995–1996 года придумал, что он будет следующим президентом России после Бориса Николаевича Ельцина. Он встретился с бывшими коммунистическими чиновниками в глубинке России, поговорил с Ельциным, поскольку он хотел отстроить если не Советский Союз, то великую Россию. Ельцин ему пообещал, что есть возможность баллотироваться в президенты объединенной Беларуси и России. Лукашенко, с одной стороны, начал укреплять свою личную власть в Беларуси, с другой – продавал по кусочку белорусскую независимость за свою личную мечту стать президентом объединенного государства. Но после 2000 года, когда пришел к власти Путин, он понял, что это невозможно, это только мечта, и пошел в другом направлении. Но удерживая все эти инструменты диктатуры, которую создал ранее.

В свете нынешнего миграционного кризиса на границе Беларуси с Европейским союзом многие западные лидеры говорят о том, что без поддержки Кремля Лукашенко никогда бы на это не решился. Однако отдают ли в Европе отчет, что Лукашенко и сам много раз использовал Путина и обыгрывал его? Беларусь многие годы получала газ и нефть по заниженным ценам, взамен обещая братскую любовь, но на деле дальше обещаний не доходило.

Да, я согласен, но мне кажется, что этот пограничный кризис был создан Лукашенко без разрешения Кремля, без сомнений, без какой-то инициативы Кремля. Это Лукашенко. Этот кризис, я считаю, он создал для того, чтобы укрепить свою личную позицию и уйти от давления России, которая нажимает на него постоянно, чтобы он ушел с поста президента. Таким образом, он хочет устроить кризис. Он надеется его потом решить. Он хочет получить признание своей незаконной власти со стороны Запада, чтобы, укрепив свою личную позицию, пойти к Владимиру Владимировичу и сказать: «Я не могу уйти со своего поста, потому что я лично оказался единственной гарантией стабильности страны и не только страны. Я защищаю нашу совместную союзную границу от этих ужасных агрессоров из НАТО и Евросоюза». По-моему, это и есть основная причина этого кризиса.

Второе – Лукашенко вынужден платить деньги своим преторианцам, своему окружению. Откуда пришел этот кризис? С Ближнего Востока, где люди Лукашенко продавали за десятки тысяч долларов такую картину, что, приехав в Беларусь, жители ближневосточных стран уже без каких-либо проблем проедут в Западную

Европу, прежде всего в Германию, где они получают работу, неплохие деньги или и то и другое. Не стоит забывать и еще одну вещь. Многие из них – это люди, у которых есть родственники в Германии. Прежде всего это касается курдов из Ирака. Таким образом, окружение Лукашенко и его соратники заработали огромные деньги, десятки и сотни тысяч долларов. Это тоже был шаг в сторону укрепления своей личной власти.

И третье – это, несомненно, он хотел как-то поиграть против Литвы и Польши как стран, которые поддержали демократические движения Беларуси, где живут и работают десятки политиков, сопротивляющихся власти Лукашенко, и т. д. Это операция, которую я бы назвал государственным терроризмом или гибридной войной. Этот государственный терроризм, эта операция была основана на трех источниках: укрепить позиции Лукашенко в отношении России, дать заработать деньги своей команде и своему окружению и повлиять на соседние страны, чтобы они подумали, сколько стоит поддержка демократической Беларуси.

Следующий шаг оказался уже более сложным, потому что лидеры Европы, лидеры демократического мира начали звонить не Александру Григорьевичу, а сразу Путину. Можно сказать, что решение этой проблемы возможно двумя путями: или поступить с Лукашенко так, как это сделала Ангела Меркель (я еще вернусь к этому вопросу), и разговаривать с ним о том, чтобы убрать мигрантов с границы и более-менее успокоить ситуацию в пограничной зоне с Польшей, Литвой и Латвией, или звонить прямо Путину и разговаривать с ним не про границу, потому что это не его граница, а разговаривать с Путиным, чтобы убрать Лукашенко как сумасшедшего диктатора. Таким образом, есть две возможности. Но Владимир Владимирович тоже посчитал, что он может получить какую-то выгоду в связи с этим кризисом, и посоветовал западным лидерам, чтобы они связались напрямую с Лукашенко.

Важно, что Лукашенко позвонила Ангела Меркель. Почему? Потому что она уже уходит из политической жизни. Она теперь только исполняющий обязанности канцлера и, можно сказать, она взяла на себя лично риск разговаривать с Лукашенко, не признавая его. Она подчеркнула, что звонила не президенту, а господину Лукашенко и никому другому. С ним она обсуждала вопрос решения пограничного кризиса.

С этой точки зрения Путин, можно сказать, одержал двойную победу. С одной стороны, Лукашенко очень благодарен, что железное кольцо вокруг него немного ослабло после звонка, а с другой – Путин показал Лукашенко, что без России тот не сможет ни с кем разговаривать, потому что полностью зависит от России. Это первая победа Путина. Вторая состоит в том, что он обратился напрямую к странам Запада, чтобы они платили (никто точно не знает сколько) деньги Лукашенко. Что это значит? Это означает, что уменьшатся расходы России на поддержку этого человека, ведь одна из главных проблем для России в том, что в Москве не хватает денег, чтобы полностью взять Беларусь на свое содержание. К счастью для белорусской независимости Беларусь стоит слишком дорого для России во время экономического кризиса, и Путин хочет часть денег для Беларуси привлечь с Запада, который платил бы за то, чтобы убрать мигрантов. И вместе с этим Кремль сохранил все инструменты, которые дают ему возможность убрать Лукашенко. И может оказаться, что Россия обратится к Западу с предложением, очень похожим на ее проект контролируемых революций. Иначе говоря, мы уберем этого сумасшедшего диктатора, придет кто-то, кто будет иметь реальную поддержку граждан Беларуси, но мы это сделаем только при условии, что Запад будет платить за инвестиции или оплатит часть расходов этой будущей Беларуси. Это будет точно такой же шаг, который Путин сделал, устраивая революции под контролем как в Армении, Молдове, как хотел сделать в Грузии, где ему не повезло, и в конце концов в Беларуси. Результат будет аналогичным, но, к сожалению, это десятки убитых, сотни людей после пыток в тюрьме и т. д. Но здесь все значительно хуже.

Путин понимает, что самой высокой ценой для России было бы потерять симпатию белорусского народа. Пока белорусы в первую очередь говорят про русских как своих друзей. Украинцы еще несколько лет тому назад, до войны 2014 года, тоже говорили, что главные друзья на уровне народов для них русские. Теперь уже Россия на первом или втором месте среди врагов по опросам общественного мнения.

Российский президент также получил результаты опроса, который провел Всероссийский центр исследований общественного мнения, и этот опрос² показал, что 62% белорусов не имеют

² В интернет «слили» закрытые опросы ВЦИОМ в Беларуси для российского МИД, 23.10.2021 [доступ 01.12.2021]. Доступно в Еврорадио: <https://euroradio.fm/ru/v-internet-slili-zakrytye-oprosy-vciom-v-belarusi-dlya-rossiyskogo-mid>.

никакого доверия к Лукашенко, а 66% жителей Беларуси не хотят объединения Беларуси и России. Самые популярные политические лидеры в глазах белорусов – это Мария Колесникова и Виктор Бабарико. Они, по мнению 50% белорусов, являются наилучшими политическими лидерами будущего. Колесникова и Бабарико – это люди, можно сказать, очень тесно связанные с Россией. И в то же время они представляют собой демократическую часть белорусской элиты. После этого опроса, после переговоров с Лукашенко и ответа Лукашенко в виде сюрприза на границе, который является тоже проблемой для Путина, российский президент хотел снизить уровень санкций, но не хотел разговоров на одном уровне с Западом, а только с некоторыми его лидерами – с США, Германией, с Францией. Лавров (министр иностранных дел России. – *Примеч. ред.*) сказал, что России нужно разговаривать с серьезными партнерами из Евросоюза по поводу кризиса, а значит, Россия будет определять, кто является ее партнером внутри Евросоюза, не Евросоюз в целом. С этой точки зрения теперь Лукашенко уже немного ослаблен, потому что в игру включилась Москва.

Что произойдет дальше? Это сложный вопрос, мы не знаем. Лукашенко может сделать все, может даже начать войну, чтобы сохранить свою личную позицию, ничего другого. Это борьба не за свободу Беларуси, не за независимость, только за личную власть Лукашенко. Надеюсь, что и Запад, и Россия смогут его удержать от развязывания войны. И я считаю, что после этого кризиса Владимир Путин уберет Лукашенко. Наиболее вероятно, что он сделает это казахстанским путем. Лукашенко пойдет на пост главы Всебелорусского собрания или Совета безопасности – неважно. Но он уйдет с поста президента на более теньевую позицию с надеждой, что сохранит власть. Однако логика диктатуры такова, что, уходя с поста номер один, ты никогда не сможешь сохранить власть. Можно посмотреть, как ведет себя Назарбаев в Казахстане. Несмотря на то что его позиция, отношение народа к нему в Казахстане совсем другое, чем к Лукашенко. Большинство казахов реально любило Назарбаева. Он до сих пор является символом независимости и символом суверенитета Казахстана.

Лукашенко начал репрессии в 2006-м. В 2010, 2014, 2020 году этот кредит доверия он уже потерял. Всегда диктаторская власть вынуждена держать формальную основу. Значит, любой президент, который придет после Лукашенко (это может быть его фаворит, может быть кто-то иной), но логика системы такова, что он очень быстро войдет в конфликт, а имея большинство инструментов,

сможет убрать Лукашенко или опустить до маргинальной позиции.

Вы сказали, что конфликт, который сейчас развивается, – это не только граница Беларуси, но и граница Союзного государства. Сама идея Союзного государства прозвучала еще в прошлом веке. На бумаге проект был оформлен в 1996–1999 годах, и все это время Лукашенко как-то удавалось формально избегать поглощения Беларуси Россией. Сейчас он оказался в тупике. Можем ли мы ожидать, что Россия действительно поглотит Беларусь?

Надеюсь, что нет. Почему? Во-первых, потому что Беларусь стоит слишком дорого. Россия, если бы присоединила Беларусь (единственное подобное присоединение как части Российской империи или объединенного государства), заплатила бы не менее 12–15 миллиардов долларов в год за восстановление экономики Беларуси или присоединение белорусской экономики к российской, а может быть, и больше, потому что это тоже поменяет направление белорусской торговли и в конце концов не будет ни в каком смысле прибыльным для России.

Путин пытался присоединить Беларусь только по одной причине – чтобы разрешить кризис и решить вопрос 2024 года. Он хотел, чтобы ему как кандидату в президенты объединенного государства не нужно было менять Конституцию Российской Федерации. Можно сказать, в каком-то смысле Александр Григорьевич – это единственный человек, который выиграл у Путина. Лукашенко заставил Путина менять российскую Конституцию, пойти на риск массовых митингов, массового протеста для укрепления своего имиджа как антидемократического президента. Поскольку Лукашенко не согласился на объединение стран, Путин был вынужден пойти по пути внесения поправок в российскую Конституцию и на риск возникновения внутрироссийского конфликта вследствие этого. Зачем ему в таком случае нужна Беларусь? Как три очень бедные и находящиеся в достаточно сложном положении губернии России? Лучше сохранить Беларусь полностью независимой.

Федор Лукьянов в журнале «Россия в глобальной политике» написал³, что надо сделать только один шаг: устроить в Беларуси российскую военную базу, так чтобы страна находилась в таком положении, как теперь Армения – полностью зависимой от России. Можно сказать, что это колониальный подход России, но колониальные империи всегда зарабатывали на своих колониях, и Россия то же самое хочет сделать с Беларусью. Значит, эти все интеграционные договоры являются лишь игрой: я сделаю один шаг вперед, шаг назад, два шага вперед и один назад. С одной стороны, Лукашенко представляет только себя лично как человек, который борется за независимость Беларуси. Он убежден в том, что говорит людям: только он гарант белорусской независимости. С другой стороны, Путин получает какую-то победу, которую может предоставить своим гражданам: я отстраиваю Великую Россию, Беларусь шаг за шагом входит в состав великого русского государства. Ничего не меняется.

Главный вопрос – создание военных баз на территории Беларуси, потому что это был бы шаг, который пересекает красную линию страны, стран НАТО, стран Запада. Но для России это угроза, потому что красные линии с обеих сторон. Если Россия пересечет ее, США могут поставить две, три или четыре бригады своей армии на границах России и Беларуси с Польшей. Это существенно изменит стратегическую ситуацию. Россия скорее ждет конфликта США с Китаем, как Сталин в 1939–1940 годах: пусть эти «империалисты» борются друг с другом, а я буду на этом выигрывать без единого выстрела. Мне кажется, что такой расчет и у Владимира Владимировича, который ждет этой войны, этого конфликта и думает как можно дороже продать нейтралитет России по отношению к этому конфликту.

Насчет присоединения Беларуси. Идея единого государства появилась в 1996 году исключительно на основе личной мечты Лукашенко стать президентом России. Он, председатель колхоза из маленького белорусского городка, сможет стать президентом великой России. Известно, что он об этом мечтал. Но это невозможно. С одной стороны, я думаю, что русские гэбисты убрали бы его, если бы он выиграл выборы, а с другой – российская элита очень серьезно ответила на эти попытки, поддержав Владимира

³ Что надо сделать Москве, чтобы привязанность к ней Белоруссии не зависела от Лукашенко [доступ 01.12.2021], Россия в глобальной политике, <https://globalaffairs.ru/articles/chto-delat-moskve/>.

Путина в 2000 году как кандидата на пост президента России. Но теперь Лукашенко не хочет отдавать Беларусь, потому что он хочет остаться президентом, а не стать губернатором, но президентом остаться не получается. Для сохранения своей власти, может быть только временного, он продает по кусочку реальную независимость Беларуси.

В марте 2021 года в докладе группы «Беларусь в регионе» под названием «Беларусь 2021. Перспективы перемен»⁴ вы так определили цели польской политики в отношении Беларуси. Это стабилизация внутренней ситуации в Беларуси (будет достигнута в 2021 году), проведение реформ, которые создадут структуральную основу для стабильного функционирования государства; укрепление польского присутствия в Беларуси; сближение Беларуси с ЕС. Как вы сейчас смотрите на эти цели, они все еще актуальны?

Они актуальны, но в отличие от марта этого года, может быть, являются целями среднесрочными, а не краткосрочными. Без сомнения, главная цель польской политики по отношению к Беларуси – укрепление белорусской независимости, поддержка свободного выбора белорусского народа, поддержка выбора и представления того, что западный выбор лучше, чем восточный, потому что это будет свободный выбор белорусов. И я бы ничего не поменял, но может быть, в кратковременной перспективе указал, что в первую очередь надо освободить всех политзаключенных, поменять руководство белорусских силовиков и, несомненно, поменять систему власти, укрепляя парламент и репрезентацию граждан.

Это парадокс, но это совпадает с подходом России, потому что она тоже настаивает на повышении роли парламента и правительства в белорусской системе власти. Знаете, я запомнил, когда работал в Армении, здесь тоже провели конституционную реформу в 2016 году и перенесли центр власти из президентского дворца в правительство, потому что, как мне говорили лидеры Армении – президент, министры, легче коррумпируют или сделать кампанию одного человека извне, чем подготовить жителей страны проголосовать за 80 депутатов, которые будут идти в одном направлении против интересов страны. Так они думали, но мне

⁴ *Białoruś 2021: perspektywa zmiany*, Warszawa 2021.

кажется, несмотря на то что происходило в Армении во время войны с Азербайджаном, они были правы. Да, сложнее повлиять на решение парламента, чем на решение одного человека, который управляет страной.

Возвращаясь к докладу, как вы считаете, польское правительство прислушалось к этим целям?

Более или менее да, но мне кажется, что польское правительство, к сожалению, уже думает больше про следующие выборы, чем про долгосрочные политические цели. В этом смысле польское правительство не поменяло целей и своего подхода к восточным партнерам. Но в последние годы оно обратилось прежде всего к внутренним вопросам. Восточная политика, к сожалению, я считаю, очень мало активна, и это не та политика, которая имеет идеи нового типа.

Я всегда указываю моим студентам, что в начале 1990-х польская политика в отношении к востоку развивалась двумя путями. С одной стороны, это были отношения с Советским Союзом, а с другой – налаживание отношений со всеми республиками. Существовал Советский Союз, но мы встречались с министрами и премьерами не только балтийских государств, но и Украины, Беларуси, Российской Федерации. Мы налаживали отношения, мы подписывали договоры со всеми этими республиками. Это был серьезный шаг в направлении разрушения Советского Союза.

Какова была цель этой политики? Чтобы проснулись элиты этих стран, а мы почувствовали себя как суверенные субъекты международной политики. Нам в этом повезло. Это нас выделило в мире, потому что я запомнил, как нас приглашали в американские и германские университеты, чтобы мы делали доклады о том, как мы придумали такую политику.

Но сейчас нужны новые инструменты проведения восточной политики и влияния на происходящее на территории бывшего Советского Союза. Потому что, судя по отчетам всех аналитиков и информации разного рода толстых журналов, которые в Москве появились в последние месяцы, Россия шаг за шагом движется в сторону новых «смутных времен». Почему? Где-то приблизительно в 2030 году Европа и США будут включать так называемую зеленую экономику. Это значит, что газ и нефть будут необходимы в меньшей степени. Следовательно, Россия не получит

столько денег. С другой стороны, сколько лет будет Владимиру Владимировичу в 2030 году? 78. Его кругу примерно столько же, самый молодой, насколько я помню, это Медведев, которому будет 65. Прекрасно! Что это значит? Это значит, что Россия войдет в кризис власти, нужно будет найти следующее поколение власти. Уже все замечают, что внутри ФСБ идет борьба трех фракций. За что они борются? Они борются за то, чтобы выйти на путинский путь, как Путин в конце 1990-х вместе со своей командой. Следовательно, снова экономический кризис, денег не будет хватать, будут проблемы внутри власти и в дополнение ко всему очень глубокий, очень серьезный демографический кризис, потому что Россия только в прошлом году потеряла миллион жителей, большинство из них – славяне. Значит, этот кризис тоже будет очень серьезным. Среди славян будет больше пенсионеров, чем работающих. Эти три фактора кризиса обозначают, что Россия войдет в какого-то типа смуту, причем большую. Эксперты в Кремле очень хорошо это понимают. Они знают все это, ведь аргументы я взял не из какой-то тайной публикации ЦРУ, а из российских официальных журналов, связанных в большей или меньшей степени с Кремлем. Если они об этом знают, что им надо сделать?

В первую очередь, если у них есть стратегические цели, их надо реализовать как можно быстрее. Это угроза для нас, потому что Россия будет использовать все возможные средства для того, чтобы добиться своей стратегической цели. Что это значит для белорусов? Для Светланы Тихановской, например? Это означает, что надо спокойно подождать и сделать все, чтобы Беларусь не потеряла инструментов своей независимости: министерств, правительства, участия в международных организациях. Потому что, когда вот это окно возможностей откроется, его нужно использовать через отстройку или создание политической профессиональной контрэлиты. Людей, подготовленных в эмиграции или внутри страны, которые будут готовы занять посты в правительстве и разного рода государственных институтах. Новая Беларусь. И в конце концов удержат хорошие отношения и с Западом, и с Россией. Потому что Россия не пропадет в каком-то «черном ящике», она лишь временно станет слабее. Поэтому надо удержат хорошие отношения с Россией, укрепить отношения с Западом и взять столько независимости, столько суверенитета, сколько удастся, когда это окно возможностей будет открыто. К этому нужно готовиться: 2030 или 2032 год – это перспектива очень близкая с точки зрения политики, то есть две каденции любого парламента.

Запись подкаста с Ежи Марек Новакским.
Студия Радио Кампус, 19 ноября 2021 года

Для Беларуси первое условие – это убрать Лукашенко, потому что он уже ничего не воспринимает, кроме своих личных интересов. Прекратить репрессии, потому что они ломают руки и ноги всему белорусскому обществу. А в ответ ждать стабилизации не только в Беларуси, но и вокруг, так, чтобы сохранить все, что возможно.

Вы говорили, что репутация Польши в определенном смысле определяет репутацию всего региона. Какие это имеет последствия, если говорить о нынешней ситуации, как это выглядит?

Я не хочу быть очень критичным по отношению к нашему правительству. По-моему, это правительство тоже в каком-то смысле уже наполовину политические зомби. Может быть, не такие, как Лукашенко, но это правительство, которое уже готовится уходить. Это подтверждают разного рода показатели. И это правительство, которое в основном занято только своими внутренними интересами. Прежде всего они думают, каким путем обыграть людей, обмануть их, чтобы получить поддержку. Это сложно, но к сожалению, международная ситуация такова, что правительство вынуждено теперь идти совсем другим путем. Так, главная обязанность правительства – объединить общество, которое в Польше очень глубоко расколото. Но есть серьезные внешние угрозы. С одной стороны, как мы говорили, основанные на российском внутреннем кризисе и агрессивной политике Российской Федерации. С другой стороны, висит в воздухе риск третьей мировой войны, которая может начаться в Тихом океане между США и Китаем. Это такого рода конфликт, при котором экономика мира возвратится на 20 лет назад. Это тоже серьезная угроза. Есть угрозы, связанные с будущим Евросоюза. Польша должна быть заинтересована в укреплении Евросоюза.

Политическая география мира изменилась, мы вернулись к идее консервативных империй. Если Европа не будет объединенной, она будет не игроком, а только местом игры других держав. Значит, объединение Европы – это интерес всех, но политики должны думать в перспективе не двух лет, а десятилетий. А правительство Польши мыслит на основе идеологии, которая была ведущей сто лет назад, но не сейчас, – национальной идеологии. Оно думает, используя идею народного не национализма, народного сепаратизма или игры национальных государств. И это в то время, когда только мультинациональные и международные институты имеют возможность выступать на международной арене

как полноценные участники игры. И третье. Это правительство, собственно говоря, не думает про внешнюю политику, используя ее только как элемент пропаганды своей внутренней игры на разных уровнях. В связи с этим я подхожу к оценке деятельности правительства очень критически, прежде всего потому, что Польша в последние годы потеряла свою внешнюю политику, и это в то время, когда внешняя политика начинает играть решающую роль в мировом сообществе.

Вы много путешествовали по странам бывшего СССР, преподаете у студентов-иностранцев. На ваш взгляд, существует какая-то общая постсоветская идентичность?

Нет, существует «постсоветский сантимент» (положительные воспоминания о советском прошлом. – *Примеч. ред.*). Я не назову это идентичностью – это другое. Везде – в Латвии, в Армении, в Грузии, в Кыргызстане, – люди мне рассказывали: когда я провел каникулы в Сочи или в Юрмале, когда я путешествовал по Алтаю... Они чувствовали себя гражданами огромного пространства. Теперь куда ни посмотри – сразу границы. Второе – это сантимент, можно сказать, к мультинациональному обществу. У многих людей он есть. Несмотря на великорусскую идеологию лично Брежнева и кого-то, официальная идеология все же была мультинациональной. В Якутске губернатор мне говорил, что у них живут 73 национальности, в том числе поляки, чехи, словаки и т. д. Он это с гордостью говорил. Этот сантимент тоже остался, но я полностью соглашаюсь с Владимиром Владимировичем Путиным, который, насколько я помню, в 2005 году в апреле сказал, что распад Советского Союза был самой великой геополитической катастрофой XX века⁵. Но никто не запомнил, что через несколько дней после этого Путин уточнил, что тот, кто не сожалеет о распаде Советского Союза, не имеет сердца, но тот, кто хочет его воссоздать, не имеет ума⁶. Можно сказать, что он в каком-то смысле был прав. Да, существует постсоветский сантимент, но нет реальных сил и возможностей, чтобы восстановить Советский Союз и советскую систему, в том числе вокруг Путина, в его тесном кругу, нет людей с таким мышлением.

⁵ Послание к Федеральному собранию Российской Федерации [доступ 01.12.2021], <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>.

⁶ Путин впервые произнес эту фразу в интервью германским телеканалам АРД и ЦДФ 5 мая 2005 года. Текст выступления [доступ 01.12.2021] см.: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22948>.

На YouTube есть видео, где вы проводите экскурсию по Риге, ходите по музеям, идете на базар, общаетесь с местными предпринимателями. Это показывает вас как опытного политика-дипломата, который не боится выйти на улицу, общаться с людьми, знает жизнь в этом городе не только из своего кабинета.

Это и есть основная обязанность дипломата. Когда я приехал в посольство, сразу спросил у сотрудников, которые сидели за столами и готовили какие-то бумажки: «Зачем вы здесь сидите?» – «А что нам делать? Бывший посол сказал сидеть, готовить документы, посылать в Варшаву». Я им говорю: «Нет, ваша работа – выйти отсюда, встретиться с людьми, потому что все эти бумаги вы можете заполнять и в Варшаве через интернет».

Работа дипломата состоит том, чтоб поддерживать контакты с людьми. Можно сказать, что современная дипломатия поменялась. Теперь дипломатия – это прежде всего большое рекламное агентство, потому что средства коммуникации настолько развиты и президент звонит президенту – им послы уже не нужны для личного разговора. В Европе все министры каждый месяц встречаются в Брюсселе, премьеры тоже. Зачем им дипломаты? Дипломат нужен для того, чтобы поддерживать контакты, укреплять имидж своей страны, чтобы встречаться с влиятельными людьми в стране, чтобы сказать им: вот, посмотрите, Польша – это хороший партнер, с Польшей можно делать бизнес, с ней вы имеете какие-то исторические совместные дела. Есть исторические личности, например Костюшко или другие польско-белорусские личности, которые объединяют наши народы. Существуют десятки поляков, которые строили Россию. Альфонс Фомич Поклевский-Козелл, например, один из главных людей, которые осваивали Сибирь. Сотни польских ученых до сих пор помнят в Сибири. Памятники Пржевальскому и другим стоят там. Так что есть основа. То же с латышами. Без сомнений, Латвия входила в состав Речи Посполитой, значит, есть общая история, есть культура, есть самое главное сегодня для дипломата – экономика, человеческие отношения. Это теперь работа дипломата. Он не заходит теперь с тайным письмом, потому что это письмо посылают напрямую друг другу президенты или премьеры. Дипломат теперь работник государственного пиара.

В конце разговора мы просим наших гостей рассказать какой-нибудь, в вашем случае армянский, латышский, может, белорусский или советский анекдот.

Этих анекдотов можно рассказать десятки. Я имел честь встретиться с министром иностранных дел Советского Союза Эдуардом Шеварднадзе, и мы разговаривали с ним насчет польско-советских или польско-российских отношений. Еще не грузинских, нет. И вот тогда под очень вкусный армянский коньяк мы пришли к такой идее, что вопрос отношений между Польшей и Россией – это вопрос в общем-то не политики, не истории. Это очень маленький вопрос для орнитолога. В каком смысле? Шеварднадзе мне сказал: «Это просто: если мы определим, что курица является птицей, польско-российские отношения будут блестящими». Он имел в виду известную поговорку, что курица не птица, Польша не заграница. Очень опытный дипломат мне сказал, что надо впустить орнитологов в наши отношения.

Насчет Армении мне очень трудно говорить, потому что после войны с Азербайджаном армяне, я думаю, потеряли половину своей души. Но свидетелем одного из самых интересных дипломатических инцидентов не с участием Польши я стал в Армении. Археологи недалеко от городка Арени открыли самые старые старинные в мире приспособления, с помощью которых производили вино. Они теперь находятся в музее в Ереване. Самые старые в мире сапоги из кожи тоже там нашли. 6000 лет им. Потому что там такая вулканическая пыль, в которой все это сохранилось. Армянские археологи с гордостью рассказали, что нашли первое в истории человека место производства вина. Через несколько дней после этого мой коллега, посол Грузии, пришел в МИД Армении с нотой, выражающей протест: несмотря на то что говорят эти ученые, место где начали производить вино, – это Грузия. Это был официальный документ.

Такой же спор о том, борщ украинский или русский?

В Польше говорят, что украинский.

Я тоже так считаю.

Россию, Беларусь, Армению, Латвию я очень люблю. Я расскажу еще международный анекдот, связанный с Латвией и польской историей. В 10 километрах от Риги, в городке Саласпилс, есть

памятник на месте одной из самых блестящих побед в истории армии Речи Посполитой – победы под Кирхгольмом. Кирхгольм – давнее название этого городка. Там есть небольшой памятник, установленный польским посольством. Есть маленький памятник, установленный шведами: памятник шведскому солдату, господину Вреде, который отдал своего коня королю Швеции, и благодаря этому он ушел. Значит, там есть два памятника, и каждый год мои коллеги, которые работали раньше в Латвии, всегда вместе с послом Швеции возлагали цветы к двум памятникам. Когда я работал в Риге, послом Швеции был мой хороший друг, ранее посол Швеции в Польше. Он очень умный человек, прекрасно говорящий на польском, Матс Стаффанссон (Mats Staffansson). Мы решили немного дополнить традицию: мы, без сомнения, будем вместе возлагать цветы, но пригласим на это мероприятие и латышей. Почему? Потому что в составе польской армии был также полк курляндский под управлением Фридриха, герцога Курляндии. И мы придумали, что мы скажем, что латыши – это были первые латвийские солдаты, которые участвовали в этой битве. Но вместе с Матсом мы решили пригласить еще посла Финляндии. Очень хорошая дама Пиркко Хямяляйнен (Pirkko Härmäläinen), которая теперь работает замминистра иностранных дел Финляндии. Мы ее пригласили, она не знала почему, но хорошо, возьму цветы и поеду. Всегда был очень сложный вопрос с Литвой, потому что литовцы подчеркивали, что это их победа – главнокомандующим был великий гетман Литвы Ян Кароль Ходкевич. Несмотря на литовцев, мы в таком составе – главнокомандующий армии Латвии, послы Финляндии, Швеции и Польши – приехали. И потом около памятника мы выступаем вместе с Матсом, пожимаем руки, говорим: «Мы сегодня празднуем день великой победы, совместной польско-шведской победы над Финляндией. Пиркко смотрит на нас – как так? Мы уточнили: Зигмунд Ваза еще был законным королем Швеции в 1605 году, а король Сёдерманландский был только великим князем Финляндии, который как бунтовщик боролся против легального короля. Значит, мы здесь вместе, поляки и шведы, победили финнов. Она посмеялась, все смеялись и в конце концов мы пригласили потом на обед литовцев, чтобы они тоже присоединились к нашей совместной «победе над Финляндией».

Список сокращений

Безвиз – безвизовый режим с Европейским союзом
ГКЧП – Государственный комитет по чрезвычайному положению
в СССР
ГПУ – Государственное политическое управление
ДНК – Дезоксирибонуклеиновая кислота
Евросоюз (ЕС) – Европейский союз
КГБ – Комитет государственной безопасности
МАРХИ – Московский архитектурный институт
МИД – Министерство иностранных дел
НАТО – Организация североатлантического договора
Нацгвардия – Национальная гвардия
НГО – негосударственная организация
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКО – некоммерческая организация
НЛО – Новое литературное обозрение
НПО – неправительственная организация
ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ООН – Организация Объединенных Наций
ПДЧ – План действий по членству в НАТО
ПНР – Польская Народная Республика
РФ – Российская Федерация
СМИ – Средства массовой информации
СНГ – Содружество Независимых Государств
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
США – Соединенные Штаты Америки
ФСБ – Федеральная служба безопасности Российской Федерации
ЦРУ – Центральное разведывательное управление США

Именной указатель

- Абашин Сергей 129
Аземша Алена 7
Алиев Гейдар 40
Алиев Ильхам 40
Андропов Юрий 14
Атаева Надежда 125
Ахмедова Умида 125
Ахметов Ринат 102
- Бабарико Виктор 140
Бажан Микола 115
Бальцерович Лешек 107, 134
Бильдт Карл 113
Блок Александр 115
Боровски Марек 89
Брала Кристина 7
Брежнев Леонид 148
Бурбулис Геннадий 36
Бэлька Марек 89
- Валенса Лех 15, 33–34
Варликовский Кшиштоф 19
Влодек Людвика 6–7, 114
- Гавялис Ричардас 87
Гайдар Егор 107
Галеотти Марк 65
Гамсахурдия Звиад 39
Гедройц Ежи 59
Гживачевски Томаш 120
Гоголь Николай 115
Гончар Виктор 135
Горбачев Михаил 30, 36, 99
Грибаускайте Даля 71
Громбчевски Бронислав 128
- Ельцин Борис 33–34, 36, 49, 137
- Жапаров Садир 126
Жириновский Владимир 121

- Звягина Александра 7
Зигмунт Ваза 151
Зюганов Геннадий 49
- Ивашкевич Ярослав 8, 114–117
Ивашкевич Анна 116
- Казимеж Ягеллончик 37
Кальюлайд Керсти 108
Каримов Ислам 126
Карп Марек 134
Качиньский Лех 40
Квасьневский Александр 38, 89, 94
Кебич Вячеслав 36
Керзон Джордж 61
Кинах Анатолий 107
Китовани Тенгиз 39
Ключковски Яцек 6, 89
Ковалёв Сергей 8–9, 13, 25
Коваль Павел 112–113
Колесникова Мария 140
Костюшко Тадеуш 134–135
Кочарян Роберт 40
Кравчук Леонид 36
Ксенжек Эльжбета 7
Куценко Денис 7
Кучма Леонид 92–93, 95
- Лавров Сергей 140
Лазаренко Павел 100
Латушко Павел 135
Легуцка Агнешка 6–7, 46
Лоссовский Петр 87
Лукашенко Александр 49–50, 56–58, 107, 131–135, 137–143, 147
Лукьянов Федор 142
Лучинский Петр 38
Люпа Кристиан 19
Лятосинска Агнешка 113
- Малицки Ян 7
Малофеев Анатолий 135
Маршалл Джордж 57, 108
Машеров Петр 135

- Медведев Дмитрий 49, 145
Меркель Ангела 138
Мерошевский Юлиуш 59
Мирзиёев Шавкат 126
Мицкевич Адам 19
- Навальный Алексей 133
Назарбаев Нурсултан 121, 140
Най Джозеф 54
Новаковски Ежи Марек 6–7, 131
Новодворская Валерия 26–27
- Олеховски Анджей 37
Отунбаева Роза 125
- Пайпс Ричард 65
Папески Роберт 116
Пардаев Уктам 125
Пинчук Виктор 102
Пласки Кшиштоф 7
Поклевский-Козелл Альфонс 149
Порошенко Петр 104
Пржевальский Николай 149
Путин Владимир 9, 34, 48–50, 56–57, 60, 62, 97, 121, 133, 137–143, 145, 148
Пушкин Александр 115
- Равич Славомир 120
Радзивон Марек 6, 8
Разумков Александр 108
Ратас Юри 86
Рейган Рональд 30
Росс Виктор 6–7, 26
- Саакашвили Микheil 40
Саид Эдвард 119
Санду Майя 55
Сахаров Андрей 11
Сикорски Радослав 113
Сквернялис Саулюс 74
Скидан Александр 7
Скорина Франциск 134
Смолярска Малгожата 7

- Снайдер Тимоти 65
Соболь Евгениуш 116
Стакис Мартиньш 71
Стаффанссон Матс 151
- Тимошенко Юлия 100, 102, 105–106
Тихановская Светлана 133, 145
Ткачук Юрий 7
Трамп Дональд 81
Троцкий Лев 30
- Усатенко Оксана 7
Ушаков Нил 86
- Федута Александр 135
Френкель Марцин 113
Фридрих, герцог Курляндии 151
- Хмелевски Бартош 6–7, 67
Ходкевич Ян Кароль 151
Хямяляйнен Пиркко 151
- Черненко Константин 14
Черномырдин Виктор 105
Чёсек (Цёсек) Станислав 33–34, 37
Чехов Антон 115
- Шакиров Мумин 20–21
Шеварднадзе Эдуард 39–40, 150
Шимашчик Каетан 7
Штефан чел Маре 37
Шумска Тереса 7
- Юрьева Дарья 7
Ющенко Виктор 95, 100, 102, 104–105, 113
- Янаев Геннадий 32, 36
Янукович Виктор 98, 100, 105–106, 113, 133
Яценюк Арсений 105

Географический указатель

- Абхазия 51
Азербайджан 39–40, 51, 98, 144, 150
Азия 43
Азия Средняя 88, 119–121, 124–130
Азия Центральная 7, 52, 114, 121, 123, 126, 129–130
Алжир 29
Алтай 148
Англия 121
Арени 150
Армения 26, 38–41, 51, 131, 133, 139, 142–144, 148, 150
Аушвиц 20
Афганистан 123–124, 130
Африка 42
Ашхабад 130
Баку 39, 98
Балтийские страны см. Балтия
Балтика см. Балтия
Балтия 7, 55, 67–69, 72, 74–75, 77, 79–82, 84–85, 87–88, 99
Беларусь 6, 14, 23, 32, 39–41, 44, 48, 52, 56–58, 61, 63, 65, 67, 69, 71–72, 74–75, 79–80, 88, 97–98, 105–107, 109, 112, 122–123, 131–135, 137–145, 147, 150
Беловежская пуца 36
Белосток 80
Ближний Восток 29, 137
Броды 98
Брюссель 82, 149
Бурятия 101, 120
Бухарест 38, 102
Быковня 99–100
Варшава 23–24, 26–27, 46, 68, 77, 79–80, 94, 116, 124, 149
Великобритания 84, 102
Венгрия 109
Вильнюс 15, 68–69, 74, 79–80, 82, 85
Витебск 65–66
Вроцлав 88
Германия 50, 55, 58–59, 74, 82, 84, 97, 102–103, 138, 140
Гродно 117
Грузия 39–40, 50–52, 55, 60, 98, 101–104, 109–110, 139, 148, 150
Дания 97
Даугавпилс 72

- Джейхан 98
Днепропетровск 100
Донбасс 51–52, 54, 56–57, 59, 101
Древний Рим 13
Душанбе 130
Европа 24, 55, 59, 62, 64, 68, 81, 98, 103, 112, 115, 121, 123–124, 132, 137–138, 144, 147, 149
Европа Восточная 6, 9, 11, 14, 21, 46, 57, 65–66, 68, 79, 109, 115, 119, 125, 127
Европа Западная 11, 60, 82, 99, 137–138
Европа Северная 68–69
Европа Центральная 6, 11, 13, 32, 55, 68–69, 79, 84, 109, 119, 125
Евросоюз, ЕС 17, 40–41, 47–48, 54–55, 57–58, 64, 68, 71, 82, 91–92, 94–95, 103, 107–109, 123–124, 126, 137, 140, 143, 147
Египет 29
Елизаветград 115
Ереван 40, 42, 150
Закавказье 39–40
Израиль 29
Иордания 29
Ирак 29, 95, 138
Исландия 84
Италия 102
Кабул 130
Кавказ 7, 38, 72, 98
Казань 30
Казахстан 37, 89, 121–124, 140
Калининград 77
Калининградская область 77
Кальник 115–116
Канада 84
Карелия 77
Катар 97
Катынь 99
Каунас 80, 82
Киев 36, 38, 44, 99–100, 102, 104, 111, 115, 117
Киевская область 100
Кирхгольм 151
Китай 123–124, 128, 142, 147
Кишинёв 37–38, 42
Краков 112
Кривой Рог 101
Крым 23, 47, 51–52, 54, 56, 59, 71, 103

- Кыргызстан 50, 89, 122, 125–126, 130, 148
Латвия 67–68, 71–72, 75, 79–80, 82, 84–88, 106, 131, 138, 148–151
Литва 14, 57, 67–69, 71–72, 74–75, 79–82, 84–87, 95, 106–107, 112, 138, 151
Львов 117
Магдаленка 94
Минск 134–135
Молдова 7, 26, 37–39, 41, 48–49, 51, 55, 69, 79, 109–110, 126, 139
Москва 8, 11, 13–14, 18–19, 22, 24, 26–27, 30, 32, 34, 37–38, 42, 51, 56, 60, 62, 77, 86, 133–134, 139–140, 144
Нагорный Карабах 40, 51–52
Новороссийск 99
Норвегия 97
Одесса 98
Освенцим см. Аушвиц
Островец 71
Подляское воеводство 80
Полице 97
Польская Народная Республика, ПНР см. Польша
Польша 6, 7, 9, 13–15, 17–19, 21, 23, 26–30, 32–34, 38–41, 43–44, 46–48, 54, 56–62, 64, 67–68, 71, 74–75, 80–82, 84, 89–91, 94–95, 97–99, 101–103, 105–112, 115–117, 119–120, 122–123, 125–129, 134, 138, 142, 147–151
Поти 98
Прага 77, 79
Приднестровье 37, 41, 51
Пулавы 97
Пятихатки 99
Республика Польша см. Польша
Речь Посполитая см. Польша
Рига 68, 71, 77, 79–81, 86, 149–151
Российская империя см. Россия
Российская Федерация см. Россия
Россия 6, 9, 11, 13–15, 17–19, 21–23, 26, 30, 32–34, 41–43, 47–52, 54–63, 65, 67, 69, 71–72, 77, 79–80, 86–87, 91–92, 94, 97–100, 102–107, 110, 112, 115–117, 119–121, 123, 125–126, 128, 133–134, 137–145, 147, 149–150
Румыния 81
Саласпилс 150
Санкт-Петербург 66
Селигер 121
Сибирь 149
Сирия 29

- Скандинавия 74–75
Словакия 17, 81, 109
Смоленщина 99
Советский Союз, СССР 6, 13–15, 17, 27–30, 32–33, 36, 39, 42–43, 46–47, 51, 61, 67–68, 72, 88, 100, 109–110, 114–115, 119–121, 123, 128–129, 137, 144, 148, 150
Соединённые Штаты, США 29, 50, 58, 81, 97, 102, 140, 142, 144, 147
Сочи 148
Стависко 116
Таджикистан 38–39, 125–127
Таллинн 80, 88
Ташкент 130
Тбилиси 102
Тегеран 130
Тибет 120
Тихий океан 147
Туркменистан 38, 124
Турция 52, 98, 108
Узбекистан 125–126, 130
Украина 6, 14, 23, 32, 36–37, 39, 41, 44, 47–50, 52, 54–56, 58–61, 63, 67, 71–72, 74, 79, 81, 88–92, 94–95, 97–110, 112, 115, 117, 119, 121–122, 126, 131, 133–134, 144
Финляндия 68, 84, 151
Франция 55, 74, 82, 102–103, 121, 125, 135, 140
Харьков 99–100
Чехия 17, 99, 109
Чехословакия 17
Швеция 40, 68, 151
Эстония 67–69, 71–72, 75, 79–80, 82, 84–85, 87–88, 107
Южная Осетия 51, 103
Юрмала 148
Якутск 148
Ялта 61